Дм. Зуев

ВРЕМЕНА ГОДА

Дм. Зуев • ВРЕМЕНА ГОДА

Дм. Зуев

ВРЕМЕНА ГОДА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1956

Книга Дм. Зуева «Времена года» — о родном Подмосковье и о простой и милой нашему сердцу среднерусской природе. Книга эта представляет собой ценное, на мой взгляд, собрание тонких фенологических заметок, несущих радость всякому любителю лесов и лугов наших, сделанных отменным мастером зарисовок и обладателем зоркого глаза на эти вещи. Так приятно иной раз — не имея возможности выехать на часок из черты города — ощутить дыхание весны, почувствовать хруст ледка под ногой или полюбоваться на осенний убор леса! В этом деле придет на помощь книга Дм. Зуева.

Она раскрывает глаза людям на окружающий их родной край, на его потаенные и незамечаемые красоты. Она учит понимать и любить живой и скрытный «язык» природы — смену фенологических явлений, примет...

Эта книга — обо всем: о лесах и водах; о падающих листьях и облаках; о птицах и зверях; об охоте, о рыбной ловле... Это сердечный разговор о чем-то очень важном для всех нас — чтоб жить, работать и делать великое дело. Дм. Зуев — страстный любитель природы, исходивший вдоль и поперек все Подмосковье. Он уверенно ведет своего читателя глухими тропами в луховицкие или завидовские леса, в таежные уголки Высоковской поймы, на заливные луга Протвы или Оки, на просторы Московского моря...

Вместе с тем он прекрасный охотник, опытный рыболов, неутомимый грибник, который с каждым читателем найдет общий язык, любимую тему: с лыжником — он спортсмен, с цветоводом — ботаник, с пчеловодом — пасечник...

А сверх всего он одаренный художник, и это художественное, поэтическое восприятие природы составляет основу и сущность его книги.

У Зуева палитра живописца, умело разбирающегося в колорите и красках пейзажа, а это помогает ему находить порою просто удивительные реалистические детали.

Надо иметь тоже особый, очень тренированный слух, чтобы различать все голоса в подмосковном оркестре пернатых музыкантов. Надо быть опытным следопытом Подмосковья, чтобы с таким знанием поведать читателю о тайнах леса, о звериных хитростях и повадках. Он просто читает лесные шопоты и, кажется, понимает птичьи разговоры,—во всяком случае, его «переводы с птичьего» не только забавляют, но и радуют своей познавательностью и народной поэтичностью.

С благодарной улыбкой, с живым любопытством читаешь у Дм. Зуева эти маленькие новеллы. А многие рассказанные им лесные были из жизни зверей — своими меткими психологическими характеристиками животных, своим хорошим мягким юмором, как они сродни русской народной сказке!

Да, «Времена года» — книжка не только занимательная, она имеет и несомненное познавательное значение. Автор стремится не только увлечь читателя своей лесной романтикой, но и делится с ним множеством полезнейших естественно-научных сведений.

Отсюда любопытны некоторые цифровые выкладки об аппетите певчих птиц, истребляющих вредителей сельского хозяйства; отсюда разговор об освоении наших лесных кладов — ягод и грибов; отсюда заботы о привлечении птиц в московские парки, сады, бульвары и другие практические советы.

Все это добыто не кабинетным изучением, а личным опытом, многолетними в любую погоду странствиями, непосредственным общением с природой. Следовательно все это — плод подлинной, жаркой, патриотической любви к родной природе Подмосковья.

Вот почему для горожанина-москвича эта книга — словно окно, распахнутое настежь, прямо в чащу подмосковного леса.

Хорошая книга!

Леонид ЛЕОНОВ.

МАРТ

Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит...

Ф. Тютчев.

Март — утро года. Улыбается ясное солнце. Раньше рассветает, позднее смеркается.

Весна... Сыреет, мякнет под ногой податливый снег. В тени — неприкосновенная зима, а на солнцепеке — капель, лужи и первые проталины. Ярче свет, выше солнце, длиннее дни...

И в этой нарастающей светлыни дня слух все чаще улавливает разноголосые «птичьи разговоры». Поутру неугомонно чирикают воробышки, будто стараются перекричать синиц.

В голубую высоту игриво взвиваются птицы-зимники. Наступает пора покидать зимовку, перелетать в лес... Парами летают лесные сплетницы — сороки. Вон они, болтуньи, застрекотали над овражными кустами ивняка, будто дивятся ранним серебристым барашкам. Заглядывают под кусты... Что-то заприметили. Там орехово-голубой русак. Трусливо покосился он на белобоких доказчиц, плотнее прижал уши, съежился в снежной норке под кустом: «Летите, мол, своей дорогой, пустомели, не разглашайте тайну заячьей лежки».

Сорокам и самим недосуг задерживаться над запуганным косым. Полетели дальше, прямо и гордо, по-фазаньи несут свои чопорно вытянутые ступенчатые хвосты.

Над ольховником что-то непонятное вдруг приключилось с сороками, вроде как на лету повздорили. И ну кувыркаться в небесной бирюзе. Забавен этот своеобразный сорочий ток в воздухе.

С высоты птичьего полета заметили зимние завсегдатаи города новость в природе. Волнуется легкая рябь на освободившейся от льда полынье. Вековая ива распростерла над первой живой водой развесистый шатер узорных ветвей.

Потешно, бочком-бочком запрыгала серая ворона к самой кромке снега, хитрым глазком уставилась на струю, словно сомневаясь: вода ли это? Потом прильнула клювом, тряхнула утвердительно головой и каркнула: «Да!» И мгновенно слетели на неожиданный водопой вороны, галки, сороки и галдели без умолку: вот невидаль — зимой вода течет! Напились и расселись по деревьям.

А в выси новая пара. Уже первый весенний ток затевает игривая чета воронов. Реют и парят в голубом просторе угольно-черные птицы. Пришла пора подумать и о потомстве птичьего рода.

А красные и желтые клесты уже вывели птенцов, на-

поминающих своим писком о приближении чарующей весенней поры.

Пока еще морозят ночи, снежат порой метельные дни. Но какие бы сюрпризы ни преподносил март, все звонче мартовская капель и все сильнее аромат сочно-смолистых набухающих почек.

...Скоро, скоро,
Под лаской девственных лучей,
Стремглав помчится с косогора
Весною созданный ручей.

Голос лесной ночи

Ночь в сугробах марта. В лесу еще зима-зимой. Едешь темно и морозно, а все-таки слышишь уже не зимние новости. Дребезжат сычи. Кругом тихо, и вдруг кто-то диким голосом завопил слева от дороги. И сразу смолк. А вот еще такое же зычное «пугу» раздается справа. Эхо откликается то близко, то далеко. Страшно! Этот зычный крик, да еще темной мартовской ночью, вызывал у суеверных людей невольный страх. В старину думали, что лес населен злыми духами: лешими, лесовиками и другими страшилищами.

Заблудится в лесу грибник и свалит на «нечистую силу»: «Леший завел — насилу вышел».

А осенью завоет ветер в трубе — суеверному человеку кажется: «Домовой неладное пророчит, жди беду».

В конюшню забежит ласка (она гоняется за мышами), лошадь перепугается, бьется, взмылится. Утром хозяин посмотрит и скажет: «Продавать надо, домовой невзлюбил, не ко двору лошадь».

Ныне каждый школьник знает, что в природе нет тайн для тех, кто знаком с естествознанием.

Пионеры с удовольствием, ради любопытства, послушают «таинственный» голос лесной ночи и, несомненно, правильно объяснят это предвесеннее явление природы.

Невежественные люди думали, что леший бегает по лесу и кричит... А это, оказывается, только филин-пугач. Как угорелый носится он в темноте над деревьями. Крикнет, отлетит за километр и снова ухает: «Пугу!»

Весна встревожила ушастого петуха. Ему тоже хочется петь на этом воздушном току, а голосом-то в певцы не вышел. Вот дикий, тревожный крик и разносится на весь лес.

Тайны леса

Лунной ночью в березовом лесу светло, как днем. Свет луны отражается сугробами и делает лес просторным, похожим на огромный зал с белыми колоннами. Полна тайн настороженная тишина ясной зимней ночи.

Что это? В снегу темнеет щель. Полоса света как бы серебряным поясом охватила чей-то мохнатый бурнус. Под сугробом, в берлоге, лежит и дремлет в ночной тиши медведь. Его не беспокоит холодный луч луны, пробившийся влубь берлоги.

Да, да, медведь в Подмосковье. Он зимует в заповедных луховицких лесах. Добродушен этот косолапый «вегетарьянец».

В сентябре и октябре медведь отъедался одними золочеными желудями. Не брезговал и ягодами брусники, клюквы. А сейчас спокойно дремлет. Сладко нежится,

знает, что снег надежно прикрыл следы. Это и надо зверю. Больше всего рад топтыга лесной тишине: никто его не беспокоит.

Дремлет медведь, но чутко прислушивается к неугомонной жизни зимнего леса. Снежинки еле слышно шуршат о кору старых осин, скользят по уцелевшим кое-где сохлым листьям дубнячка, цепляются за хвою. Синички тихо напевают. Дятел стучит. Все это звериному чуткому сну не помеха.

Но вот настала ночь. Полная тишина. И вдруг звонко треснул сушняк. Сразу понял медведь: это не мороз. Вот и снег хрустит. Кто-то через кусты и сугробы напролом бредет. Медведь взъерошился, привстал, навострил уши, сверкает глазами. Кто это колобродит?..

Дымчато-серые звери легко шагают по глубокому снегу. Лоси! Медведь успокоенно отвернулся: «Свои». И улегся, положил голову на передние лапы, зажмурился.

А долговязые скороходы — лоси даже остановились от неожиданности, бородатыми мордами уставились на берлогу. Зверя почуяли, храпят сторожко и грозно. Стоит, как вкопанный в снег, старый бык. Вот он спокойно отшагивает к можжевеловым кустам и белогубой пастью хватает душистую хвою. Успокоились и остальные лоси. Они подходят к кустам и жуют пахучую хвою, сопят, отфыркиваются.

А беляк следом прискакал, притулился под елкой и дивится на лосей: чего ж они осинок не ломают? Что с ними случилось? Вздумали есть колючку... Беляк терпеливо выжидает. Вот осинка помешала лосю, он махнул головой—обломилась с треском ветка, отскочила, воткнулась в снег. Зайчик оживился, грациозно встал на задние лапы, поднял высокие уши, черносливины глаз уставились вперед. Аппетитная ветка осины манит его к себе.

Луна осветила зимнюю идиллию у берлоги. Огромный

заиндевевший лось стоит среди фосфорического блеска снегов, жует хвою и пускает клубы пара. А зайчишка не боится, с удовольствием грызет рядом обломки ветки — подарок лося. Зайцы всегда подбирают за лосями молодые побеги осин. Горечь осинки косому слаще сахара.

В другое время, конечно, медведь рявкнул бы на лосей, полез бы в драку. Но сейчас не до того... Уж очень сладко дремлется. Хорошо, если зашумит, разгуляется непогодушка, хлопьями повалит снег, гуляй-ветер завоет в вершинах... Еще пуще убаюкивает медведя колыбельная песня бурана. Любит слушать лесной боярин симфонию выоги в бору.

...Март — последний месяц медвежьего покоя.

Глубок снег в тенистой тиши лесов. Медведи поднимаются из берлог, по охотничьим приметам, в «день-зимоборец», седьмого апреля.

Звезды на проталине

Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года.
А. Пушкин.

Ясными глазами светлых дней капельник-март смотрит на снег. Соляными горами кажутся посеревшие крупчатые сугробы.

День поровнялся и обогнал ночь. Скрипит только в потемках седой ворчун дед Мороз. Пришел конец его хозяйству. Солнце заводит новые порядки, яснит дни.

От мороза до капели — один шаг. Талая пора: «под порогом вода и от воробья стена мокра». Идешь, и под ногами податливо мнется дряблый снег. А как сверкает он искорками... Глядеть нельзя! Вот когда свет и снег

ярче, звонче капель и тянет, зовет к себе крутой берег под липами.

Как не вспомнить в эту пору свое детство!.. Прибежишь из школы, оставишь книги — и скорей на плотину. Что-то там случилось за ночь? Пригорок почернел. Первая проталина!.. Прощай, зима! Несмолкаемый шум на обрывистом берегу... Это на липах кричат грачи, а с круч бегут говорливые потоки.

Вот она, первая песня воды. Какая радость! А там что такое? Какие-то огоньки на откосе? Как бы добраться... Нога скользит по липкой глине, рука хватается за мокрый дерн. Припал на колени... Все равно, лишь бы дотянуться... И вот в руках безлистые стебельки с желтыми цветками. Медом пахнут они.

С кем бы поделиться детским счастьем? Еще бы! Последний снег и первый цвет. Весна-то уже встала рядышком с зимой.

Бегом по сугробам с первыми цветами весны. На крыльце бабушка щурится от солнца. Впопыхах протягиваешь ей букет подснежников. На ласковом лице старухи расплываются морщины.

«...Милые... выглянули... Знамо, теперь снежок-ележок...» С этими словами она принимает подарок внука. Глаза сияют. А дрожащие руки перебирают стебельки... Наверное, ей вспомнилось, когда и она была внучкой, и так же вот рвала цветы своей невозвратной весны детства. И так же вот приносила цветы своей бабушке.

Весну цветов открывает сверхранний первенец — мать-мачеха. Этот золотой подснежник растет на солнечных глинистых склонах и распускается раньше всех трав — до выставки ульев, до вылета первых пчел, до ледохода. Цветет около двух месяцев.

Солнечный день на исходе... Еще упражняются лыжники на Ленинских горах, а у подножья высотного

Дворца науки все обрывы крутых берегов Москвы-реки пламенеют цветами мать-мачехи.

Первая улыбка земли. Золотые кружочки, словно яркие червонцы, оживляют бурый дерн на проталинах. И бабочки-лимонницы уже порхают и присаживаются на щитки-корзиночки.

Растаял снег; с пригорка льется
Ручей с игривой быстротой,
И солнцу весело смеется
В лицо цветочек золотой.

Интересны биологические особенности этих цветов.

Им очень мало требуется тепла. Они появляются ранней весной, когда прилетают зяблики и трясогузки, поднимается медведь из берлоги, сходит половина снега. Вот почему мать-мачеху еще называют в народе студеной лапухой. А в ботанике «цвет-кашель», лекарство от простуды.

Три цвета времени

Еще хмурится свинцовое небо. Но изредка в просветах облаков пробивается сверкающим мечом луч солнца.

Весна набирает скорость. Рассеиваются завесы мутной мглы, проясняются дали. Смотришь на знакомую панораму Подмосковья, точно сквозь чисто вымытое оконное стекло.

Три цвета времени сегодня за городом. В сизой дымке коричневое чернолесье. Изумрудными островами зеленеют хвойные хоромы сосновых боров. Зимним цветом белеют еще поля, перечеркнутые ухабами уже потемневших санных дорог.

В лесу встречаются зима и весна. В потемках ельника серебрятся осины. От их корявых веток на мартовском снегу извилистые синие тени. Вокруг комлей деревьев и у пней обтаяли круглые лунки. Издали на зеленом фоне хвои краснеют в сугробах какие-то кусты. Это сережками загустели ольхи.

В ветвях без умолку чечекает говорливая ватага суетливо-юрких чечеток-красногрудок. Прощаются с березами — зимними кормилицами — эти гости с севера. А попутчики чечеток — флегматичные сидни-снегири румяными яблочками краснеют тут же на деревьях. Их свирельные вздохи-свисты напоминают о прошедшей зиме. Граница снегов медленно отступает к северу, а за ней по пятам возвращаются птички к себе на родину.

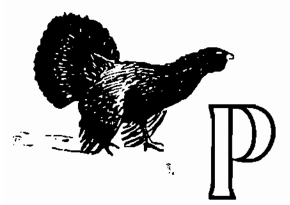
Прощай, зима, чечетки и снегири, в подмосковных березовых рощах, парках и садах!

Здравствуй, весна, грачи, жаворонки, коноплянки и скворцы — перелетная певчая мартовская смена нашим северным гостям-зимникам!

Пернатые северяне на старте. А южане скоро будут на финише. Грачиный гомон и журчащая песня жаворонка раздадутся первым звонком, объявляющим начало весеннего фестиваля птиц.

Ни стайных грачей, ни жаворонков, ни коноплянок, ни скворцов, ни уток еще не видно. Мартовский позимок, стынут лужи, замерзают проруби. Но все это, видимо, не касается наших завсегдатаев — зимующих пернатых. У них все-таки какая ни на есть, а весна. Поутру кружатся, яро бормочут тетерева-косачи. Страстным крылом чертят глухари, парами летают сороки, вороны и галки.

А чета нелюдимых вещих птиц уединилась в глухом лесу. Макушка елки в снегу. А ворониха уже сидит под лапником в гнезде на яйцах. Нежный ворон носит ей пищу. Яйцо воронихи — первое в мартовском лесу.

Немая песнь

Раннее утро. Еще почивает лес-богатырь, усыпленный чарами волшебницы-зимы.

Под навесом елового лапника затаился человек. Он прислушивается, не раздадутся ли где первые волнующие звуки...

А голубое небо проглядывает в рамке леса. Медный ствол сосны порозовел на солнце. Крона ярче зеленеет хвоей. А это что? Чернеет копна седого пера. Глухарь! Жадно хватает клювом душистую хвою мирный орел бора.

Туго набил хвоей зоб и молча застыл на сосне. Восток золотит зеленый металл оперения шеи. Нежится на солнце бородач. Топчется мохнатый, ногами меряет сук, крылья расправляет, вытягивает шею.

Сугробы еще скрывают клюкву на мху. Но не за ягодой прилетел сюда глухарь. Вдруг он поднял бородатую голову, с набухшими красными бровями, расправил по-орлиному крылья и спланировал с дерева, на снежную полянку. Вышагивает важно по насту, сторожко оглядывается. Куриные следы-трешки со шпорцей печатает четко на пороше. Увидел вдали другого петуха, смотрит, а сам ни с места. А кругом — ясный свет, яркий снег. Не умолкают песни синиц, клестов, корольков, снегирей. Подзадоривают они задумчивого молчальника. Распушится, дыбом встают перья, нет-нет да взволнованно прочертит крылом на снегу лесной петух — древняя краса наших боров. Так вот порознь и ходят, переглядываясь, глухари по мартовскому насту.

Одним только охотникам понятны параллельные черточки по бокам куриного следа. Тайна птичьих иероглифов. Репетиция тока. Немая песнь!

Это событие в охотничьем хозяйстве, как правило, записывается егерями и сторожами в обходный дневник фенологических наблюдений.

...Морозное утро. Блеснул из-за леса холодный пламень восходящего солнца. Чу! Словно покатились колеса по колкой мерзлоте. Это первое бормотанье косачей. Затоковали тетерева, но без запальчивого азарта. Приглушенно, сдержанно раскатывается: «бу-бу-бу...» Приглядись: вон они и сами налицо! Птицы сидят на развесистых березах, что гурьбой отделились от леса.

Скоро умолкает ранняя песня тетерева. Еще не время. Кругом нетронутая целина снежного поля. Только солнце и овсянки вещают на снежном просторе о весне.

Мелодии весны

Снег померк. Разрывчатой струйкой серебряные шарики торопливо скатываются с повети крыш. Мелодично поет, звонко тикает капель. Тихо перезваниваются бьющиеся льдинки. Рушится трон снежной королевы — зимы. Падают с крыш сосульки и, сверкнув на солнце, вдребезги разбиваются точно неосторожно оброненный граненый хрусталь.

А вот еще новость: частый звон серебряного колокольчика в кустах. Откуда такие певучие, выразительные звуки? Непонятно. В стае серых воробышков оказались какие-то пернатые незнакомцы. Ба! Да это овсянки! Никуда они не улетали. Зимой птички были вялые, молчаливые, в сером, невзрачном оперении. Но вот смолкли скрипки мороза, и они вновь заговорили полным голосом. Какие стали бойкие, прыткие. пичужки! Уже щего-

ляют в весеннем наряде: самочки в зеленовато-желтом оперении, а у самцов красивые яркожелтые головки и такая же грудка. Тонкий чистый звук, как и солнечный свет, льется без удержу.

«Дзинь... синь... синь... синь...» Быстро и часто повторяются эти музыкальные слоги.

Из 294 видов птиц, наблюдающихся в разные времена года под Москвой, раньше всех заводит песенку желтая овсянка. «Покинь сани, возьми воз» — вот что напевает, по-народному, ранняя пташка — «певец зимой погоды летней». А дни все длиннее и ярче...

«И март на нос садится...» Еще морозит по утрам. Но только воробьям это все равно. Другой, уж не мирный пошел у них «разговор». Кричат, петушатся, с дракой обороняют забияки облюбованные гнезда. Жарки птичьи дебаты по «жилищному вопросу». Воробьиный джаз под карнизом.

В лесах и парках объявляется сейчас еще один запевала весны, чуть потише овсянки. Синица-кузнечик присядет на красные ветки вербы, посмотрит, как раздулись бусы почек, и невтерпеж молчать птице. И поет, словно старается разбудить «спящую красавицу» марта, первоцветное дерево весны.

Радостно выговаривает синичка свое название «зензивер». Птицеловы зовут ее «большак». На девять ладов поет синица. Ее выразительная песенка так и называется: «разговор».

Все реже меланхолические посвисты снегирей, улетающих на север. Только закусить на дорожку рассядутся в парках, поклевывая виснущие ясеневые семена.

Солнечный луч — «золотой ключик тепла» — всюду заводит во всеуслышание тихую музыку весны. Птицы поют, вода подпевает. И на квартирах у любителей-москвичей веселее запели птички в клетках.

Весна!

Колония чаек

Птичий «базар» на живописном озере Киёво близ станции Лобня, Северной железной дороги, известен давно. На озерных плавнях, близ населенного пункта, — гнездовая колония чаек.

...Весна у порога. Пошли оттепели. Подтаивает снег. Еще прозрачные ручейки говорливо разбегаются с круч в тихие долины Подмосковья.

Тихо пока на озере Киёво. Но недолговечен этот покой. Скоро вешние воды огласит гомон крикливых птичьих стай. Сюда теперь ежегодно слетаются тысячи речных чаек.

Одни и те же птицы по 10—12 лет подряд выводят птенцов на заповедном озере Киёво. Удивительна привязанность к родным местам.

Тысячи чаек были здесь окольцованы, и это помогло ученым установить дальность перелетов этих птиц. Киёвские чайки с алюминиевым колечком с надписью «Москва» улетают на зимовку к побережьям Черного, Каспийского и Средиземного морей, долетают до Африки.

Озерная колония чаек стала природной лабораторией для изучения биологии этих полезных птиц. С весны до осени заповедник Киёво привлекает экскурсии учащихся и любителей природы. Юные натуралисты знакомятся с жизнью речных чаек. Ученые ведут здесь научно-исследовательскую работу.

Колхозники Подмосковья видят киёвских чаек на своих пашнях вместе с грачами. Ученые в восторге от этих птиц. За день пара чаек истребляет до 400 граммов вредных насекомых. Они клюют саранчу, гусениц луговой совки и мотылька, хлебных жуков и других вредителей посевов. Большую пользу приносят чайки сельскому хозяйству Подмосковья.

Рыси

Там рысь — охотница седая —
Идет, на лапах приседая.
Усатой мордой у воды
В оленьи тычется следы.

П. Комаров.

Высоковская уйма — таежный угол дремучих лесов Подмосковья. Там, в дебрях Завидовского охотничьего хозяйства, можно обнаружить глухариные тока, стойбища лосей, порой кабанов, диких коз, следы енотов, волчьи логова.

В глухом лесу под деревней Мокшево охотники напали на необычные следы. По снегу ступали круглые, как чайное блюдце, лапы. Широкий шаг, твердая поступь...

Охотники переглянулись. Рысь! Вот и тушка зайца на следу. Вернее остаться одному на тропе.

Стрелки встали на номера. Загонщики пошли в обход. Егерь, «обрезав» лыжней участок густого леса, установил: две рыси вошли в чащу. Затягивать оклад красными флажками не стали. Не было смысла. Рыси к флажкам равнодушны. Только для волков и лисиц страшен колыхающийся в лесу красный палисадник.

Охотники затаились. Осматриваются, прислушиваются. Ни звука! Величественно высятся деревья над буреломом. Послышался легкий шорох. Стрелок взял ружье наизготовку.

В еловой чаще плавно стелется зверь. Крадется за кустами, припадает к снегу. Издалека донесся голос загонщика. Бесшумными прыжками скачет по сугробам крутолобая дикая кошка. Белеет шея, отвисают черными космами баки. Лоснится серовато-рыжая, местами светло-желтая шерсть. В бурых пятнах спина, бока и передние лапы. Выделяются белые обводы вокруг глаз и губ. Уши торчат шилом, а на кончиках — кисточки.

Расстояние до хищника — не более пятнадцати шагов. Стрелок нацелился и... невольно залюбовался!.. Красивый зверь!

Пристален кошачий взгляд. В янтарных глазах дико вспыхивают злые огоньки.

Грохнул выстрел. Эхом рвануло лесную тишь. Зверь скорчился и перевернулся брюхом вверх. Лапы вытягиваются и вбирают выпущенные в предсмертной агонии острые когти.

— Дошел! — кричит охотник.

Товарищи сошлись и поздравили счастливца с «полем». Да еще с каким! Редчайший трофей Подмосковья!

Старая, матерая рысь: от кончика носа до куцего хвоста — 1 метр 35 сантиметров.

Кошка взята. Два прибылых котенка ушли.

Переночевали охотники в деревне — и опять в лес. С утра до вечера искали рысят. Наконец нашли след и стали на номера. Егерю пришлось гнать уже в сумерки.

Рысенок вышел прямо на охотника. Выстрел. Прибылая самка убита. Только одна рысь избежала расправы. Но это до поры до времени.

* * *

Рысь охотится и днем и ночью. Часто она взбирается на дерево и караулит зайцев. Лежит на суку и дремлет, жмурится. Но все вокруг видит. На добычу набрасывается прыжком. Промахнулась — никогда не преследует. Сытая — так же азартно крадется за зайцами, белками, глухарями, рябчиками, тетеревами. Набрасывается даже на косуль и лосят. Вредный зверь!

* * *

Весной рысей можно найти и не по следам. В марте они мяукают куда громче наших домашних кошек. Жутко становится, когда слышишь ночью дикое завывание

котов-рысей. Два-три самца сидят около одной самки, царапаются острыми когтями и завывают. Охотникам это только и нужно. Они поутру доберутся до зверей.

По тонкому мартовскому насту у рыси начинается бескормица. Она не может догнать резвого зайца.

До наста рысей преследуют на лыжах. Они быстро уходят накоротке, но устают долго бежать по рыхлому снегу и спасаются, взбираясь на деревья. Подходи и стреляй оплошавшего зверя. Бить следует наповал. Подранок опасен. Рысь задирает любую собаку.

В лесу

В мартовскую ночь зима еще украдкой возвращает морозную тишину, колкий воздух, холодный блеск луны, хрустальную звонкость наста и тонкого ледка лужиц. Само время, кажется, застыло на остановке. Сверкают сталактиты ледяных сосулек. Под карнизами — филигранное литье мороза. Вот когда еще пленительнее очарование утреннего волнующего света. Зажигает восток сияние лучистого снега.

Неизъяснимо трогательная бодрящая свежесть лучистого утра. Просторнее раздвигаются манящие горизонты, светлеют задумчивые дали. «Уж тает снег, бегут ручьи...» В природе восторженный момент крушения застойной зимы.

Лес в тающем снегу. По бугоркам на первых проталинах обнажилась земля, черные воронки зияют у комлей деревьев. На солнце лужица ясней стекла. Сосны и березы загляделись в сияющие струи прозрачной, как слеза, мартовской воды-снежницы.

...Светает. Лениво проясняются хвойные потемки. Гонимые светом совы, филины и куницы забираются в дупла на дневку. В предрассветном сумраке зайцы и лисицы хитрят, путают следы, спешат на лежку. Уже не всем выводком, а парами, степенно, гуськом волки идут и ложатся в крепях — дремать на солнце. Общество серых разбойников распалось. Волчьи стаи разбились, семьи разделились: старики бросили молодых.

...А вот и солнце. Алыми отблесками зарумянились сугробы. Проснулись и вкрадчиво полились в чащу первые звуки лесной симфонии. Говорливо-задорному речитативу чечеток аккомпанирует нежной свирелью румяный снегирь. Запели клесты, «цик, цок» — выговаривают вперемежку, да еще голосистее присвистывают.

Голоса леса окрепли...

А вот еще объявилась птичка-композитор. Синица-юла. Забросила старые ноты, забыла однообразный мотив. Зимой она монотонно тенькала в мороз. Теперь «величальную» весне сочинила синица и выводит новую арию: «Ти-тю-те-ти!» Поет без конца, упивается весной.

И снег песне уже не помеха!

Мартовский загар

Еще природа не проснулась,
Но сквозь редеющего сна
Весну прослышала она
И ей невольно улыбнулась.

Ф. Тютчев.

Свет и снег. Пышные, глубокие сугробы сверкают ослепительной белизной. Лучисты эти первые дни весны.

Прошумит метель, и яснеет вдруг чистое небо. И тогда кажется, что там, на небесном лугу, сплошь расцвели лазоревые незабудки. По ночам светится синий-синий

купол поднебесья. Краше теперь и раннее утро. Волшебно сменяется в утренних лучах легкая кайма тончайших облачков. Переливаются лиловые, розовые, палевые полотна света. Прелестны эти неуловимые оттенки упоительных красок высокого горизонта. Только мартовскому небу свойственны такие переливы нежных тонов света.

Все раньше восход, выше и ярче солнце, позже розовые сумерки заката.

...Солнечное сияние, ласковая синь неба, сверкающие снега зовут и манят любителей-рыболовов на желанный лед. На живца ловятся налимы, судаки и щуки, а на мотыля — окуни, ерши, плотва и густера. Самая любимая удильщиками спортивная пора — до ледохода.

Горит яркое солнце. Словно под лучистым кварцем сидят рыболовы на льду, и на их сияющие лица ложится мартовский загар. Смуглые и радостные возвращаются они с уловом домой. А до конца предвесеннего сезона еще целый месяц.

Грачи прилетели!..

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят...

Ф. Тютчев.

Солнца не видно, а полуденное небо озарено розовым веером лучей. Золотое светило все еще кутается в перистую вуаль туманной пелены. Заоблачное сияние мягко сливается с блеском вод и искрами сугробов. Нежный ветер качает и надувает облака, как бело-огненные паруса. Возбуждающе веет влажной свежестью талого снега. Тихо звенит жемчуг блестящей капели. Вода поет!

Весенней влагой умылись улицы столицы. А за городом — белый простор светлых полей. Опустели на реках непроезжие санные дороги. Сверкают лужицы в низинах. Блестит синеватая эмаль наста в полях. Едут колхозники на санях. Идут навстречу ребята с серебристыми пучками пушистой вербы. А яблони тонут в тающих сугробах садов.

Тонкими штрихами узорчатая вязь коричневых веток вписана в светлый фон вешней лазури. Набухают почки берез, загустели сережками вершины. Сине-зеленое разводье прудков и луж отражает ломкие тени изгороди, березы, вербы.

Ликует первый неумолчный гомон торжествующих грачей. В родимые гнезда вернулись с теплого юга весенние птицы. Пышнее и ярче засеребрилась, как бы в честь грачиного прилета, белая опушь вербных сережек. А плюшевая куколка — вылитый хвостик беляка. До чего же точное сходство!

Пестрая даль первых проталин манит на простор широких полей.

«Земля!» — кричат воздушные навигаторы — грачи.

«Чьи вы, чьи вы?» — допытываются вьюхи-чибисы.

Журчат говорливые потоки с круч. Бубнят водопадики чистейших струй сверкающей снежницы. Звенят ручьи, поют скворцы и жаворонки. «Все тешит взор, все нежит слух».

30 марта — «Алексей — с гор потоки», по народному календарю примет. «Лед от воды, снег от земли отстает, а рыба со стану трогается». С юга летят грачи, жаворонки, скворцы и коноплянки. На север — снегири, свиристели, чечетки. Капель аккомпанирует птичьим голосам. Мил и дорог этот ранний лепет русской весны.

Мятежно заигрывают овражки. Слух ласкает вкрадчивый разговор ручейковых струй. Стремглав мчатся с круч торопливые буяны-ручьи.

В узорной сетке березовых вершин мячами запутались черные грачи. Домовито и озабоченно плотничают они у своих родных гнезд. Как это воскрешает в памяти знакомую с детства картину художника Саврасова «Грачи прилетели»! Полотно живописного «березового грачевника» останется в памяти многих поколений русских людей.

Гомон грачей. Запев жаворонков. Свист скворцов. Дробь рьяных барабанщиков — дятлов. Бормоток чернышей-тетеревов. Подзадоривает пернатых блеск ликующего солнца.

Робко выглядывает юная весна из-за лесных кулис, пугают ее залежи сугробов в чащах и пасмурных потемках ельника. А снег-недотрога захоронился в тень мохнатых лап и играет в прятки с солнышком. Но «что устоит перед дыханьем и первой встречей весны!..»

На облаве

Волк осторожен и хитер. Это спасает хищников от поголовного истребления.

Своеобразны волчьи повадки. Летней порой пастух иногда видит волка вблизи стада. Вот он прилег в кустах и мирно поглядывает на пасущихся овец. Да, этот сторож погрознее собаки: сам не тронет и чужим волкам не даст утащить ягненка. Значит, близко логово, растет выводок...

Осенью егери приезжают в деревню, спрашивают: «Волки есть?» — «Все лето и не слыхали про волков, — отвечают колхозники. — Сколько раз ночевали в лесу заблудившиеся овцы с ягнятами, а утром приходили целыми к стаду. И в помине нет, волки далеко... Говорят, где-то там, у заречных пошаливали, у нас благополучно».

Волки разбоем занимаются на стороне. Стад, пасущихся вблизи своего гнезда, не трогают.

Охотятся на волков круглый год. Молодых волчат ловят весной в логове, а на матерых устраивают облавы.

...Еще осенью егери и окладчики выезжают в лес на разведку волчьих выводков.

По чернотропу облавы устраиваются с белыми флажками, а зимой — с красными. Но чаще всего охотятся по белой тропе.

Обложив выводок, егери вызывают охотников в ближайшую деревню. С вечера начинаются приготовления: откладывают надежные патроны (для ружья 12-го калибра на один заряд 28 штук картечи пятого номера), осматривают лыжи, примеряют маскировочные халаты. На рассвете трогаются в путь.

Дорога свернула на опушку леса. Сказочно великолепие зимнего леса. Изящна снежная архитектура русской зимы.

Певуче скрипят полозья. Разговор не клеится. Каждый занят своими мыслями. Предстоит серьезное дело... Кому выпадет счастье убить хищника? Как, где он вымахнет—на номер или пройдет стороной?.. Перепуганный или спокойный?..

С пригорка сани съезжают в кочковатую заболоченную низину. Пышно вздулись белые валуны на кочках, занесен ракитник, ивняк и ольховник. Это и есть излюбленное место волчьих дневок. А седые метелки вейника точь-в-точь как серая волчья шерсть.

Тихо... И вдруг с криком вспорхнула испуганная сойка. На снегу видны дубовые листья и четкий зигзаг почерка птичьего крыла. Сойка расписалась в находке жолудя.

...Лесную тишину нарушили далекие звуки. Охотники прислушиваются... Где-то застрекотала сорока. Протяжно

и долго каркает ворона. Кто-то побеспокоил птиц, отогнал от привады. Крики птиц — сигнал для волков.

А вот и густой лесок, недалеко теперь волчье пристанище. Егерь шепнул на ухо вознице: «Стоп!» Сани остановились. Охотники молча спешились и стали на лыжи. Отошли километр в сторону от дороги. Окладчик нагнулся над волчьей тропой. По рыхлому снегу след в след пробороздил выводок.

Ночью волки отведали приваду и, видимо, пошли на отдых в заросли кустарника. Это место егери еще вчера днем обложили флажками. Вот входной спуск тропы в мшистое лесное болото.

Однако требуется проверить, нет ли выходных следов. На лыжах егери осторожно обследовали границы оклада, сосчитали входы и выходы. Свежего следа нет. Значит, волки ночевали в красной околице. Довольные разведчики вернулись к входному следу и коротко обмениваются мнениями. Смешно смотреть на них со стороны. Волки за километр, а они, словно глухонемые, объясняются шопотом, жестами.

Осторожность на облаве — прежде всего. Один неверный шаг — и пропали все труды окладчиков.

Стрелки выслушивают наказ егеря: утоптать, обмять рыхлый снег на номере, стоять тихо, замаскироваться ветвями, зверя подпускать на верный выстрел, прицеливаться под лопатку, не сходить с места до конца нагона.

Охотники бросают жребий, и егерь разводит их по номерам.

Издалека видно, как мелькают по кустам яркие кумачовые флажки. Они зацеплены за елочки, березки, осинки на высоте 35—40 сантиметров, чтобы волк заметил их издали. «Красным частоколом» с промежутками от 70 до 80 сантиметров обнесено волчье логово. Линия оклада в окружности тянется на два километра, иногда больше. Днем красные флажки устрашают зверей ярко-

стью цвета, а ночью отпугивают запахом. Недаром мотки флажков долго лежали на печке. Волки далеко чуют запах и не переходят ограду..

И вот стрелки в белых халатах становятся в цепь. Против каждого охотника «ворота». Выход зверю свободен, круг открыт.

Замерла вся боевая линия облавы.

...Тишина. Томительное ожидание. Напряженно вслушивается стрелок в каждый звук. Над головой юлит пискунья-синица, в ушах шум. Слышно, как от волнения бьется сердце. Скорей бы...

И вдруг где-то глухо крикнули. Это команда загонщикам — начинать!.. Тронулись загонщики.

В окладе раздается первый осторожный стук по стволам деревьев. Так было приказано. Нельзя сразу наводить панику на зверей.

Волки нехотя встали с лежки, прислушались и спокойно потрусили рысцой.

Начался гон. Стрелок замирает в напряжении. Ружье наизготовке. На облаве волнуется даже опытный охотник. Как зорко ни смотри, а зверь появится неожиданно.

Загонщики идут тихо, изредка покашливают, постукивают палкой по деревьям. Голоса все ближе и ближе. Гон приближается. Вот далеко мелькнул летучий дымок шерсти. Волк выбежал на открытое место и остановился. Поднял мощную лобастую голову, понюхал воздух. Ощетинилась серая холка. Стоит, озирается на флажки. В глазах переливаются хищные, злые огоньки. Податься некуда.

Крик загонщика расколол воздух. Зверь вздрогнул и легкими, сильными прыжками метнулся в чащу.

Проходит еще минута... Чу! Шорох снега...

...Седые, дымчатые тени с длинными щучьими головами, словно призраки, стелются по снегу. Волки на махах пересекают редколесье и сливаются с метелками вей-

ника. Матерые, переярки и прибылые звери спешат к «воротам».

...Старый волк вдруг круто свернул влево и показал бок.

Пора! Палец плавно нажимает на спуск. Выстрел. Глухо отвечает эхо. Серый хищник падает и зарывается мордой в снег. Браво, снайпер!

Раздается выстрел на соседнем номере. Зверь, сгорбившись, уходит машистым галопом. Сжимается охотничье сердце. Промазал... Но еще теплится надежда: может быть, подранок... Так и есть. Волк перешел на шаг и тут же рухнул на бок.

Еще выстрелы, и наступает тишина. Крики смолкли. Лес затих. Облава кончилась. Руки продолжают сжимать теплое ружье... А по сторонам слышатся веселые голоса стрелков. Смех, шутки...

Загонщики сходятся и рассматривают лежащих на снегу хищников. Хвалят егеря, пожимают руки стрелкам.

Охотничьих рассказов хватит надолго. Никогда не забудется день удачной облавы на волков.

Тайна лесной ночи

Ровный след круглых лап оборвался в снежной лунке. У ямки виднеется веерный росчерк крыла. По сторонам такие же разворошенные снежные ямки и следы прыжков зверя. Воображение следопыта — охотничьего сторожа угодий — дорисовало живую картину ночного приключения.

...Из опушки подлунного леса высунулась темная мордочка: блестят хитрые глазенки, белеет манишка, навострены ушки.

Лиса! Ей некогда. У нее свое на уме. Пером пахнет...

В тени туловище зверя слилось с бронзовым кустом можжевельника. Настораживается лиса, перебирает лапами, ищет опору. Вот сделала бросок и бежит по поляне, а наперегонки с ней мчатся тени облаков. Лисьи глаза жмурятся от фосфорического света.

На луну наплывает легкое облачко. По снегу за лисой гонится туманная дымка. В наплывах тени меркнут блестки снежинок. Облако проносится — и волшебно меняется снег.

Снова рассыпаются лучистые алмазы. Лисица бежит, оставляя за собой ровный след. Только одна лиса может вытянуть такую прямую струну ямок. Хитрые глазки заметили неровности снега. Кошкой крадется лиса к лункам на середину поляны. Вот она взмахнула хвостом и вдруг высоко подпрыгнула.

Снежная пыль взметнулась и обдала лису. А сзади миной взорвался сугроб. Что-то затрепетало в ямке. Шумно хлопая крыльями, взлетел косач-тетерев. При взлете он даже приподнял своим черным крылом хвост лисицы.

Хитрой Патрикеевне хотелось врасплох схватить в снежном убежище сонную птицу, да не вышло. Промахнулась. Косач тоже себе на уме. Пробил сзади корку наста и вылетел. Рядом трепетно поднялась и серая тетерка. Она все-таки по-куриному опротестовала ночной переполох, сердито прокудахтала: «Всем на крыло!»

Распустил хвостовые перья петух, помахал лисице сверху черным веером: «Ко-ко-ко... до свидания...»

Облизнулась лисичка, не попала в рот курятина. По-кошачьи вертит хвостом, провожает птиц жадным взглядом. «Видит око, да зуб неймет».

Весело смеется ясный лик месяца, смотрит на озадаченную лисичку.

А тут, как по сигналу, взмывают кругом тетерки из

спальных лунок. Потревожена вся стайка. Подальше от греха. Неровен час, лисе на ужин попадешь.

Лиса заметалась, вприпрыжку скакала, глядя на птиц, и все бестолку. Опоздала.

Лисица обнюхивает лунки. Опустели птичьи постели. Вдруг подняла голову и навострила уши. Где-то пискнула мышь. Лиса метнулась мышковать — это будет повернее.

Трепет птиц стих, умолк лес.

Ночной переполох

В отсветах вечерней зари видна полоска далекого леса. Зубчатый частокол еловой гряды вонзился в небесную высь. Сгустились сумерки. Ясная зорька бледнеет. Все быстро стушевывается во мраке ночи.

А вот выглянул месяц и мягким светом загоняет потемки в теснину лесной чащи. Пелена волнистого снега на ясной поляне. Ни сучка, ни соринки, ни хвоинки — все убрано.

В игольчатый бархат одеты смуглянки—зеленые елки. Как на параде, стоит гордо стройное дерево.

...Поляну вдруг оживили грациозные прыжки лисицы. Резвится кумушка. Веселое развлечение: лисице — игрушки, а мышке — слезки. С полного карьера застыла на стойке, точно легавая собака. Скакнула и припала мордой в снег. В зубах — мышонок. А лисий желудок переполнен еще с вечера зайчатиной. Сытая лиса закапывает в снег неприкосновенный запас на черный день. Инстинкт самосохранения. Неписаный закон леса велит осматриваться и беречься. У тайной кладовки зверь, вер-

ный повадкам своего лисьего рода, чутко прислушивается — нет ли вблизи посильнее хищника.

Быстрые глазенки лисицы уставились на елку.

«Не может быть...»

Белобрысая морда в космато-черных баках в упор смотрела на лису недобрым пристальным кошачьим взглядом. Зол зеленый блеск глаз. Страшны в белых обводках губы.

Рысь первая увидела лисицу. Этой оплошности никакой зверь себе простить не может. Ничего путного встреча с незнакомкой не предвещает. Несдобровать кумушке: оттанцевала.

Лису мороз по коже пробирает, нервно шевелится хвост, вздрагивает мордочка. Хоть не хотелось лисе, но пришлось поразмяться. Бросилась она без оглядки.

Бежит прыжками, без всякой грации, как простая собака дворняжка. Ноги-кормилицы, спасайте голову!..

Без памяти бежит лисица, и вдруг... Диво дивное! Зашевелилась макушка ели. Валится с дерева слежавшийся снег. Лиса шарахнулась в сторону. А с дерева с шумом поднялся, распустив веером хвост, лесной петух-бородач. А что это за горб у него на спине? Ба, да его куница облапила! Так и есть: примостилась хищница на спине глухаря. Лиса остановилась. Взмыл над лесом глухарь и тут же начал снижаться на посадку.

Куница впилась зубами в глухариное горло. Разыгралась короткая драма в воздухе. С шумом упала птица на снег. Лисица предвкушает поживу.

А из хвойных потемок огнисто переливаются зловещие опалы зрачков. Опять эта кошка? От страха лиса машистым аллюром продолжает панический бег. А любопытная рысь за глухарем прискакала. Хищница видела, куда полетела куница на глухаре. Завалил птицу крово-

жадный зверек, но только не для себя. Рысь — не белка, с ней не поспоришь. Куница изгибается спиралью, бежит прочь и — на елку. Осталась рысь, закусывает глухарем.

Лисица низом, куница верхом разбегаются по лесу без оглядки.

Ночные приключения

Вечереет...

По снегу проносится летучая тень. Кто это улетает в белесоватом сиянии закатного солнца? Движется тень по пороше, мелькает и пропадает под заснеженной сосной. Уселась птица незаметно на вершине, а с виду кажется — это ком снега. Только на плоской круглой голове у больших глаз заметны белые завитки перьев. Это гостья из Заполярья. На зиму к нам в Подмосковье залетает большая красивая птица — белая полярная сова. Она крупнее всех сов, кроме филина.

Охотники знают, как сова охотится на зайцев. Она садится на ветвях или на пне, мимо которого пробежал заяц, и поджидает добычу. Увидит, как косой ковыляет по своему следу, — летит за ним, а как поравняется, — впускает в спину свои сильные когти. Заяц мчит сову по лесу, а сова старается вцепиться другой лапой в дерево. Обычно сове удается удержать жертву, и тогда косому уж трудно спасти свою жизнь. Но при сильном прыжке заяц отрывает лапу хищницы и уносит на спине. Окровавленная сова валится на снег. Охотникам не раз приходилось находить на заячьей тропе замерзших сов с одной лапой.

Иначе охотится на беляков крупный пернатый хищник — филин. Он сильнее сов, на лету вонзает когти в

Ночной хищник.

Разводья.

Где-то пискнула мышь.

спину зайца и тут же заклевывает добычу. А нередко случается, что и трусливый заяц становится героем, побеждает филина. Ведь он тоже и кусается и царапается. У него упругие, сильные ноги.

Беляк глодал осинку и вдруг подпрыгнул, уставил оба уха в сторону. В сумеречном свете крадется по лесной опушке красно-рыжий зверь. Это кумушка вышла на охоту. Вот она перебежала в осинник. Обнюхала сломленные сучки-оглодки и напала на свежие следы зайца. Он только что проковылял по тропе. Лиса, как гончая собака, погнала беляка. А косой хитрил: уклонялся в чащу, делал круги, запутывал свой след. Кое-как сметками-прыжками обманул лису. Лес — не поле. Чаща спасает.

А лиса выбрала самый свежий след и продолжала гнать зайца.

Снег вдруг померк. Зайца накрыло темноватое облачко. Кто это? Филин! Он летит и нацеливается вонзить когти в спину беляка.

Задрожал заяц, съежился. А круглоголовая птица вот-вот настигнет. Прыгнул косой в сторону за куст и ускользнул. А лупоглазый пугач снова взмыл вверх и опять нацелился на зайца. Куда податься? Сзади — лиса, тут — филин. Неминуемая гибель! Что делать? Как спасти жизнь? Но опасность придала ему силы. Осенило беляка в эту «трудную минуту жизни»: ведь есть же задние ноги, они помогут.

Филин уже считал зайца своим и не очень торопился. Спланировал прямо на резвого зайца. Кувырнулся косой и вмиг лег на спину. Занял оборону. Хищник, взмахивая крыльями, протянул к нему когти. Заяц быстро заработал ногами: бил, царапался когтями. Во все стороны полетели пух и перья. Но птица наседала. Заячья лапа рванула вдруг что-то теплое и мягкое, и филин с распоротым животом повалился на снег. Вскочил беляк на ноги,

хотел посмотреть, что стало с птицей, но ему уже грозила другая беда. Лиса галопом несется по следу.

Перемахнул беляк через куст — и был таков. Покатил во весь дух наутек... Опять выручили ноги.

Несчастный филин был еще жив, трепыхался, бил крыльями по снегу. А в сторонке зашевелился возле кучи хвороста живой комочек снега. Над сугробом вытянулся белый столбик. Горностай! Охота и ему поживиться свежинкой, да боязно: не один он свидетель разыгравшейся драмы. Прыжками примахала лиса. Глаза сверкают. Горностай юркнул в снег.

Горячей кровью пахнуло на лису. Незачем зря бегать от готового ужина. Лиса дорвалась до свежего мяса.

...А наутро охотники разобрали по следам «тактику обороны» отважного зайца. Трофей победы дешево достался лисице. А заяц свою жизнь отстоял.

АПРЕЛЬ

Голубенький, чистый
Подснежник — цветок!
А подле сквозистый,
Последний снежок...

А. Майков.

Солнце, снег и дождь вперемежку. Непостоянен обманщик-апрель: на дню семь погод. Смену солнечных дней вьюгами и заморозками в народе исстари называют «апрельскими затеями». Умолкает на ночь говор ручьев. Блестит тонкая пленка льда, а под ней — талая земля. Морозная ночь в лунном свете. Синеватые тени неодетых деревьев ложатся на хрупкие сугробы. Только в начале апреля и увидишь такие особенные ночи — мягкие, сияющие, полные шорохов пробуждающейся природы.

Снег снегом, мороз морозом, а солнце красное свое берет.

Редеет снег на взгорьях. Почернели косогоры и кручи. Зашевелились ожившие муравейники, вылетели на свет бабочки. На лесных проталинах проснулись ящерицы и сейчас же вылезли на пень погреться на солнце.

Сбрасывают колпачки с белых барашков ивы бредины. Ольхи покрылись красно-коричневыми сережками. Надуваются, разбухают почки осин. Первенцы весны — ранние медоносы готовятся к цвету.

Под соснами у зайчих сосунки, зайчата-настовики. Это — последние новости природы.

Подлинно настоящий водолей — апрель. Заиграли талой водой овражки. Моросит на снега первый весенний дождик. Широко разлились лужи и разводья в низинах. Трогаются вешние воды. Идет лед.

На высоких деревьях хлопочут у гнезд грачи. Старательные птицы заботливо оправляют на березах лохматые грачевники. Прилетели утки, трясогузки, кроншнепы и вальдшнепы. В парках уже выставлены скворечни, дуплянки, синичники.

Пришел конец и немому беззвучию лесной тишины. За километры слышно, будто сухостойник с треском валится. Это черный дятел — желна крепким клювом барабанит дробную трель на сушине.

На полянах пробиваются первые усики травинок, но бесцветно еще буреют косогоры.

На разливах трубят по зорям журавли, их голоса напоминают охотничий рог, будят спортсменов с удочками и ружьями.

Апрель — первый месяц вешнего тепла. Месяц первого вылета пчел на подснежники и ивы. Месяц последнего снега и саней, вскрытия рек и половодья. По народным приметам: «Ни холодней марта, ни теплее мая не бывал апрель».

Гонцы весны

Полюбуйся: весна наступает,
Журавли караваном летят,
В ярком золоте день утопает,
И ручьи по оврагам шумят.

И. Никитин.

Сонный лес исподволь отряхивает холодный прах снега. Угрюмая зима отступает в тень дремучей чащи. Проталин больше, снега меньше.

Летит, кричит взволнованный грач, сугроб осуждает... Бьет пружинистыми крыльями по ветру, черным шрифтом чертит на лазурной голубизне приговор тающим снегам. Куролесит пернатая рать. Грачи, скворцы, жаворонки, чибисы заполняют небо. Зимние домоседы — галки шумной овацией встречают вестников тепла. Всей оравой слетаются, галдят, приветствуют посланников ранней весны. Благополучно вернулись на родину пернатые друзья детворы.

Летят гуси, кроншнепы, трясогузки, вальдшнепы, утки. «Этот крик и вереницы, эти стаи, эти птицы, этот говор вод...» Первые радости живой природы.

По-разному «летят перелетные птицы» к родимой стороне. Ясноснежными самолетами сверкают сказочные птицы в прозрачном океане синего воздуха. Раньше всех летят лебеди. В серебряный рог трубят, весну на хвостах несут.

Оравой в воздухе «гарцуют» грачи.

...Быстро, молча летят скворцы, летят без оглядки знакомою небесною тропой, не замечают соседей-попутчиков. Торопятся домой.

«Добро пожаловать!» — встречают их со своими новостройками пионеры и школьники. Рады этой птице садоводы: скворец скармливает птенцам более восьми тысяч майских жуков и личинок.

Веселыми стайками летят жаворонки. Ручейками позванивают их нежные голоса в ясной лазури.

Трогательно первое выступление солиста полей — жаворонка!

Откуда-то сверху, как бы в одном светоносном потоке, струится этот несравнимый певучий звук.

Еще над снегами, с первой проталины поднимается в блистательном сиянии солнечного утра ранняя пташка. Родником журчит неиссякаемая струя трели. Стоя на крыльях в воздухе, поет жаворонок торжествующий гимн весне. Этой упоительной мелодии созвучен позванивающий в канаве ручей. Песням жаворонка вторят вешние воды. Симфония в каждом овраге!

С круч и обрывов стремглав мчатся звенящие ручьи. Издалека, от деревень и березовых рощ доносится неумолчный грачиный галдеж. Под гомон грачей и свист скворцов открылась навигация детских корабликов. Шумна и весела игра на воде!

* * *

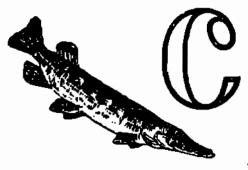
В лесу разносится барабанная дробь дятлов. Громка утренняя перекличка пернатых «санитаров леса».

...Зашевелился сугроб на спуске оврага. Кого это разбудил дятел? Из-под рыхлого снега высунулся «пятачок», понюхал воздух... Да, дятел прав! Весной пахнет. И выходят из норы похудевшие барсуки с полосатыми барсучатами. Они плетутся к трухлявому пню и роются в листве. Барсукам доступны в земле личинки хрущей — майских жуков, гусениц, жуков дровосеков.

Хрущи губят питомники. Сосенки от них чахнут. Зимой хрущи залегают на двухметровой глубине, а весной поднимаются наверх. Это бич лесов. Лучше всего откапывают личинки барсуки, кроты и землеройки.

Птицы и барсуки — надежные помощники лесоводов. Надо всячески беречь гнезда и норы защитников леса.

«Солярий» удильщиков

Светел широкий простор Московского моря. Раздолье удильщикам! Вешние воды ломают ледяную броню на быстротечных реках. На разливах плавают утки, а здесь, на стоячих водохранилищах, задержалась зима. В тихих затонах толстому льду и солнце пока еще не указ. Непоколебима твердыня ледового поля. И этой отсрочкой ледостава с удовольствием пользуются любители последнего лова на блесну.

Живая вода заговорила подо льдом. Бурная сила света ломит и рушит крепостные сооружения морозов.

Радостное событие на дне. Проснулось дремучее царство сонных рыб от зимней спячки. На зиму рыба, как шубой, закутывалась «зимним сленом». А теперь стремится на свежую струю, чтобы смыть слизь, «раздеться».

Неудачники-рыболовы всю зиму кололи лед попусту: рыба плохо ловилась. Но вот оживился клев. Тысячи людей стремятся на лед — искать удачи у проруби. Но не всем одинаково счастье. У иных — зеленые щуки, перламутровые судаки, у других — жемчужно-синие в полоску окуни с красными плавниками, серебрятся чешуйки плотвы, изредка подлещиков, голавликов и ельцов.

Предвесенний жор до ледохода — последнее выигрышное время зимнего уженья. Нет более увлекательной поры удач и успехов, как весной.

Еще когда-то, месяца через два, туристы будут принимать солнечные ванны. Рыбаки уже сейчас «загорают» у проруби.

Простая, немудрая снасть — прутик с леской и блесной — доступна каждому. Новая география морских просторов Подмосковья открывает широкие возможности для этого увлекательного спорта.

Вешние воды

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.

А. Пушкин.

Отзвенели с крыш капели. С пригорков побежали шумные потоки. Помутнели чистые снеговые воды. Умылись дождем тополя, осины и орешник, украсились сережками ветвистые вершины деревьев.

Дрогнули орошенные вешним дождем непочатые сугробы. Под снегом бойко бежит водица, а под корой берез и кленов тайно двинулся сок. Выпрямляются и свиваются в узорчатую вязь развесистые ветви.

Снег, кажется, плавится от жарких напевов жаворонков.

Весна шагнула вперед. Сани останавливаются, лед трогается, стартуют лодки. Первые гудки пароходов призывно оглашают ясный воздух. Мелькают над водой неутомимые чайки. По лазурным высотам протягиваются живые бусы утиных стай.

Улицы просыхают, зимы как не бывало. А на проселках — наводнение. Самая распутица — ни колесу, ни полозу. Ростепель, бездорожье. В низинах оврагов снежные трясины — «зажоры». Из берегов выходят на раздолье лугов вешние во́ды. Голубое небо ласкового апреля опрокинуто в лазоревое стекло невозмутимо тихих пойменных разводий. Глаза слепит сверкание бурлящих с круч ручьев. Очаровательная теплынь первых апрельских дней. Приятный аромат смолистых, клейких почек. По зорям слышны песни косачей. Захлебываясь, пришептывают глухари. Словно в соломенные дудочки посвистывают в елках рябчики. Подголосками вторят всем зяблики.

Лед идет

Шумят ручьи! блестят ручьи!
Взревев, река несет
На торжествующем хребте
Поднятый ею лед!

Е. Баратынский.

Зимы и след простыл в поле и в городе. Лишь на бульварах, в садах и парках кое-где редкими круговинами плотно сплющились последние остатки недавних сугробов. Зима отступила на последний рубеж — в хвойные потемки, под тень частых ельников. Взапуски, наперегонки побежали ручьи.

От сугробов до проталин—один шаг переступил март. А снегогон-апрель, месяц ледохода, славится водой.

Реки вышли из берегов и затопили луга и поймы. Над заливами проносятся первые стайки чаек, уток, чибисы вьются над поймами.

...От берега оторвались и тронулись в дальнее плавание льдины — хрустальные плоты. Льду тесно в берегах, вспениваются водовороты. Застопорились и громоздко напирают, наползают друг на друга, сталкиваются сине-зеленые льдины. Коробятся, разворачиваются, ребром встают и бьются иглистыми склянками уже непрочные поделки мороза, тонут и снова всплывают, разводят мутную рябь пузырей. И все это в незабываемой гамме звуков! То гулко выстрелом гремит, то тонко бьется лед у крутояра.

...Ломаются, вдребезги разлетаются льдины на последних баррикадах отступающей зимы. Сгрудились плотины заторов, упирается зима. Но яростно бурлят стремительные волны-ледогоны, как бы негодуют, спешат спровадить льдины на стрежень реки. И вот бурный ледоход...

Словно ослепительные комья снега, неустанно мелькают быстрокрылые чайки в голубом просторе чистого неба. Цветистые селезни с утками красуются на отмелях, гремят над разливом выстрелы охотников.

Пленительная картина, неповторимо милая сердцу любителей русской природы! Есть что-то радостно волнующее в величественном зрелище ледохода. Чисто русская прелесть очарования ранней весны севера.

Льдины мчатся с вешними водами вниз по течению. А по воздуху с попутным ветром летят перелетные птицы...

Когда цветет орешник

Затейник-апрель неделю почудил и перестал.

Снова теплынь обласкала первые цветы— мать-мачехи.

Бирюзой весеннего неба сквозит апрельский лес. Веет свежесть талого снега. И взор замечает властное вторжение весны. Мелькают бабочки — желтые лимонницы, коричневые крапивницы, заметно круглеют почки, деловито снуют муравьи на согретых солнцем кучах. Ни листика, но зеленым туманом дымится чаща леса.

Нарядно в лесу. В бахроме сережек цветут осины, орешник и ольхи. Грибникам примета — ищи сморчки.

Первый душистый кустарничек — волчье лыко распускает свои лилово-розовые колокольчики. Своими яркими красками они необыкновенно оживляют неодетый лес. Цветет до листа эта очаровательная лесная сирень.

Чистым серебром светятся ивовые кусты. Благоухает воздух пробуждающегося леса. Сочным хмелем бродят, наливаются соком березы и клены.

Еще по снегу зацвел лесной орех. Вместе с осиной орешники первыми открывают в лесу весну цветов. Это — достоверное свидетельство полной победы весны над зимой. На почках красные искры пестиков.

Удлиняются на безлистых ветках бурые сережки. Эти тычиночные цветы теперь быстро развиваются. Желтоватой дымкой разносит весенний ветер пыльцу цветущего орешника, и перволетные пчелы гудят и таскают душистый «хлебец» в свои ульи.

Нарядны осины. Нежнолиловые сережки их разлохмачиваются и красятся в кирпичный цвет.

По вечерам плавно и тихо тянут вальдшнепы. Над лесом видна стайка лесных голубей.

Заяц беляк линяет, сам на себя не похож: весь пегий, торчат полинялые клоки шерсти.

— «Рас-тает, рас-тает!» — настойчиво и громко пророчат гибель снегу журавли, пританцовывая на болоте. И лесные сугробы, действительно, сдались и побежали ручьями.

На разливе

Узкий мыс потопленного берега низкой косы. У воды темнеет камышовый шалаш. В заливчике, метрах в десяти от берега, плавает на привязи утка. Иногда уток заменяют чучела, но тогда охотник сам должен или в пищик, или губами в кулак подражать голосу птицы.

Еще рано... Сумрак и тишина. В шалаше отверстие, через которое виден на воде только силуэт утки.

Светает... Узкая полоса света на горизонте.

Шумно погрузила в воду длинный клюв проснувшаяся рыжая выпь. По прибрежному осиннику протянул вальдшнеп. Где-то на сушине застучал дятел. А выюхи-

чибисы кувыркаются над шалашом и жалобно пищат: «Чьи вы?.. Чьи вы?»

В лесу загомонили птичьи голоса. Очнулась и подсадная утка. Распушила крылья и разразилась неистовым кряканьем: «кря... кря... кря...» Встает, часто хлопает по воде крыльями. «Жви... жви»... — отвечает ей в воздухе селезень.

В редкие просветы шалаша охотник следит за селезнем. Учащаются и укорачиваются взмахи крыла. Вот он, растроганный нежным призывом утки, замирает в полете. Осторожная птица сразу не садится — делает круг над шалашом и удаляется.

А кряква пуще кричит, кажется, разрывается на части. «Неужели заметил засаду?» — думается охотнику. Нет. Селезень слышен все ближе и ближе.

...Взмахи крыльев, легкий плеск — и тишина. Темная фигура птицы с белым ошейником маячит на розовой воде.

Шалаш в кустах явно не нравится селезню. Но все неподвижно и тихо. А кряква будто успокоилась, охорашивается, не кричит, а нежно бормочет свои утиные речи.

Селезень подплыл на тридцать шагов, повернулся боком, самое убойное место. Решающие секунды... Охотник смотрит, где кряква, и целится в селезня.

Указательный палец плавно нажимает на спуск. Громко раскатывается звук выстрела по разливу. Где-то в лесу его подхватило эхо. Но вот все смолкло. Как ни в чем не бывало, утка ныряет, умывается, встает на воде, отряхивает крылья и опять: «кря, кря, кря...»

Какое удовольствие бродить в высоких сапогах по разливу и собирать плавающие трофеи!

По воде плывут золотые цветы ивы бредины. А по всему заливу в широких блестящих лопухах поднялись огнецветы-калужницы. Не будь их, как далеко бы уплыл селезень. Вот почему важно правило охоты на разливе —

садиться так, чтобы течение относило убитых птиц к берегу, где стоит шалаш.

Помнится, на разливе Волги за Костромой ветер угнал селезней в залитые водой ольхи, где они стали добычей ворон.

Весной запрещается беспорядочная стрельба по утиным стаям. Из шалаша с подсадной уткой или чучелом стреляют только селезней.

Окоп на гусей

Темь и тишь. Вокруг робко плещутся волны. Среди разлива темнеют залитые водой деревья. На сухой гривке горит костер, освещая привал охотников.

В прохладную апрельскую ночь уютен этот охотничий бивуак.

...Красным парусом вспыхивает пламя. Вода маслянится в игривых отблесках костра. Низкие кусты ивняка в полумраке ночи кажутся дремучим лесом.

Прозвенела в воздухе в стремительном полете стайка уток гоголей. С островов доносится гусиный гогот. Звучный голос весны! Оживленный «птичий базар» среди полой воды зовет охотничье сердце. А потом снова устанавливается тишина. Завтра охота на зорьке.

Из далеких теплых стран летят гуси на гнездовья в тундры, на свою северную родину. Летят строем (углом и шеренгой) по точному курсу и всегда появляются у нас в срок. Пока не оттаяла тундра, гусиные косяки останавливаются отдохнуть на больших водоемах Подмосковья.

В определенное время гуси перелетают с суши на воду и обратно. Охотники спешат заранее окопаться в яме. Не годятся никакие шалаши. Только окопы. Окопчик мас-

кируется бурьяном, прутиками. Сметлив дальнозоркий гусь. С высоты он видит даже свеженарубленные щепки и обычно облетает шалаш.

Место перелета — косогор между разливами. Сперва заметишь в бинокль, где летают гуси. Облюбуешь удобный пункт обстрела, — чаще это пригорок заливного луга.

...На востоке забелело. Синий мрак ночи отступает на запад, светлеют залитые водой леса. Ярко засеребрилась Венера-утренница. Она-то с неба и подает сигнал: «По лодкам!»

Охотники снимаются со стана и разъезжаются в разные стороны по разливу, усеянному отражениями звезд. Лодки скользят мимо залитых кустов тальника. Гребцы держат курс на сухие гривы.

Занимается заря. Охотник садится в готовую траншею. И вот зазвенела упоительная музыка весеннего утра. Словно в серебряные трубы журавли спозаранку сыграли «зорю». Заливаются жаворонки. Жалобно стонут вертолеты — чибисы-плаксы. Крякают утки. Тренькают чирки-трескунки.

И вдруг... Все заглушили новые звуки. Под облаками провисло оборванное ожерелье. Гуси! Охотники вбирают головы в плечи, пригибаются в окопе. Ружья наизготовке.

Издалека стая не замечает замаскированного окопа: кочка и кочка. Но видит фанерные фигуры гусей. Птицы принимают выставленные макеты за своих сородичей. Жестяные или фанерные профили гусей вокруг окопа расставляются плоскостями во все стороны, — их отовсюду видно.

Птицы строем снижаются. Косяк развертывается в воздухе, делает сначала обычный круг. Бдительная проверка избранного птичьего «аэродрома». Все вокруг выглядит мирно.

Стая гусей летит прямо к макетам на посадку. Пружинят сильные крылья. Волнующий момент!..

Но вот птичий строй нарушается. Беспорядочной кучей сгрудился в воздухе весь косяк. Стая взмыла кверху. Облачная тень от крупных птиц бегло проносится мимо окопа.

Гуси обнаружили подвох. Но уже поздно.

Выстрел, другой... Грузно падают гуси. Если патроны наготове, иногда успеваешь сделать два дуплета.

Пролетных гусей стреляют по весне на Московском море, на Оке. Глазомер подсказывает охотнику, какую надо брать дистанцию: далеко и быстро летит гусь — бери вперед на два, на три корпуса птицы. В Подмосковье встречаются гуси трех видов: гуменник, серый гусь, белолобая казарка. Охотиться на них можно на перелетах.

На глухарей

В ночной мгле пылает костер. Яркий пламень дрожит и на миг вырывает из тьмы бархатистые ветви елей, зеленые кочки в брусничнике. Сияют возбужденные лица охотников. На суку висит ружье.

Ночной привал. Желанная лесная тишина... Беззвучие ночи и приятная усталость клонят ко сну.

Поутру предстоит самая поэтическая весенняя охота — на току. Уже подслушали на вечерней разведке, где слетались и садились токовики. Древние обитатели лесов — отшельники-глухари не любят близкого жилья. Всегда ютятся в глуши.

...Ранний запев глухаря — часа за два до восхода солнца — сокращает и без того мимолетную вешнюю ночь. Чай выпит. Пора трогаться. Гасится костер.

Однако какая тьма-тьмущая кругом, и без огня совсем неуютно стало в таинственной глуши леса.

Приглядываемся. Под синим пологом неба рассыпались невидимые при костре звезды. Неясно чернеют силуэты деревьев.

Скоро мы все же осваиваемся в ночном мраке, выбираем маршрут и поодиночке идем в обход.

С пригорка спускаемся в обширное моховое болото. Над нами раскинулись ветви невысоких корявых сосен. Разлапистые коленчатые суковины — любимые насесты глухарей на току.

В темноте ступаешь наугад. Мягко и бесшумно утопает нога в упругом бархате моховых кочек. Осторожно пробираешься закрайками болота. Слух улавливает каждый звук. Откуда-то издалека донеслись журавлиные крики. Первая ранняя побудка весенней ночной тишины. Проснулся и прохохотал свое дикое «кукареку» белый петух-куропач. Высоко над головой, словно ягненок, проблеял невидимый бекас.

Идешь и слушаешь... И вот вкрадчиво возникают приглушенные, таинственные звуки. Невыразимы эти неподражаемые птичьи шопоты. Что-то негромко защелкало, будто капли дождя падают где-то на камень. Стукнет, как спросит: «тэ-ке», и утвердительно ответит: «тэ-ке»... И снова учащенное: «тэ-ке, тэ-ке...» Вслед слышатся: «хичи-фра, хичи-флить».

А после двойное: «Те-тек». Это — как команда приготовиться к маневру. Глухарь запел, и стрелок стремительно делает три прыжка. Шагнешь раньше или позже — все пойдет насмарку. Глухарь улетит или замолчит. Стой, не двигайся до тех пор, пока не запоет снова.

Чем дальше, тем азартнее песнь глухаря. Тут хоть кричи, хоть стреляй — все равно не услышит. Пение глушит слух. Не случайно птица так названа — глухарь. А в паузы малейший шорох под ногой, тончайший хруст вет-

Ранняя весна.

В камышах.

Главный «врач» леса.

Идет весна.

ки настораживает птицу. Глухарь замолкает и долго прислушивается.

Когда обрывается песня, охотнику приходится замирать в самых неестественных позах.

Под покровом темноты и нависших хвойных лап, волнуясь, подскакиваешь к сосне. Где-то над головой, слышно, поет глухарь. Близко, а где — не видно. В сумраке осматриваешь сплетения ветвей. Звук песни тих и неясен. Но на вид—какая это огромная птица! Нетерпеливо переступая мохнатыми лапами, глухарь ходит взад-вперед по толстой суковине. Подергивается опущенная шея со взъерошенными перьями. Трясется бородатая красно-бровая голова с седым клювом.

И вся птица — большая, черная — распушилась, как раздраженный индюк.

Не сводя глаз, стоит и волнуется очарованный стрелок. Под песню поднимет он не спеша ружье, и выстрел гулко раскатится по лесу.

На мху распластан цветистый глухарь. Зеленым металлом отливает большой зоб.

В ягдташе охотника редкий трофей.

На тяге

Каждая охота имеет свою особую прелесть. Но стоять на тяге — это подлинно вечера лесной поэзии.

Ток вальдшнепа русские охотники издавна называют тягой. Для этой охоты не требуется ни собак, ни чучел, ни лодок. Одно ружье.

После захода солнца, вдоль дорог, просек, по низинам, оврагам и опушкам невысокого смешанного леса тянут в сумерках небольшие птицы. Это и есть лесные

кулики-долгоносики, или вальдшнепы. На лету они издают характерные звуки: «кхор-тцик».

Заслышав этот призыв, самка выбегает из кустов на полянку, вспархивает, припрыгивает и откликается свистящим тонким звуком.

Охотник обманывает доверчивую птицу: кидает в воздух фуражку или свистит в манок, подражая голосу самки. Вальдшнеп спускается и попадает под выстрел. Стреляют только «хоркающих» петушков.

Красно-бурая птица, плавно взмахивая крыльями, как бы ныряет в розовом сумраке весеннего вечера. Вблизи можно разглядеть затейливый рисунок оперения. На светлокоричневом фоне спины черно-полосатые кляксы. Изящный узор крыла в красно-коричневых брызгах. Серое брюшко, на зобу рябь в виде поперечных полосок. Лобастая голова. Округлые черные глаза. За сложную и неповторимую окраску охотники и натуралисты величают вальдшнепа «лесным красавцем».

Вечером всегда норовишь встать к елочке, на полянке, где неугомонно журчит ручеек, или на углу примыкающей к роще широкой лесосеки, или у дороги. Оглядишься, выберешь хорошую позицию для обстрела и станешь лицом к заходящему солнцу.

Стоишь и любуешься. Последняя улыбка солнца млеет и гаснет на нежной зелени распускающейся березы. И первая звездочка, глядишь, уже запуталась в узорчатой вязи ветвистой вершины. Заливаются малиновки, зяблики. А одного певца охотник не только слышит, но и постоянно видит. На макушке ели вертится и громко поет сказочный «золотой петушок». До чего же любит петь на виду у всех голосистый дрозд! Воздух напоен благоуханием, распускаются клейко-смолистые березовые листочки. Раз в году бывает такой неповторимо свежий лесной аромат!

Чаруют охотника едва уловимый шопот леса, журча-

ние весенних ручейков, невнятные шорохи пробивающейся сквозь листву травы. Чудесно переливаются лучезарные краски догорающей зари. Все так ново, так свежо. Но вот сгущаются сумерки, угасает пурпур заката. На васильковом небе — золотые облака, словно перья улетевшей за горизонт жар-птицы. Звонкий вечер уходит в сумрак ночи. Все ярче звезды, тише птицы, слышнее ручьи. Дрозд свистнул в последний раз «прощай» и улетел. Но тогда словно внезапно заговорил вслух торопливый ручеек. Совсем уже перестали перекликаться с пением воды птичьи голоса. Как настораживает этот очаровательный миг лесной тишины.

Охотник чутко прислушивается... Он наготове. Как долго тянутся секунды! Величаво молчание темного леса.

И вдруг уха коснулась неподражаемая мелодия: мягкое хорканье и легкое присвистывание. Вот оно, волнующее откровение весеннего вечера. Звуки приближаются.

Вальдшнеп летит воинственно, несет, как штык, впереди себя длинный клюв. Любопытны встречи-турниры токующих соперников. На тяге между пернатыми рыцарями иногда завязываются воздушные поединки. Клювы птиц скрещиваются, как рапиры. Искусные фехтовальщики не замечают охотника и быстро оказываются на дистанции выстрела. Мушка в такт взмаха крыльев ловит птицу. Спуск плавен. Грохоту выстрела ответило эхо. Гром потряс вечернюю тишину. Пируэтом ныряет в чащу замолкшая птица.

Нелегки в сумерки поиски в кустах. Защитную окраску перьев вальдшнепа не отличишь от листьев. По деревьям определяешь место, куда он упал.

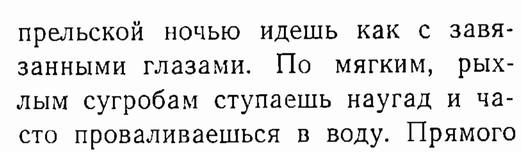
Так до темна стреляют охотники, пока видно мушку.

Но вот страсти улеглись, прошла горячка. Начались охотничьи будни. Пора домой. Ни красок, ни звуков. Темь — хоть глаз коли. Бредешь темной ночью. Ступаешь наугад. Вязнут ноги. На все натыкаешься. И откуда эти

кочки, пеньки, сучья? А по лицу больно стегают ветви. Впереди зеркальцами светятся лужи. Они единственные ориентиры на дороге. На плече, как ни повесь, болтается ружье, задевает за ветки, мешает на ходу. А в ушах все еще отдается полет вальдшнепа.

Но вот лицо перестает ощущать холодные струи воздуха. Повеяло теплым паром земли. Значит, кончилась опушка. Но и в поле темно, как в лесу. Нагретая солнцем пашня щедро отдает тепло. Время оправдывает народную поговорку: «земля преет». Река вскрылась, и заквакали зеленые лягушки. Прилетели коршуны, и запели дрозды. Это примета начала тяги.

На тетеревином току

Апрельской ночью идешь как с завязанными глазами. По мягким, рыхлым сугробам ступаешь наугад и часто проваливаешься в воду. Прямого пути нет. Сколько лишних километров отмеришь, обходя в темноте топи, болота, низины. Но «охота пуще неволи»... Старинная пословица говорит: «охотник вёдро в тороках не носит»... Его не устрашают в апрельскую ростепель труднопроходимые места.

Бодрит свежий весенний воздух — запах почек, хвои, талой снеговой воды.

Лесная дорога поднимается выше обочин. В ельнике еще темнее. Где-то здесь поворот. Его узнаешь по черным ступням на сугробе. Шагаешь след в след. А вот и шалаш на поляне. Кочки, пни, проталинки вокруг него примечены еще днем. Ведь на рассвете можешь принять их за птиц и начнешь палить из ружья. Бывало это на

памяти охотников. Шагами отмериваешь расстояния от шалаша до воткнутых в снег хвойных веток. Сидя в засаде, можешь не рассчитать: покажется сто метров за пятьдесят.

Потом заходишь в шалаш, ощупью раскладываешь рюкзак, бинокль, патронташ, ружье, чтобы было все наготове.

Низ шалаша «конопатится» травой, хвоей, а повыше делаются просветы. Птица видит только по низу. Устраиваешься так, чтобы ничего не мешало, не шуршало.

...Вслушиваешься в тишину, но пока слышно одно и то же. Всю ночь ушастые петухи-филины диким голосом хохочут на весь лес.

Наконец, начинает светать. Показываются силуэты деревьев. Умолкают вопли филинов. Угрюмая птица не любит света, прячется в тень.

И вот рано-рано послышится мечтательный непокойный звук: «чууффшшшы...» Из темноты задорно отвечает такой же шопот. Еще темно, а косачи слетаются на ток. Но пока не видно ни птицы, ни мушки. Стрелять нельзя.

...Восток светлеет, и вырисовываются фигуры птиц: вытянуты краснобровые головы, вздуты шеи, распушены крылья. Подняты веерами хвосты. Под ними ярко белеет опушь. Все сильней и громче бормотанье «бу-бу»... Петухи кружатся, подпрыгивают, взлетают.

На километр разносятся глухие переливчатые звуки.

Новичок не рассчитает, неосторожно высунется на полянку — и только услышит: «фрррррррр»... Ему казалось, что птицы еще далеко, а они взлетели в нескольких шагах.

...Заря разгорается. В розовой мгле кружатся на проталине черные распушившиеся косачи. Ими уже овладел азарт. Они прыгают, наскакивают друг на друга. Вот сцепились два дуэлянта. Жаркая схватка. Слышно гулкое хлопанье крыльев. Во все стороны летят перья...

А на голоса петухов с восходом солнца летят серые куры. Старый токовик поднял краснобровую голову, зорко присматривается агатовым глазом, сторожко озирается по сторонам. Не ястреб ли?

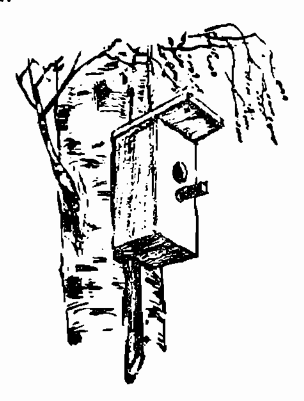
У самого шалаша два косача, ничего не видя кругом, запальчиво бубнят друг перед другом: «бу-бу». Охотник с замиранием сердца наводит на птиц мушку. Раздался выстрел. Оба петуха уложены наповал. Воцарилась тишина.

Тетерева вытянули шеи, смотрят по сторонам. Никого не видя, они успокоились и опять затоковали.

Пленительна музыка тока. Следя за тетеревиным током, забываешь все трудности: рискованные переходы через топи, болота, трясины, опасные переправы через быстрые ручьи. Пропадает даже охота много стрелять по такой уязвимой и близкой цели.

До проталин косачи токуют на деревьях. А с середины апреля, когда наполовину уже стает снег, начинается ток на рыжих лесных болотах, черных полях, на опушках леса, лесных полянах, в перелесках, на пригорках.

Охота на токах в Московской области допускается только с особого разрешения областного отдела охотничьего хозяйства.

МАЙ

Всех месяцев звончее
Веселый месяц май...
А. К. Толстой.

Чудесны красные деньки. Светлые волокна облачков плывут по чистому небу и без следа тают в прозрачной синеве. Голые дубравы насквозь просвечиваются солнцем. Нежными тонами лиловеют взлохмаченные сережками осиновые вершины.

Зеленеет, цветет, звенит и веселится все в природе. Только безлистые березы плачут. Ласкает их солнце, играючи нашептывает что-то тихо веющий ветер. Робкое дерево ждет надежного тепла. Опасно обольщаться чарами обманщика-мая: «Май обманет, да и в лес уйдет». Никогда береза не торопится распускаться. Не верит она ни кукушкам, ни соловьям, ни ласточкам, ни вальдшнепам.

Еще нежнозеленая стоит прозрачная березовая роща. Дерево набухло соком. Легонько ударь по коре, и опрыснет тебя сладкими брызгами. Целительна, свежа эта березовая брага-соковица.

Но что такое? Чьи это проклевы слезятся в бересте? Ага! Есть, оказывается, и среди жителей леса понимающие толк в березовом соке. Дятел клювом раскупорил березу и всласть напился. «Дятловы кольца» — так и называются эти следы птичьего пиршества. И не один дятел, а и белка тоже любит попить соковицы.

...«Ку-ку! Ку-ку!» Эхо дальнего леса перекликается с ближним.

Утром и вечером весь птичий хор на своих местах: поют соловьи, малиновки, жаворонки...

Пронзительно-горластые визгуны-стрижи, замыкая птичий прилет, прибыли последними, в арьергарде. Больше всех полошат они тишину майского вечера.

А клушам не до пения. Ранние наседки — кряквы, грачи, совы, скворцы, тетерки, вальдшнепы, дрозды — уже скоро выведут птенцов. Крепче всех сидит на гнезде бесстрашная и самоотверженная самка-вальдшнеп. С грохотом повалится дерево под топором дровосека, вершина его хлестнет чуть не по гнезду, а птица и не шелохнется.

Шестнадцатого мая приметный «день — зеленые щи», отрастает щавель, кислица. Первые овощи. А на пастбищах досыта наедаются стада коров, овец. «Майская роса коням лучше овса».

Двадцать второе мая — «Никола-теплый» — праздник конюхов. Выгон лошадей на подножный корм. В эту майскую ночь колхозные ребята по обычаю едут в «ночное».

Тихо плывет звездная ночь. Пересвистываются куличики на реке. Фыркают кони. Глухо позванивают колокольчики. У костра — живая инсценировка по рассказу «Бежин луг» Ивана Сергеевича Тургенева. Только кол-

хозные ребята в «ночном» говорят уже не о домовых и леших, а о героях Отечественной войны и трудовых подвигах советских людей. В ночной тиши лелеют они мечту стать такими же патриотами.

* * *

Майское утро. Из-за леса выглянуло солнце. Вздрогнули верхушки деревьев. Первые лучи скользнули по травянистой поляне, и блики заиграли на кустах. Засверкала блестками роса. Из лилово-голубых колокольчиков вылетают первые бабочки, ночующие на цветах.

Обрыв под липами. Тениста эта наша северная чинара. На дне оврага позванивает родник. Сверкают зеркальные омутки.

И вот... чистейшего фарфора белые колокольчики застенчиво глядят из зеленого раструба пергаментных листьев. «Сырой овраг сухим дождем росистых ландышей унизан...» Как благоухает здесь тонким ароматом майского леса! В ландыше — вся лесная поэзия мая.

Среди берез

И вечно радужные грёзы
Тебя несут под тень березы,
К ручьям земли твоей родной.
. . . .

А. Фет.

И березы дождались тепла. Дождичком умылись, росой напились. Еще ярче светлеет береста. Тучно загустели вершины. Свешиваются ветки с нежными листьями и сережками.

Узорами завиваются развесистые русалочьи кудри. Сменила береза свою гладкую зимнюю прическу.

«Еще прозрачные леса как будто пухом зеленеют...» Повеяло смолистой свежестью берез.

Свежа и зелена майская трава в росе. Крапива поднялась — молодая, сочная. Полянки зазеленели.

Открыла синие ресницы изящная голубая перелеска. Лазурные глазки глядят и никак, кажется, не наглядятся на веселый березовый хоровод. А в роще льется песенка зяблика. Вот он залихватски обрывает мелодию и сейчас же начинает снова.

Розовые колокольчики кучками прилепились к безлистому гибкому стеблю. Это душистая лесная сирень, или волчье лыко. Краса-цветок.

Выше всех первоцветов дикий лесной горошек. До распускания бутон розовый, цветы фиолетовые, а когда отцветают, становятся синими. Причудлива форма цветка: венчики — парусами, лепестки — крыльями, а внизу подвешены будто лодочки.

Тихие заводи, отмели и заливчики окаймляются зелеными лопухами. Горят на солнце яркожелтые калужницы — «жар-цветы». По-народному — «солнышки». У воды и по низким, топким местам цветут желтыми облачками ивы бредины. На их пышных барашках жужжат пчелы, шмели, мелькают бабочки.

Не полным листом еще оделась черемуха, но уже выбрасывает она цветочные бутоны.

Цветущий май благоухает в Подмосковье.

Соловьи, соловьи..

И вот весна явилась вновь,
И в солнце прежний жар.

М. Лермонтов.

Незакатные зори соловьям спать не дают... Майская прохлада сперва укрощала веселое пение. Но вот потеплело, и от зари до зари поют певчие птицы.

Всю ночь не смолкает трель соловья в душистой сирени. Самое время теперь слушать его неугомонные восторги.

Весь лес внимает птичке-невеличке. Певун то сладостно замирает в миноре, то громко вознесется, и эхо вторит соловьиной песне. Как первая скрипка в оркестре, так и в лесном хоре все звуки покрывает заливчатый голос соловья.

Проста и трогательна хрустально-чистая соловьиная трель. Никогда не надоест ее слушать.

Но вот пропел и умолк соловей... И вдруг с высоты кто-то захлопал, будто зааплодировал умолкшему на миг певуну. Чьи же это горячие аплодисменты? Какой еще артист объявился в ночной тиши? Это недремлющий сторож зелени — козодой. Не до сна птице — вылетел жуков половить, вот и изливает свои восторги. Оригинал этот ночной чурилка: по перу — совка, по стати — ласточка.

А какой изощренный насекомолов! Как и все зоркие птицы-полуночники, козодой виртуозно лавирует между ветвями и стволами деревьев. Никуда не скрыться от него вредным насекомым.

Спокон веков поэты воспевали соловья, композиторы слагали о нем музыку. Только художники обошли, не нарисовали серенького петушка.

Недавно в глухом, укромном местечке около Коломенского удалось подкрасться к кусту и в двух шагах рассмотреть знатного певуна. Маленький! Невзрачное перо. Но непомерно, кажется, велики, как у всех полуночных птиц, большие черные глаза.

Знатоки птичьего пения тонко различают соловьиные мелодии: «почин», «хрустальный горошек», «летний громок», «кузнечик», «колокольца»... Да мало ли тончайших нюансов, неуловимых оттенков нежного соловьиного звука!

Любят соловьи приречные кустарники, заросли лесных низин, где погуще ветвистые черемухи, рябины, бере-

склеты, крушины, жимолости, бузина. Но главная квартира соловья, его «певчая студия» — это все-таки черные ольхи, перевитые цепкими лианами вьющегося хмеля. Среди них и заливается в потемках этот лирический исполнитель полуночных серенад.

Соловьи, славки, пеночки никогда не живут в дуплах, а гнездятся только в кустистом подлеске. Ни скворечней, ни дуплянкой их не заманишь в сад. А есть способ пригласить этих ценных птичек в парки.

Надо насадить густые кустарники — желтую акацию, рябину, черемуху, сирень, калину, облепиху, боярышник, жимолость, бузину и другие. Такие заросли образуют непролетную для ястребов и соколков лесную чащу. Это и будет излюбленным местом соловьев, пеночек и славок.

Все певчие птицы населяют только молодые лиственные леса, густые чащи кустарников подлеска. Эта азбука ведома каждому пионеру. И вдруг новость... Дачники подмосковной станции Удельная подслушали песни соловьев в высоких соснах. В хвойном лапнике соловьи — большая редкость. Разумеется, это садоводы-любители насадили под соснами ягодные кусты. Вот и завелись соловушки.

А есть одно идеальное кормовое и защитное птичье растение. Вроде «железного» дерева юга. Это сахалинская греча! Оно хорошо кустится. Побеги отмирают, сохнут, твердеют и, переплетаясь зелеными ветвями, образуют чащу. Естественная изгородь, да еще с ягодами. Первые опыты посадок под Москвой ввели охотничьи хозяйства. Сахалинской грече — почетное место в городских и колхозных усадьбах.

Примечательно, что в зелени тенистых бульваров столицы больше стали селиться певчие птицы.

Стоязычная певица

У нас в лесах и с соловьем есть кому состязаться в пении. На все голоса от заката до восхода солнца поет одна таинственная птичка овражных ручьев, лесных трясин и топей. Она всегда пела у нашего охотничьего костра на разливах реки Костромки, на островах Московского моря и даже на усадьбе охотничьей станции в Завидове. Это стоязычная певица варакушка, по-народному — аракуш. Она всегда поет у воды. Всю ночь прослушаешь, и не наскучат ее вариации.

Словно кто-то пробует в прибрежных кустах играть на тонких и нежных струнах. Но досадно — обрывается мелодия, часто сбивается с тона. Импровизирует птица неповторимые песенки. Перепевает понаслышке без начала и конца. И никогда не узнать наперед, как начнется ее замысловатая увертюра и каким аккордом закончится. То она поддразнит «премьера весны» — соловья, то начнет подражать голосам малиновок, скворцов, ласточек.

Пение этой птицы я слышал и в районе некрасовских Малых Веж, где цел дом «деда Мазая». Люди, которые вместе со мной слушали малоизвестную певицу, подтвердили, что это действительно соловейка. Она подражает не только жаворонкам, соловьям, малиновкам, скворцам, но и свистам, крикам и гудкам. Варакает с чужого голоса. Недаром так и называется: варакушка. Статная, изящная красавица-синегрудка на стройных ножках. Лазорево-голубая грудь как бы в муаровых лентах, а посреди — красноватая или белая звездочка.

А как разнообразно поет! На сто голосов распевает варакушка свои неповторимые песенки. Удивительны ее напевы!

Певец парков

Скоро гости к тебе соберутся,
Сколько гнезд понавьют, — посмотри!
Что за звуки, за песни польются
День-деньской, от зари до зари!

И. Никитин.

Чарующая пора лесной поэзии. Молчальники зимы — лес и парк — теперь обрели голос. Концерт — с утра. Хором встречают птицы солнце, и каждая пташка узнает голос себе подобной, как музыкант ноту в оркестре.

В ольхах — соловьи, в ельнике и овраге заливаются зорянки, в густой чащобе — синицы, на вырубках — пеночки и овсянки. А зяблики и кукушки — всюду.

Есть птицы — архитекторы гнезд, но неумелые певцы (ремез), есть чарующие певцы, но плохие строители (соловьи), есть красавцы нарядом, но воры и без голоса (щурка).

А зяблик — «на все руки мастер»: искусный зодчий-гнездовик, веселый запевала, щеголь и насекомоед.

Приятны песенки петушков-зябликов. Увеселяют они не только в лесах, но и в садах и парках. Эти птички-жизнелюбы охотно поселяются вблизи жилья. Привыкают к людям и поют. А попробуй найти гнездо зяблика. Так прилепит замысловатый полушар своего скрытного домика между стволом и сучьями — вблизи не заметишь, скорей подумаешь, что это наплыв на мшистой коре.

Зяблик-петушок щеголяет разноцветной пестротой перьев — черных, белых, желтых, серых, светлозеленых и виннокрасных. Неподражаемо переливчатая трель громкой, отчетливой, радостной и красивой песни оживляет лес. Только один зяблик может дать такой молодецкий заключительный аккорд в конце своей нежнозвучной песенки.

А его подруга — непревзойденная мастерица. Посмотрите, как искусно она отделывает свой домик. Кусочки мха и лишайников тщательно укладывает и оплетает паутинкой, а внутри устилает пухом и шерстью. В пасмурный день зяблики издают короткие нотки: «рю-пинь-пинь-рю»... А если это же услышишь и в ясный день, да еще увидишь, что зяблики гурьбой уселись на одном дереве, то знай: где-то близко ястреб.

Петушок-зяблик — артист. Ему, свободному художнику, не к лицу возиться с кропотливой постройкой. Его дело — петь, сторожить, ободрять старательную самку. Она одна трудится, а зяблик неотступно порхает около нее и заливается без умолку. Но другой петушок и не думай рядом запеть, не смей подать близко голоса! Ревнивец сразу ввязывается в драку.

Но птенцов своих зяблик-отец кормит наравне с самкой. В это время они истребляют много вредных насекомых — личинок, гусениц, жуков долгоносиков, клопов черепашек, мелких бабочек, совок и пядениц, листогрызов, да еще клюют семена злостного сорняка «цыганки». Ошибочно считали, что зяблик — зерноед. Наука его оправдала. Он кормится семенами сорняков и вредными насекомыми.

Зяблик — защитник садов, парков, лесов, степных дубрав, неутомимый певец.

Сиротка без адреса

Первое зеленое утро! Уже невидимками поют в уютной листве соловьи, кукушки, скворцы. В лазурном сиянии ласкового неба блестит изумрудный лес.

Похорошела весна. Преобразились леса и парки.

Первый гром «развязал язык» кукушкам и лягушкам.

Первый летний голос лягушки по-своему понятен рыбакам: щука, стало быть, отметала икру. Об этом и оглашает во всеуслышание пронзительная квакушка: «Икра какова, икра какова!»

А кукушка как бы докладывает своим почитателям — лесничим, лесоводам, лесникам: «Вот и я прилетела, ваш штатный опекун леса».

Невзрачная с виду рябая птица — кукушка похожа на ястребка, хитрая, скрытная и проворная. А как не любят ее все птички: завидят — и с криками бросаются в погоню. Все птицы знают ее проделки — норовит кому-нибудь подкинуть свое яйцо, поэтому и гонят от своих гнезд.

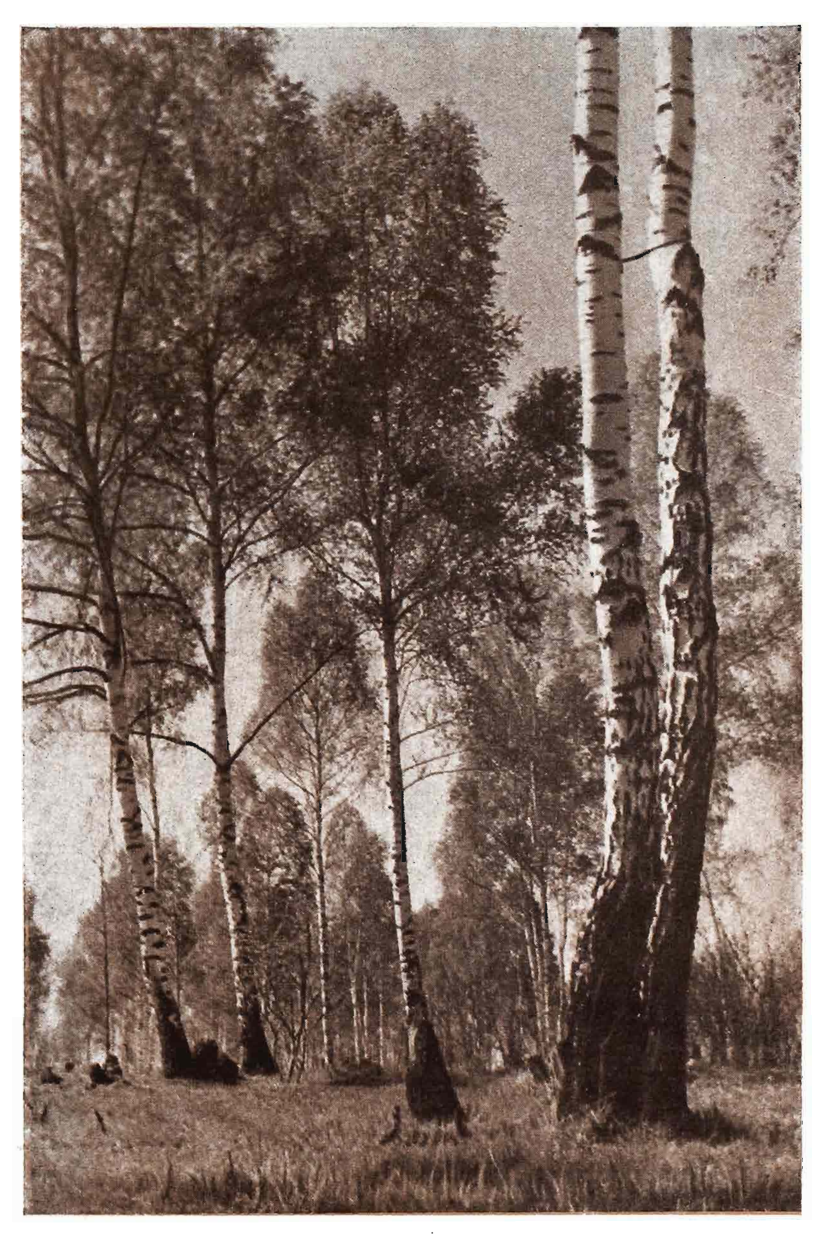
Но очень уважают кукушку лесоводы. Безотказно истребляет полезная птица различных вредных насекомых и их личинки. Только она одна охотно клюет волосисто-мохнатых гусениц — шелкопрядов. Бронзовые майские жуки — любимая пожива кукушек.

Недаром ученые отмечают большие заслуги пернатой защитницы леса: деревьям исключительная польза, не приносит вреда ни семенам, ни ягодам. Таков общий аттестат кукушки.

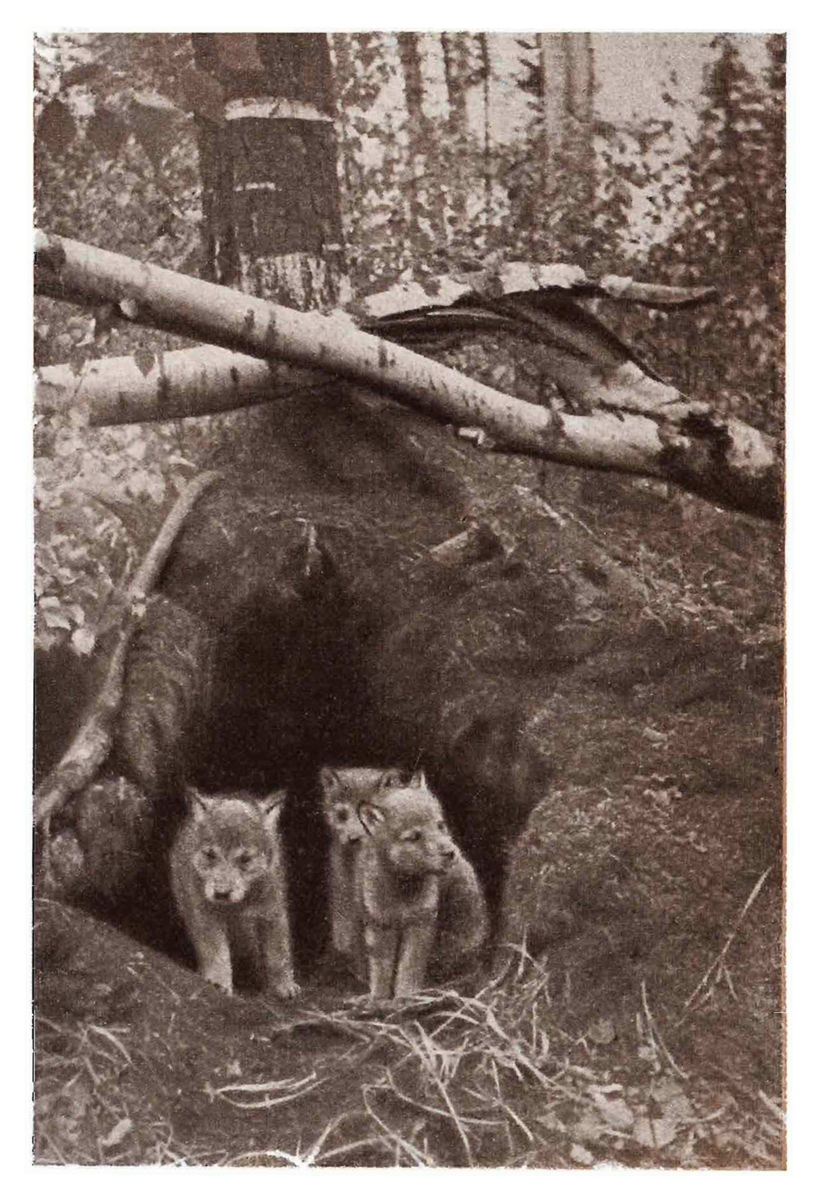
170 видов птиц-мачех выводят и вскармливают необыкновенных обжор кукушат-подкидышей.

В день кукушонок съедает 18 живых мальков-ящериц, 39 больших зеленых кузнечиков, 3 куколки бабочки «мертвая голова», 43 капустных червя, 5 личинок майского жука, 4 паука крестовика, 50 мучных червей да еще без счета муравьиных яиц-куколок.

Основной корм кукующей вещуньи—непарный шелкопряд, златогузка, пяденица, ильмовый ногохвост, майский хрущ. Не брезгует она и долгоносиками и щелкунами. Сто гусениц в час — норма кукушкиной еды. Как же не уважать такую птичку лесоводу!

В березовой роще.

Волчата.

А как трогательно и задушевно она кукует. И слуху лесников не наскучит эта «эолова арфа» вздохов.

Кукушки нежный плач в глуши лесной
Звучит мольбой тоскующей и странной.
Как весело... весной, —
Как мир хорош в своей красе нежданной...

Все птицы привязаны к гнезду, одна лишь кукушка, лесная горемыка, свободна от материнской заботы. Куда вздумается, туда и летит, где ночь, где день — ей все равно.

И в этой неограниченной свободе лесоводы усматривают особое достоинство кукушки: вольная птица даже в гнездовое время летит туда, где скопляется масса вредителей леса.

Безутешно вздыхает бездомница-кукушка: «ку-ку... ку-ку...» А лесоводу кажется, что птица во всеуслышание объявляет: «Здесь я живу, маюсь и, конечно, не даю покоя вредителям леса».

Весна старого дуба

Зеленой листвой оделась милая краса мая — черемуха. Уже рокочут майские грозы. После дождя омылась молодая листва. На заре деревья от комля до вершины светятся в блеске сверкающей росы. Темнеют лишь одни безлистые дубы. От них, кажется, веет холодком. Никакая зелень будто еще не указ теплу, пока беспробудно дремлют исполины леса.

Век дуба — тысяча лет. Дубы, растущие на открытых местах, зацветают в возрасте двадцати лет, а лесные — в пятьдесят. Цветет дуб одну декаду, реже — полмесяца.

Нередко мощные столетние и даже трехсотлетние дубы — медоносы.

Светлым особняком стоят просторные дубравы. Солнце свободно просвечивает сквозь прозрачные вершины медленно одевающихся дубов. До полного листа успевают подняться широколистые травы дубрав, обутонивается великолепный ландыш.

Маститый старец леса — дуб-богатырь — будто раздумывает и не решается распускаться за компанию с красавицами черемухами, не верит ни кукушкам, ни соловьям.

Последний ночной заморозок на почве. Прохлада унимает прожорливых майских жуков, которые наваливаются на нежную зелень поздней дубовой листвы.

Полного листа только и ждали яркоперые птички. В голый лес, казалось, не след было прилетать им на глаза ястребам. Но вся компания здесь: красные воробьи — чечевички, «золотые петушки» — иволги, козодои, сизоворонки и стрижи.

Почти от экватора примахал пернатый любитель дуба — красный воробей, индийский зимовщик. Вот он с ветки на ветку порхает, торопливо прикладывается к дубовым сережкам, похожим на зеленый мох. И рдеет на солнце тропически яркая птичка-чечевичка. Прислушайтесь, да ведь это она сама себя нараспев величает: «чи-чуить-вичу, чи-чуить-вичу!»

Так и знай: пока самый маститый дуб цветет, красноперая говорунья за компанию с пчелами льнет к его цветкам, празднует короткую юность старого дуба.

Орга́ном гудит исполинский шатер дуба. Зачем же прикладывается чечевичка к дубовым сережкам? Секрет, оказывается, прост: красный воробей склевывает насекомых.

Обильны пыльцой дубовые цветы...

На Сенеже

Зеленые дали цветущего мая зовут и манят в чащу лесов. Хорошо посидеть на изумрудной травушке-муравушке на берегу, у светлой воды.

У москвичей есть много излюбленных мест отдыха. Крупнейший в Европе водоем создан в зоне канала имени Москвы. Образовался своеобразный озерный край с новой флорой и фауной.

Своего значения не потеряло, однако, и самое крупное озеро Подмосковья — Сенеж. Красив этот чудесный уголок природы. Давным-давно облюбовали его москвичи-рыболовы. Один вид Сенежского озера прогоняет усталость. Солнце, воздух и вода... Круглый год не расстаются с Сенежем рыболовы-любители.

...Майское утро. Первая зелень леса. Песни птиц. Пышной бахромой сережек цветут ивы, ольхи, осины и орешник. Ярко пламенеют отмели, распустились золотистые калужницы. Глаза слепит зеленый блеск лопухов.

...Кольцо кудрявых рощ окаймляет гладь прославленного озера. Пышные купы распустившихся деревьев то гурьбой карабкаются по холмистым кручам обрыва, то хороводами сбегают на пологие лужайки у берега.

...Зеленеет, цветет, поет все кругом. А на Сенеже нерушимая тишина. Ни волны, ни ряби, ни зыби. Как в лазурной чаше налита тихая вода. Полный штиль. Удильщики изваяниями застыли над безмолвием синего озера. Только неугомонные щуколовы снуют на лодках вокруг плавающих красных кружков. И вдруг засуетился рыбак, заработал веслами. Показался белый кружок. Тревога поклевки. Лодочник держит курс к месту происшествия. Белый кружок вертится... Сматывается леска. Волнующий

момент... Лодка остановилась. Рыбак бросает весла, тянет шнур. Левая рука поднимается кверху, правая спускается за борт. Энергичный рывок. Громкий всплеск — и щука, распластавшись, лежит в лодке.

На счастливца со стороны завистливо покосился удильщик. Он сидит и терпеливо ждет клева.

Вдруг его поплавок исчезает. Рыболов встрепенулся, поднимает удилище. Натягивается леса. В воздухе сверкнул окунь-краснопер.

...Ни звука на воде. Плавно качаются лодки. Их много, но ни шума, ни разговоров. Рыбаки не сводят глаз с красных кружков с белыми колышками. По широкому простору разлива раздается ауканье неугомонных кукушек и первые свисты соловьев. А воздух напоен пряным ароматом душистых черемух.

На Сенежском озере лучше всего ловить с лодок — на удочки, кружки, дорожки и спиннинги. Хорошо попадаются окуни, щуки, ерши, плотва и караси.

...Нарядные зеленые берега озера ласкают взор. Пахнет сочной листвой березы и черемухи. От свежевспаханных окрестных полей веет теплом.

На логове

Май — самое лучшее время для истребления волчьих выводков. Ни сложного охотничьего инвентаря, ни кропотливой подготовки не требует надежная вешняя охота за волчатами на логовах. В лощине майское солнце печет еще жарче. Кругом кустистые ивняки переплетаются с цветущими бурьянами. И вдруг обрадуешься примятой траве. Сквозь кусты и высокие травы тропа подводит к

ржаво-желтой воде заросшего болота. Чей тут водопой? Приглядись по сторонам. Вот свежие оглоданные кости, клочья овчины. Охотнику ясно, какие квартиранты поселились в укромной чаще, у самого болота. Обжитое это звериное место, стало быть, и есть волчье логово. Тут вот и ищи маленьких волчат.

Искателю логова полезен притравленный на лисиц фокстерьер или послушно позывистая лайка. А гончая даже повредит охоте: по следу матёрых волков, нарочно отводящих собаку от гнезда, гончая уйдет далеко и может не вернуться вовсе... Злобная дворняжка и то лучше гончей.

Разведчику логова необходимы дробовое ружье, мешок для волчат, топор и лопата на случай отрывания нор или подрубки корней: волчица не роет нор сама, но занимает иногда отнорки барсуков и лисьи норы, раскапывая шире входы.

Росистым утром, после возвращения матёрых с добычи, след их укажет логово. Выслеживанию хорошо помогает волчий водопой, на берегу виднее следы. Заметны они также на пыльной или грязной колее дорог. Прислушайтесь к карканью ворон, стрекоту сорок — они выдают волчат на логове. И без птиц, по костям, по помету, по примятой траве троп найдешь жилое логово.

Годами волчицы щенятся в одних и тех же глухих местах, их наперечет знают опытные колхозники и особенно пастухи. В средней полосе СССР волки выводятся в мелколесьях, в смешанных дремучих чащах, в травянистых болотах с ивняком. Южнее, волчьи выводки — в островах отъемного леса, в оврагах, в глухих кустарниках. Непременно вблизи непересыхающей воды.

Следопытам известна повадка старых волков — не трогать скота вблизи логова. Пастухов иногда удивляет лесная «идиллия»: волк смирно разлегся в кустах по соседству с отарой овец. Это уже верный признак — где-то

вблизи логово. Все лето хищник разбойничает на стороне, подальше, отвлекая внимание охотников от логова.

Надо предупредить любителей, чтобы они не повторяли довольно распространенной ошибки принимать за волчат лисий выводок.

Надо знать, кого ловить, и уметь отличать волчонка от лисенка. Грубее, короче волчий волос с серой или темносерой остью и светлым шелковистым, волнообразным пухом. Главное — у волчонка непременная черная полоска по хребту и тупая мордочка. Иногда белое пятнышко на груди. Маленькие черные заостренные волчьи ушки, а у лисят уши большие. Волчий хвост широкий, тупой, черного или темносерого цвета с черным кончиком, а лисий — клинообразный, длинный и с белым кончиком. На волчьих лапках низкий гладкий волос, а у лисят хорошо опушенные с высоким волосом лапки.

Противозаконно истребление в летнее время лисят и лисиц — ценных пушных зверей и полезных мышатниц, наших помощниц в борьбе с потерями урожая на корню, в скирдах и на токах.

ИЮНЬ

...Прогремели грозы. Прошумели дожди. Выколосились и зацвели озимые.

В садах цветут сирень, жасмин, акация, рябина, жимолость, спирея. Жара не успела утомить сочную, яркую зелень. Омытая дождями листва блестит без единой желтой крапины. Над цветами порхают бабочки, жужжат пчелы, хлопочут шмели. В воздухе вьется тополиный пух.

В природе севера нет светлее и краше перволетья, когда сады и луга в цвету, а в яровом поле еще только румянят землю красные всходы гречихи.

Нарядны луга и лесные поляны. С каждым днем крупнее, пышнее, разноцветнее и душистее букеты цветов. В руках москвичей белые кувшинки, водяные лилии с зо-

лотыми язычками. Это наши северные виктории-регии, лотосы.

Дружно цветет румяными полосами розовая дрема, по-народному — «сон-трава». Неправдоподобно ярка нарядная красота пурпурного оврага, сладко пахнущего земляникой, полынью и душистой гвоздикой. На смену синим тонам подснежников теперь пошли червонные цветы лета.

Июнь по-славянски «червень» — красный месяц. Румянец года. Исстари в эту пору обирали с корней граблика особое насекомое — червеца «для багряной краски». Отсюда и название: «червлен стяг». Это цвет древних боевых знамен славянских дружин на Руси, национальный, народный, искони любимый русскими, красный цвет.

Есть одноименная с июнем красильная трава — червеница (красный корень, румянка). Она похожа на красностебельную траву — липкую смолевку. Червеницей окрашивалась одежда и конская сбруя русских богатырей. Красным корнем румянились в старину боярышни и крестьянские девушки. Отсюда и название этой травы — румянка.

В алмазной росе июньского утра купаются рубины дикого клевера — дятлины, огнекрасные гвоздички, красноватые колокольчики гравилата, пунцовые шиповники, красный луговой василек и лилово-красная болотная герань — журавельник, лилово-розовая богородичная травка — тимьян.

Длинный день отсияет бледным жемчугом лазури, и, как никогда в году, красочно садится раскаленный шар солнца. Долго пылает, рдеет колыхающееся зарево заката. Взвиваются звонкие стаи серпокрылых стрижей. Без них немыслим тихий вечер русского лета.

Привлекательны и лунные ночи июня. В хвойном лесу — таинственный полумрак. На траве и ветвях мигают, гаснут и опять вспыхивают блуждающие зеленоватые

огоньки, лесные россыпи аметистовых светлячков. А тут еще замерцают вдруг из старого трухлявого пня сине-зеленые кошачьи зрачки. Ночь чудес! Светится даже гнилушка.

Запах ночных красавиц — белых фиалок растворяется в сырой прохладе сумрачного леса. На низинных лужайках, сырых лесных полянках у опушки леса редко стоят белые султанчики с рожками орхидейных лепестков. На стебле два листа. Эти стыдливые цветы — пасынки солнца—обретают аромат под луной и под звездами белой ночи. «Не любят дня, растут особняком и даже запах льют поодиночке». Ночные фиалки — белые любки, как и красно-лиловые «кукушкины слезки» и сине-фиолетовые пятнистые ятрыжники, цветут более месяца, а если не опылятся — все лето. Красивы эти наши северные орхидеи!

О весне в июне напоминают отцветающие сирень и ландыш, а ночью — соловьи, варакушки и камышовки. В полях перепела выкрикивают свое «спать пора», да в лугах скрипят всю ночь коростели-дергачи.

Токуют еще бекасы. Хорохорятся, наскакивают друг на друга в петушиных боях-турнирах разномастные, как деревенские петухи, турухтаны.

Линяют охотничьи птицы. Старые косачи, селезни, глухари в укромных крепях молча переодеваются из яркого весеннего наряда в скромное летнее перо. Выводятся утята, тетеревята, глухарята, птенцы бекасов, чибисов, вальдшнепов.

Русское лето развертывается во всей своей великолепной красе. Спеют ягоды, грибы. Ловится рыба, подрастает молодь охотничьей дичи.

По народному календарю певчие птицы затихают с Тихонова дня — 29 июня, когда «и солнце ходит тише». Только соловей и кукушка поют до Петрова дня — 12 июля. И как бы на смену смолкающим птицам в летний оркестр вступают стрекотуны-кузнечики.

Среди июньского дня в березовой или липовой роще вдруг найдешь первую краснобокую землянику. А над головой услышишь приятно мелодичный флейтовый свист — «фиу-лиу» и тут же резкий вопль. Трудно, но можно разглядеть воздушный домик. Корзиночка из стебельков и волосков подвешена к гибкой ветке березы. Качается, как в люльке, и сама июньская наседка — желто-зеленая иволга.

Тих и угрюм без птичьих песен хвойный лес. По-комариному тонко просвистит лишь малюсенький королек-оливка — меньше стрекозы, да резко крикнет сойка.

А июнь — праздник и в старом бору. Цветут сосна и ель. Светлы зеленые побеги на темных хвойных лапах. Земляникой краснеют молодые шишки. Потянет ветерок, зашепчутся, замахают лапами сосны и ели, и ложится на золотую сушь рыжих иголок желтая пороша. Пудрятся желтым налетом сосен и елей вылинявшие старые белки и молодые игруны — подросшие бельчата.

Мягко ступать по упругому бархатистому ковру мшистых кочек. Розовеют цветы черники, голубики. Целебен смолистый воздух боров, глубоко и легко дышится, — как на берегу моря.

Исполины-дубы, одетые литой узорной листвой, широко раскинули толстые корявые суки. Лесные великаны, словно воители с бурями, в зеленой броне воздели к небу свои богатырские руки.

А на болоте, точно изваяние, застыла терпеливая охотница — цапля. Вобранная голова с длинной шеей вдруг выбрасывается в воду и тут же показывается с лягушкой в клюве.

Зайцы выбегают на поляны и вырубки. Под вечер идешь через перелесок, а беляк сидит на дороге: комары выгнали из леса — житья не дают бедному косому. На ветерке все-таки не так донимают кусаки. В это время заяц близко подпускает пешехода.

Дни ласточек, вечера стрижей

Разгораются дни и нежнеет ветер. Полным листом зашелестели тенисто-кудрявые вершины лип.

Долго не меркнет синяя светлынь неба. Дню июня конца нет. Белая зорька не гаснет даже в полночь.

Благодатная пора предлетья. Ни облачка, ни ветерка. Сияет лазурная высь. Ярка густая зелень газонов. Радугой расцветились клумбы на бульварах.

В старинные сады возвращается молодость. За чугунными кружевами парковых оград — зелень вековых дубов, вязов, ясеней и тенистых лип. По аллеям благоухают цветы сирени, акации, жимолости, боярышника, барбариса, калины и рябины, лепестки жасмина.

Позднее зацветает всюду распространенная у нас венгерская остролистая сирень. Долгое время пчеловоды равнодушно смотрели на это декоративное растение, обильно выделяющее душистый нектар. Местным короткохоботковым пчелам только при обильном соке во влажные дни удавалось брать взяток с глубоких цветов. Помогали им насекомые, прогрызавшие сбоку цветка небольшие «окна».

Подмосковные пчеловоды вывели новую породу пчел — с длинными хоботками, которые берут нектар с цветов сирени и красного клевера. Они летают за взятком в ненастные дни и даже в дождь.

...Последний пунцовый луч солнца взметнулся и озарил крыши города. И спутники дня — ласточки уступают воздушную сцену стрижам — птицам высокого полета.

Затухающим багрянцем осветилась необъятная рампа догорающего неба, вся в летучих росчерках черных серпиков. Это на вечернюю вахту вознеслись и неугомонно засвиристели стрижи. Комариками-толкунчиками вьются

они в розовом свете заката, все выше и выше набирают высоту. Сколько облетают за день эти самые быстролетные птицы-мухоловы! На километр протянется линия насекомых, что за лето склюет пара стрижей.

Много примечательного и в природе города в дни предлетья. Вот у памятника героям Плевны, что на Ильинском сквере, пурпурным парусом красуется так называемый краснолистый клен.

И, должно быть, в знак отваги
Клен, багряный весь,
Словно огненные флаги,
Ветви поднял здесь...

П. Комаров.

Среди зелени других деревьев рубиновой кажется вершина старого клена. А тут же подрастают и молоденькие краснокленики.

А вот когда и краснолистый клен, как все его соседи, позеленеет — значит, наступило полное московское лето.

Колосится рожь...

Тень ушла к немым дубровам,
Час от часу жар сильней,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.

Ф. Тютчев.

Вот и лето! Тих и спокоен жаркий воздух. Плавно летит пух с тополей. Светлые облака тают в голубом небе. Ветра нет, а какие-то дымки всплывают над полем. Сухой туман цветопыли дышит медовым запахом. Выколосилась и зацветает высокая матушка-рожь.

В березовых рощах — среди ромашек и лиловых колокольчиков — первые грибы-колосовики.

Чудесная пора душистой теплыни, горячего солнца, цветов и ягод.

По берегам лесных рек, ручьев и озер, на влажной почве оврагов, опушек, наподобие земляники, только более крупными белыми лепестками, цветет невысокий кустарник — ежевика.

Чарует летнее благоухание цветущих лугов. Каждому хочется захватить с собой букет полевых и лесных цветов.

Особенно хорош раскидисто-ветвистый донник. В оврагах, по лугам, вдоль железных дорог, на парах полей Подмосковья выше всех трав охапками ботвится это замечательное во многих отношениях растение донских степей. Изящны тонкие кисти его соцветий. Белые и желтые цветы пахнут свежим сеном. Мелкие листочки к ночи приподнимаются и свертываются. Донник — душистый сорняк, выдающийся медонос. Он и в ботанике называется «медовый клевер». С одного гектара пчелы собирают двести — триста килограммов, а в удачные годы — до пятисот килограммов бесцветного, но отличного на вкус, душистого меда. А желтый донник не только медонос, но и лекарственная трава. Невольно останавливает вас его приятный, несравненный запах. Недаром цветы донника подмешивают в высшие сорта трубочного табака. Донские казаки узнавали на войне своих земляков по запаху донника, подсыпанного в махорку. Вся степь пахнет донником. Нет еще других таких цветов, из которых получился бы такой необыкновенно пышный и ароматный букет.

По словам академика Цицина, из двадцати тысяч растений только двести пятьдесят используются в нашем народном хозяйстве. Это ничтожно мало. За последние годы сделано много ценных открытий. Донник, как и люцерна, все больше вводится в посевы культурных трав. Он стойко переносит засуху и морозы. Наш донник широко распространяется и за океаном...

...Свет солнца над зеленым морем ржи. Тихо веет с лазурных высот ветерок. По широкому простору катятся

волны зреющей нивы. Звенит полевая симфония жаворонка и перепелов. А из дальнего оврага долетают звучные трели соловья.

Тихо в поле. Облако закрыло солнце. Отдаленные раскаты грома глушат голоса птиц. На горизонте громоздится темная синева грозовых туч. Ломкий зигзаг белого огня прочертил небо... Ударил гром, и опять тишина... Сладко благоухает медом цветущая рожь. Еще сильнее пахнут цветы, травы и листва.

По пыльной дороге пробежали первые редкие капли, и хлынул дождь...

* * *

...Гуще и ярче зеленеют берега, выше заросли осок и тростников. Распустились крупные цветы желтого касатика — водяного ириса. В жарком воздухе снуют синекрылые «стеклянные» стрекозы. Теплеет прозрачная вода. Все дно на виду. Рыболовы с удочками днюют и ночуют на реке. А по ночам с фонарями собирают на тропинках крупных черно-красных червей — дождевых выползков. Это отличная приманка для язей, лещей, линей. Берут выползков окуни и даже изредка щуки. Самый лов теперь карасей в прудах и озерах на красного червяка.

Перволетье

Светлая пора! Горячий воздух. Яркие цветы. Редеют голоса соловьев и кукушек. Тише поют лесные птицы, громче во ржи «бой» перепелов, звонче трещат кузнечики на первом покосе.

Ночи сошли на нет. Не меркнут незакатные зори.

Самый большой день, самая короткая в году светлая ночь. Пух тополя и одуванчиков заметает тропинки и

аллеи скверов. Время цветов ржи, ночных фиалок любок, жасмина и шиповника. Обутонились и по верхушкам зацветают липы, созревает земляника. Возликовало солнце ярких дней перволетья.

Разгорячился блистательный луч, обшарил траву, отыскал свернувшийся бутончик. Разбудил сон одуванчика. Пчела уже тут, поздравляет его с ранним утром. По циферблату лужайки солнце водит стрелку, и один за другим вспыхивают золотые щитки одуванчиков. Вот завелись и пошли, пошли живые часы цветов. А пеночки, будто серебряные маятники, нежно позванивают: «пиньтень-тинь».

Утром на солнечной полянке без часов узнаешь время — одуванчик раскрывается в 5—6 часов, а к 2—3 часам дня уже гаснут желтые огоньки.

Кислица цветет днем — с 9 до 6 часов, мак — с 5 до 3, шиповник — с 4 до 8, лен — с 6 до 3, белая лилия-кувшинка — с 7 до 5, ноготки — с 9 до 4 часов.

В дикой природе одуванчик — самый обильный медонос. Он встречается повсеместно сплошными плантациями. Белые фонарики отцветших одуванчиков особенно заметны ночью. Век цветка — месяц. В ненастье уже не заводит «золотой ключик» солнечного луча цветочные часы. Стоят, не работают солнцелюбы в облачно-пасмурный день. Осенью — вторая весна одуванчика.

* * *

Слетает тихий вечер перволетья. Солнце уже село. В бархатном воздухе растворяются тончайшие, еле уловимые ароматы темного леса. Лесовей-ветерочек разносит душистое дыхание ночных красавиц — белых фиалок. Испуганный зайчик обленился, никто за ним не гоняется, никто его в зеленых кустах не заметит — ни ястреб, ни сова. Тихо подковылял зайчишка к лесной орхидее —

фиалке. Присел на длинные задние лапы, нагнул ушастую голову, причудливые белые рожки. Вдруг поднялся, тряхнул ушами, отскочил и ну давай чихать... Пряный запах чует. «И чем это люди восхищаются», может быть, подумал косой.

В старинном парке

Тишина, море света, просторная ширь зеленого горизонта, мягкий воздух июньского утра. Вся эта летняя благодать ласково встречает москвичей, выходящих из вестибюля метро станции «Измайловская».

Стройная аллея густолиственных лип. Сладко пахнут все в белом дыму фруктовые сады.

Среди зелени развеваются красные полотнища. Флаги подняты. Зеленая здравница столицы открыта для гостей. Добро пожаловать!

За воротами парка, по обочинам липовой аллеи цветной бордюр. Улыбаясь, синеют анютины глазки. Золотом горят головки одуванчиков и свербиды.

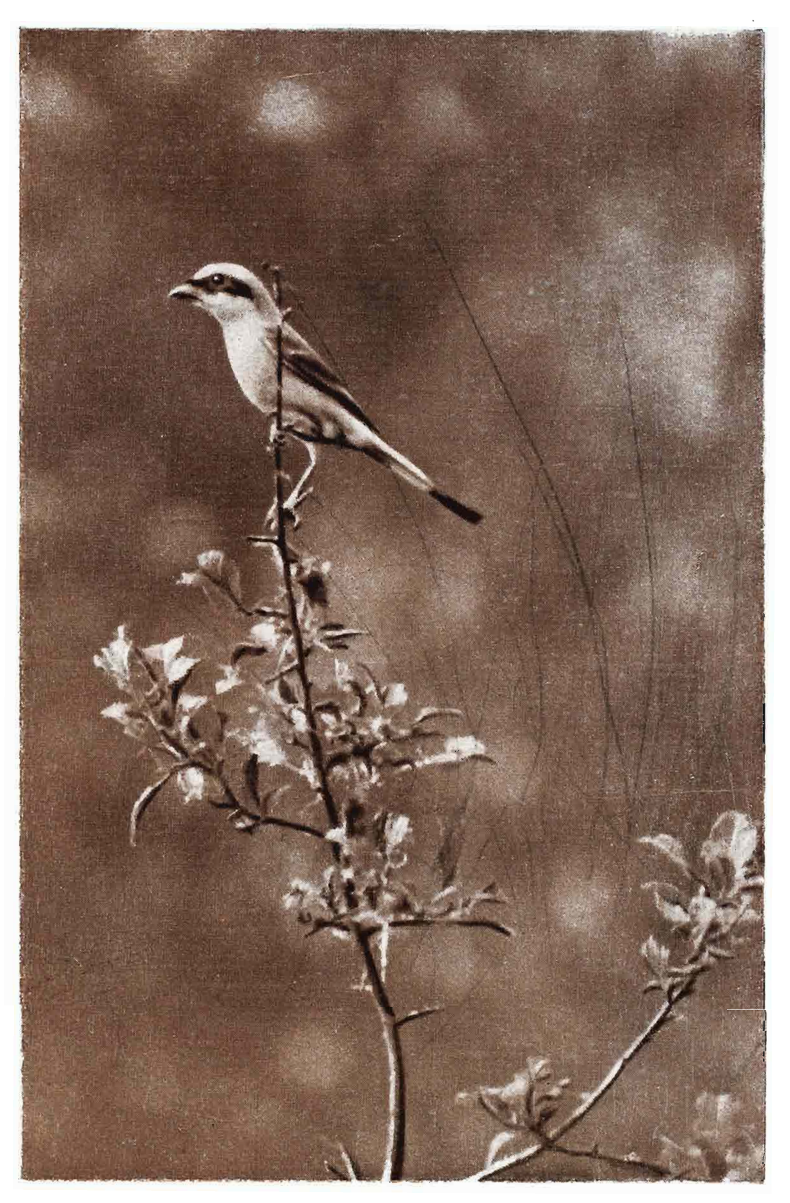
В разные стороны расходятся аллеи, разбегаются боковые дорожки. А кругом настоящие лесные заросли.

Влево от аллеи открывается величественное собрание вековых лип. Под зеленым балдахином вершин чернеют толстые стволы.

А на ветках, словно серебряные колокольчики, звенят зяблики. Весела их рассыпчатая трель.

Поют красные воробьи. Слышен флейтовый свист нарядной иволги. Летит скворец, другой, третий. Сколько их тут! Вот один примостился на стволе старой липы. Из дупла запищали птенчики.

Скворец принес им корм и опять полетел куда-то по своему экстренному родительскому делу.

Сорокопут — певчий хищник.

Голубка лесная.

Ежик промышляет.

Плотники-дятлы понастроили в дуплах удобные домики, и в них охотно поселились скворцы. В старинном парке они обходятся без скворечен.

Вздымаются, подпирая зеленый свод колышущейся листвы, колонны гигантов. Негде тут развернуться ветру. Сворачиваешь с залитой солнцем аллеи и попадаешь словно в зеленый тоннель — в дубраву вековых лип.

Успокоительна задумчивая тишина леса. А цветов, цветов кругом — ступить негде! По земле, как по небу, рассеяны семиконечные звездочки. Редко увидишь в букетах эти нежные и изящные цветы. На низеньком стебельке семь мелких листочков. Светлее и белее ландышей. Эти цветы так и называются седмичниками.

Со всех сторон обступает тебя колоннада леса. В тенистых липах полумрак. Изумруден купол липовых крон.

И вот, не угодно ли: «ку-ку, ку-ку». Как и всякий русский лес, этот старинный парк богат зеленью и пернатыми обитателями.

...Редеет лес. Открывается пруд с сосновым островом. Как старые знакомые, встречаются на берегу кудрявые березы. Портал водной станции; лодки ждут любителей гребли.

Влево — «древний ряд дубов цветет». Дальше опять смена декораций. Пошли сосны. Люстрами кажутся суковины, уставленные восковыми свечами красных шишек и желтыми колосками. Шпилями упираются в небо высокие, стройные ели, приветственно машут хвойными лапами.

От поляны уже начинается девственный лес. Манит непроглядная чаща настоящего чернолесья. И воздух здесь другой — пряно пахнет свежей зеленью. На державу вековых лип повел наступление густой молодняк подлеска. Тянутся к солнцу березки, дубки, ели. Ветвятся рябины, орешник, ивняк, крушина, жимолость, бересклет, бузина, черемуха.

По-летнему кудрявятся полнолистые деревья. В тени лип дремлет пышный папоротник. Красивы широкие пильчатые листы вайи — этого тайнобрачного растения.

А кругом — исторические места, истоки славы русского оружия. Могикане-деревья — друзья детства Петра Первого. Заросший Олений пруд — колыбель русского морского флота. Отсюда началось возведение нашего отечества в ранг великой морской державы.

Измайлово — древний лесной полигон славной русской гвардии. Здесь юный Петр устраивал первые потешные солдатские игры.

Парк богат лекарственным разнотравьем. В старину здесь был аптекарский огород.

Хорошо летом в старинном парке. Солнце, зелень, птицы. Арочные ворота измайловской здравницы гостеприимно открыты во все времена года.

Лесной тропой

Тих июньский полдень в лесу. Отвесные лучи бликами играют на изумрудных полянках. Под шатрами деревьев дрожат, подпрыгивают солнечные «зайчики».

Жарко. От цветов пестрит в глазах. А лес весь наполнен звуками. Где-то приглушенно воркует, как во сне, нежный голубок — сизая горлица. Эта необыкновенно трогательная грустная песенка отлично гармонирует с тишиной душного леса. Словно стонет, изнемогает от зноя, умоляет солнце о пощаде страдалец-голубок.

Своеобразно тихое воркованье лесного петушка.

В мелодию леса вплетаются развеселые попевки зябликов и звучное, радостное «фиу-лиу» иволги.

Нерушимы зеленые покои июньского леса. Осенью на охоте видишь паническое бегство зайцев и лисиц от гончих собак. А теперь любопытно поглядеть на мирную жизнь непуганых зверей. Еще несмышленый молодой зайчик без опаски выбежал на пыльную дорогу и сел на колее.

У родимой норы на лужайке игриво кувыркаются лисята. Присматривает за потомством хитрая мамаша в облезлой шубке. Куда девалась зимняя пышность!

Зной, мухи одолевают кумушку. Дремлет, прищурила глазки, косится на лисят. Не нравится, видно, беспечность глупышей. Забыли звереныши о предосторожности, а лес полон опасности. Но чутки острые ушки матери к подозрительным лесным шорохам. Лиха беда — волк подкрадется и застанет врасплох семейную идиллию.

Потешны детские игры пушистых лисят. Не успели еще озвереть, а зубы скалят, огрызаются, норовят вцепиться. Звериная повадка с рождения. Хищные натуры! Но детство свое берет. Хочется поиграть, порезвиться. Облапили друг друга, повалились и ну кататься по траве. Вылитые собачки!

...Часами без взмаха распластанных крыльев парит под облаками ястреб: лисят, зайцев высматривает, на грачиную стаю нацеливается. На удивление легко держится пернатый хищник в выси.

В непроглядно густой чаще улавливается таинственный шопот, словно вкрадчивым шелестом деревья пересказывают нескончаемую сказку лета. Над самым ухом звенят мухи, бронзовыми пулями носятся в воздухе шмели.

Под аккомпанемент кузнечиков переливаются выразительные трели птиц. Но пышная зелень приглушает звуки. Так нежится все покоряющее очарование лесной тишины. А извилистая глухая тропинка уводит все дальше и дальше в глубь леса.

Утро в саду

Раннее утро. Радужно свечение зари. Горит пожар светоносных облаков. Солнца нет, а день уже бел. Крепок лишь сон цветов. Но блеснет солнце, и раскрываются длинные ресницы одуванчиков. Весь день раскрытые чашечки поворачиваются, обводят сияющий горизонт.

Не узнать знакомой лужайки! Днем — золотая, а на заре — вся матовая. Набухли росой травы. Дрожат белоснежные лепестки вишни. Вспыхивают белорозовые сполохи яблонь. Волнуется, кипит тайфун лепестков.

Июнь — венец весны. Радостная серия погожих дней и медового воздуха. Нарядны и прекрасны сияющие поля, сады, огороды, пчельники, луга и леса. В разгаре весна цветов.

Не спится в эту пору садоводам, огородникам и пчеловодам. Рано выходят они в сады.

Тихо. И вдруг вспыхнула, загорелась цветущая крона яблони. Первый огненный блик солнца. Старый сад помолодел, заулыбался, тряхнул кудрями.

Солнце выше — и душистее запахи цветов.

Вот словно нежный звук струны зазвенел и растаял в воздухе. Это пчелка вылетает из своего домика. За ней — другая, третья... Пригоршнями выбрасывают ульи неутомимых тружеников. А в расцвеченных лугах уже накрыта для них скатерть-самобранка. Зацвел красноватыми колокольчиками гравилат, распустился клевер, луговой василек — красный, голубеет миниатюрная вероника-дубровка, золотится свербида рядом с желтыми лютиками. И чем больше пчелы собирают нектара, тем лучше опыляют цветы, обогащают сады и медоносные травы.

Сияет солнечное утро. Торжественно звучат соловьиные трели на новоселье молодых садов Подмосковья.

Три фазы весны знает подмосковная природа. От грачей до ледохода — весна света. От вскрытия рек и до цветения черемухи — весна воды. А когда цветет сирень, наступает последняя, третья фаза — весна цветов.

А вот если дубы распустятся полным листом, это уже лето.

На пасеке

Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой

А. Пушкин.

Кудрявая листва с зелеными яблочками свешивается над крышами пчелиных домиков. Целый квартал светлых рамочных ульев.

Пчельник утопает в зелени и цветах. Воздух пахнет медом.

Стройными рядами стоят эти особнячки в укромной запуши яблонь и лип. Наливаются зеленушки на кустах смородины, крыжовника, малины. Но больше всего здесь лазурной голубизны сеяных цветов-медоносов: синего бурачника, голубого синика, лиловой фацелии. А высокие фуксиновые метелки иван-чая переросли тын.

...Раннее утро. Заря отгорела. На пасеке тишь и покой. Сонно жмурятся свернувшиеся в зеленые бутоны одуванчики, поникли лиловые колокольчики. По сильной росе пчелы не летают, но бодрствуют у летка. Сторожевые пчелы, словно часовые на посту, дежурят на крыльце улья.

Соблазнительный медовый дух привлек непрошенного гостя. Назойливая муха осмелилась-таки присесть на дощечку. И сразу две отважные пчелы, негодующе жужжа, подняли жальца кверху, угрожающе ринулись бегом по летку... Муха слетела на крышку. «Атака» отбита. Пчелки застыли в обороне.

У другого улья тоже тревога. Беспокойно бегают по летку пчелки, нападают на кого-то, силятся ужалить. Но противник неуязвим, ускользает из-под ног. Муравей! С ним ничего не поделаешь. Вор в броне.

Прошли минуты. И вот на макушке соседней липы вдруг ярко воспламенились густые ветви.

Первый луч солнца блеснул из-за леса, скользнул по верхушкам деревьев, нашел застенчиво спрятавшиеся в листве овальные шарики наливных зеленых яблочек. Лучистая дрожь света весело пробежала по саду. Алмазами заискрилась роса на траве.

И первая пчела зазвенела в теплом воздухе тихого утра. За ней стремительно метнулась другая, третья...

Пчелы делают приветственные круги над пасекой, выбирают направление и выпрямляют полет. В поля, в леса, в луга — туда, где ждут их наполненные нектаром чашечки цветов-медоносов.

Воздух утра полон сияния и ароматов. От пасеки в лесу протягиваются бесчисленные летучие золотые провода. Весь день роями гудят пчелы, летая за взятком.

На летки опускаются пчелки с желтой цветочной пыльцой, с «калошкой», «обножкой». В улье это уже хлебец для деток и взрослых пчел.

Стеклянно-синяя стрекоза присела на улей. Но крылатые привратницы не набрасываются на легкомысленную летунью, как на муравья или муху. До чего же равнодушны пчелы к этой беззаботной попрыгунье! Знают они — безвредна синяя балерина, и не хотят связываться с бездельницей. Время дорого.

Все выше и выше поднимается солнце над лесом, пробивает и рассекает громоздкие кучи облаков. Лучистые сигналы приняты, оживились ульи, зароился в воздухе трудовой пчелиный народ. Словно бесконечные клубки воздушной пряжи наматываются, мелькают, реют и кружатся пчелы.

Толчея пчел кажется бестолковой только на первый взгляд. На самом деле пчелы усердно трудятся, всяк посвоему, и не мешают друг другу.

Освободившись от ноши, пчелки легко взлетают, а нагруженные цветочным нектаром тяжело «приземляются» и торопливо бегут, бегут по летку.

В улье не работают только трутни. Они вылетают лишь порезвиться в душистом воздухе.

Пчеловод поднимает футляр контрольного улья. Сквозь стекло видны облепленные пчелами филигранные кассеты сот. Все шестиугольные клеточки одинаковы Бесподобно тонкая работа ювелиров воска!

Большая, длинная пчела ползает, окунается в ячейки сот, кладет яички. Это «царица»-матка. Вот она заглянула в лунку и быстро ползет дальше, — там, наверное, уже лежит яичко или нечисто убрано.

Пчелы-сборщицы сдают нектар, а приемщицы складывают его в ячейки. А вот пчелы сидят на сотах и крыльями вентилируют, продувают ячейки. Отстоится водянистый цветочный сок, и получится густой душистый мед.

Торжественно звучит музыка пчелиного труда. Воздух наполняет утихомиренное жужжание миллионов рабочих пчел.

Мудрым хозяйством руководят колхозные пасечники. От выставленных с весны старых ульёв отводятся искусственные рои по 30—40 тысяч пчел. Ульи порой отправляются для медосбора на сечи-вырубки.

Главный взяток — когда цветет мелколистая лесная липа и большие фуксиновые соцветия иван-чая. В хорошую, ясную погоду семья пчел за день собирает до пятишести килограммов меда. Поистине сказка наяву — медовые ручьи текут с лугов на колхозные пасеки.

Синий цвет — самый любимый пчелами. Впрочем, они

охотно собирают нектар с гвоздики, смолевки и других красных цветов.

Жаром горят цветущие подсолнухи, поворачивая за солнцем свои огненные диски.

Самая медовая пора — до Ильина дня. Но один-единственный самый поздний медонос — вереск — цветет до порош. В ясном сентябре, когда нет луговых цветов, пчелы собирают темный и терпкий на вкус вересковый мед. С лилово-розовыми цветами вереск так и уходит под снег.

Четко очерченный шар красного солнца садится за лес. Косые лучи медью пятнают ульи. Длинные вечерние тени уходят в глубину сада. Недвижный покой влажно-росистого теплого воздуха. К вечеру сильнее пахнет медом на тихой пасеке.

Не терпится пчеловоду, тянет его зайти сюда в сумерки, когда не роятся пчелы и нет ему уже особой надобности быть тут. И случайно он становится свидетелем забавного происшествия. Оказывается, недаром зашел проведать своих любимцев.

...Колючий столбик вырос рядом с ульем. Что это? Ощетинившийся ежик, стоя на задних лапках, острой мордочкой фукает в леток. Не любят пчелы ветра, а дух ежика и подавно. Пулями вылетают геройские защитники из летка и отважно набрасываются на врага. Хитрый ежик прячет мордочку, отряхивается. Пчелки падают на траву. Оросевшие крылышки не поднимают их в воздух.

Язычком еж ловит ползающих насекомых и ими лакомится. А то вдруг, свернувшись в клубок, начнет кататься по траве. Это он накалывает пчел на иглы, чтобы унести в свое гнездо.

Заслышав шаги, ежик моментально свертывается в клубок. Пасечник кладет его в картуз и в наказание помещает под арест в хлебный амбар. Пусть половит мышей. А утром колхозные ребята устроят ему суд. Они,

конечно, вынесут милостивый приговор: «виноват, но заслуживает снисхождения».

Вечер тих и спокоен. Пчелы высыпали из улья и окаймили леток. Эти сидят смирно, даже не жужжат.

«Сильный улей! — замечает пчеловод. — Наверное, завтра зароится. Караулить надо, недаром он сегодня кучно облетывался, подыгрывал в жаркий полдень».

В июль катилось лето

В сто сорок солнц закат пылал,
В июль катилось лето...

В. Маяковский.

Северная весна завершается триумфом цветов. Июнь — румянец года. Несравненна в эту пору красота цветущей земли.

В алмазной росе летнего утра купаются розовые клевера, красный луговой василек, лилово-розовые диски короставников, красноватые колокольчики гравилата, нежнорозовая «девичья краса» — пышная гвоздичка, тимьян чобрик.

Загляденье теперь, как роскошны открытые вырубки. Их словно наводняет лилово-красное озеро. Это любимый пчелами красноколосый иван-чай. Он цветет от двух до трех месяцев. Дает прозрачный, слегка зеленоватый и пряный на вкус мед.

Вся Печорская железная дорога по откосам словно устлана шпалерами иван-чая. Его глубокие корни хорошо укрепляют берега, насыпи, полевые канавы, овраги. Сажают иван-чай для озеленения колхозных пасек.

Узколистый иван-чай, он же кипрей, лесная конопля с фуксиновым цветом — полезное растение. Из стебля получается волокно, из листьев — салат и чай. Съедобен и его корень. В старину купцы продавали листья кипрея за

русский «капорский чай». Повелось это в окрестностях древней крепости Копорье. И самый месяц июнь на Балканах назывался по-славянски «иванчак».

Ясны и сухи дни. Росисты и теплы ночи. Сирень уже отцвела, не пахнет. Конец весне фенологов.

А по биологическому календарю с 21 мая по 21 июня — последняя треть весны, месяц песен и плясок.

На деревьях, на воде, в воздухе — всюду поют и пляшут по зорям пернатые весельчаки. На болоте — птичий балет. Потешно приседая и хлопая крыльями, танцуют журавли. По всему Московскому морю раздаются крики выпи.

Днем разгораются бои гривастых турухтанов.

В березах заливается иволга. В серебряной росе вечерних лугов надрывно скрипит коростель-дергач. Восторженно, полным голосом поют соловьи.

...Кругом все пышно цветет и зеленеет.

Перволетняя поэзия лирической переклички громового неба с соловьями. Особенно вольготно дышится свежим воздухом после грозы. Звонче пышный лес. Громче заливаются на разные голоса горихвостки, малиновки, дрозды, славки, зяблики, чечевички. Мелодии июня!

Палит жаркий полдень. В зное дремлют густолистые липы. Над колосистыми разливами ржанищ звенят жаворонки. Рожь отцветает, и наливается колос.

...Яркая зелень хвойного бора врезается в лучистую синь ясного неба. Светолюбивая сосна гордо тянется к солнцу. Горяч звонкий воздух.

Пчелка присела на причудливый красно-лиловый цветок, поползла, окунулась в пыльцу и разочарованно отвернула голову. Нектара нет, обман! Этот красивый пустоцвет в ботанике носит поэтическое название «кукушкины слезки». Легенда говорит, будто птица-бездомница о своих детках плачет, роняет по лесу горькие слезы, и на месте их растут красно-лиловые цветы.

...Завечерело. Где-то там, далеко, за вершины деревьев, закатилось гаснущее солнце. А лучи еще горят на луковых стволах сосен. Еще краше темный бор, позолоченная сосновая колоннада.

У дороги в траве запыхтел ежик. «Не подходи, уколю!» — пугает он, а сам, чудак, свернулся клубком.

Прошуршал барсук. Вышел на ловлю июньских жуков-листогрызов.

Сгущается розовый сумрак заката, и сильнее пахнут белые фиалки. Днем будто света стыдятся, цветут и не благоухают. А ночью лес полон аромата этих орхидей.

В прибрежных чащах, на влажной почве лесных оврагов, среди кустистого бурьяна вдруг блеснет белое созвездие цветов. Подумаешь — какая-то необыкновенно крупная земляника, а это просто ежевика. Цвет земляники — пятилучистая звезда, а ягода — как черная малина. Богаты ежевикой северные области и наше Подмосковье. Это таежный сад цветов и ягод.

Лес манит по ягоды и по грибы.

Тропы туристов

Солнце пылкого июня печет и сушит траву на покосах. А роса лелеет и нежит цветы. Веет душистая нега зацветающих лип, белых фиалок, гвоздики, шиповника.

Пышно зеленеют леса. Любители природы по выходным дням навещают живописные места Подмосковья.

...Бородино — памятник русской воинской славы; Дубосеково, Петрищево — места незабываемых подвигов советских людей в Великой Отечественной войне. Интересно пройти «в тени хранительной дубравы» по этим ме-

стам, еще и еще раз вспомнить героическое прошлое великого русского народа.

...Захарово. Здесь провел свои детские годы Пушкин; Мураново напоминает о Баратынском и Тютчеве; с Абрамцевым связаны имена Аксакова, Гоголя, Тургенева, Репина, Поленова, Васнецова; в старинную усадьбу в Фирсановке (ныне санаторий «Мцыри») студентом приезжал Лермонтов; в Васильевском часто бывал Герцен; Звенигород, Мелихово, Истра видели Чехова и Левитана; в Ясной Поляне жил и творил Лев Толстой.

...Чудесны Московское море и водные просторы канала имени Москвы, лесная долина реки Рожей с усадьбой Пржевальского. Это теперь маршруты туристов и экскурсантов.

А разве только по памятным местам хороши загородные поездки! «...Радужные грезы тебя несут под тень березы, к ручьям земли твоей родной...»

Несравненно прекрасен уголок около устья извилистой лесной речки Пажи при впадении ее в Ворю. Пешеходный маршрут проходит по лесному берегу в пяти километрах от платформы «57-й километр», Северной железной дороги. По пути вал крепости Радонеж.

На машине можно свернуть с Ярославского шоссе за деревней Голынино и очутиться в замечательно красивом междуречье.

Речка Пажа причудливо извивается в лесистых берегах. Над зеркальной гладью свисают шатры зеленых вершин. Через реку перекинуты бревенчатые клади. По ним переход в тенистый лес, где можно собирать грибы, землянику и малину. По берегу вьется тропинка.

В лесу стоит одинокая мельница, совсем как в опере Даргомыжского «Русалка». По берегам зеленеют плакучие ивы. Спокоен тихий пруд. Шумит водопад.

...Река Воря течет по лесу. Через мельничные лавы крутой подъем в старый грибной лес. Великолепный вид

на долину двух рек открывается с лесной кручи. А дальше — просторные поляны и березняк. По оврагам — осины и хвойники.

На сухом бугре, среди вековых сосен — лужайки, где пестреют яхонтовая дятлина, ромашки, лиловые колокольчики, розовые цветы сон-дремы, красные смолевки. В тени белеют шапки таволги. У воды — неизменные незабудки.

По опушкам разливается малиновое озеро фуксиновых цветов, колосятся высокие метелки кипрея. Так и просится чудесный пейзаж на полотно художника!

Под выходной день автобус и крытый грузовик, полные сборщиками грибов, выехали из Москвы и покатили по Рязанскому шоссе. В лунном свете растворились наплывы седого тумана. Облаками курился белый пар по широким поймам Пехорки и Москвы-реки. Слева начинаются низинные долины охотничьих просторов. Знаменитые покосные угодья бронницких и раменских лугов.

На полпути выросли высокие арки, хорошо знакомые москвичам. Это старый Крымский мост, десятками лет стоявший у нынешнего Центрального парка культуры и отдыха. Он перенесен на шоссе, возле деревни Чулково.

Под его дугами машины промчались ночью, остановились у дощечки с пометкой «55». Водители осмотрели покатый съезд вправо. Ах, эти проселки! Как они укрощают лихаческий пыл московских шоферов, избалованных гладким асфальтом. Первым пошел грузовик. Он накренялся и подпрыгивал на промоинах. Толчки и встряски повеселили пассажиров.

Ярким светом встретило Дьяково. А дальше дорога на Хлыново — грибной маршрут.

У опушки леса, как из-под земли, выскочили на дорогу два зайчика и начали метаться в свете фар из стороны в сторону. Потемки трусишкам кажутся стеной, и они не решаются выскочить из светлого пространства.

Только когда машина свернула, они быстро освоились в темноте и прыгнули в кусты.

В узкой просеке машины остановились под осинами, и москвичи вышли на поляну. Кругом росистый луг. Приятен аромат душистых трав. Решено было провести день отдыха в Бронницких лесах. Развели костер, сели и долго слушали беседу о достопримечательных местах Бронницкого района, связанных с именами Рылеева, Пущина, Суворова, Белинского, Фонвизина.

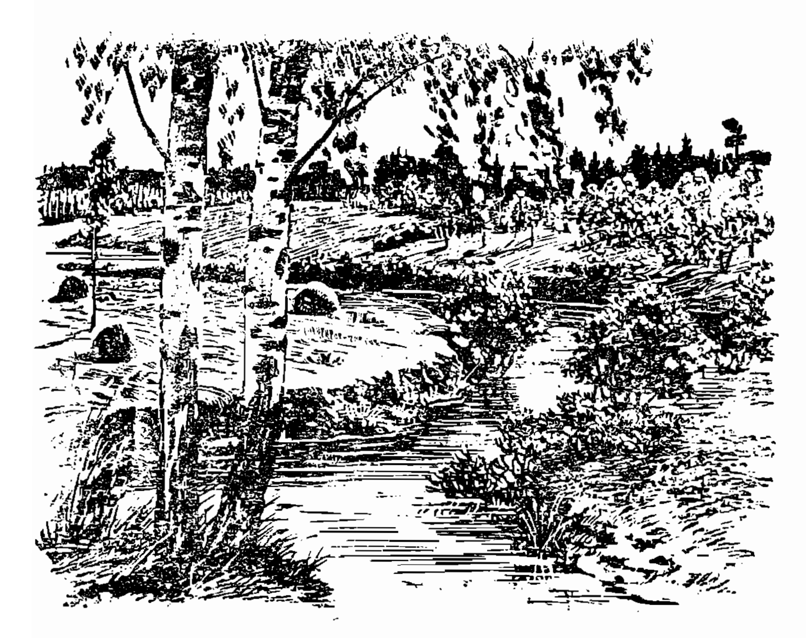
На рассвете отдыхающие, захватив с собой корзины, разошлись по лесу. В нем было много орехов, брусники и черники.

...Взошло солнце. Загорелись «золотые розги».

В зеленом лесу. Особенно прелестны солнечные полянки в мозаике цветов иван-чая. У дорог стоят высокие «петровы батоги» с васильковыми пуговицами. Это голубой цикорий, по-народному — «сестра солнца».

Погуляв в лесу, собрав немало грибов, ягод, москвичи весело собирались в обратный путь. Хорошо прошел выходной день. Будет чем вспомнить Бронницкие леса!..

ИЮЛЬ

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.

Ф. Тютчев.

Ненастье — редкое явление этой чудесной летней поры. Погромыхает на ясной лазури неба синеватое облачко, и вдруг прольется сквозь солнце крупный дождь. Пузырями покроются лужи. Это — к грибам. Алмазами засверкают капли на листьях и тут же сразу просохнут. Вот последние облачка поодиночке сползают за горизонт. И опять необъятно широка и глубока кобальтовая синева величественного небосвода. Только еще ярче блеск листвы и жарче медовый воздух в липах. Раскален-

ный шар солнца, играя лучами, ярко пламенеет и горячо печет.

Убавляются, но становятся все жарче и знойнее дни. Июльское солнце на вершине своего престола. Красные деньки. В полдень нельзя наступить босой ногой на горячий песок. Ласточки вьются над самой водой. Зяблики молчат. Одна горлинка — певица полудня — стонет на ветле. На улице ни души. Даже куры, опустив крылья и раскрыв клювы, забиваются в тень подворотни. А собакам лень лаять на прохожих. Они забрались в свои конуры и, высунув языки, часто дышат.

Июль—макушка лета. «Солнце поворачивает на зиму, а лето — на жары». Трепещет и дрожит жаркий воздух. Неподвижны в тени густые заросли трав и кустов. В золотистом мареве зеленый мираж июльского пейзажа.

Лесные травы — по пояс. Синеют изящные колокольчики, белеют нивяники-поповники, цветет золотистый зверобой, лиловеют шлемы пятнистого ятрыжника. Не видно ландыша, но есть ему заместительница: с кожистыми блестящими листьями белым-бела распустившаяся грушанка. Только яблочный запах ее погрубее ландышевого. Некошеные поляны зыблются цветами и непомятой муравой.

Под развесистыми кудрями белотелых берез из нежно-зеленых кустиков сочной травы застенчиво выглядывают шляпки черных грибов. А где побольше хвойной тени — желтеют лисички. В гористых березняках по мелкотравью попадаются разноцветные сыроежки.

В каждой бусинке росы смеется солнце. Зальется и смолкает птичка. Краше всех деревьев цветет и благоухает липа. Тенистые липняки будто обрызганы пенками. Весь лес хорош, но мимо липы пройти невозможно. Останавливает сильный аромат. Упиваются нектаром тружени-

Тихий вечер.

В жаркий полдень.

Кузнечик на ромашке.

цы-пчелы. Весь день слышно их жужжащее гуденье. Начался главный взяток меда. Благовонная стихия медовой поры. Недаром в старину и месяц июль, и мед с лип носили одно чисто русское название: «липец».

Отцветают колосистые хлеба. Расходятся вширь изумрудные волны ржи. По ветру клонятся усатые колосья. Волнуется зеленое море озимых полей. Высок и густ травостой, зеленеют даже суходолы и косогоры. «Красное лето, зеленый покос».

С утра до вечера однообразно и монотонно стрекотанье сверчков и кузнечиков. Кто-то неутомимо и рьяно будто точит серебряную проволоку. Как это идет к задумчивой тишине леса, к просторам полей и скошенных лугов, к запаху душистого сена. Никуда не уйдешь от этой умиротворяющей музыки.

Длинны и ярки июльские зори. Заходящее солнце беглыми лучами озаряет облака, красит их в нетленные полутона всех цветов радуги. Ярусами плывут они, как горные цепи с позолоченными пиками. По-своему неповторим каждый заход и восход.

Хороши в июле ивановские ночи, опоэтизированные древними легендами, сказами о кладоискателях. Пышная июльская природа толкала наших предков к романтическим исканиям мнимого цветка папоротника.

Ночь под Ивана Купала (с 6 на 7 июля), по приметам русского народа, исстари считалась важным рубежом летней поры. Начало сенокоса и сбора лекарственных трав. Первые купанья. Самая теплая вода в реках.

А «коли на Казанскую (21 июля) черника поспевает, то поспела и рожь». В июле праздник первого снопа. По обычаю несли с поля украшенный васильками и лентами сноп-именинник и пели веселые зажнивные песни.

В березовой роще

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней какою негой веет
От каждой ветви и листа!

Ф. Тютчев.

Лето. В лесу не сыщешь прохладного местечка. Всюду пышет горячий воздух.

Лучи солнца зеленым костром зажгли резную листву, разбудили задремавшие в тени синие колокольчики.

Светлый, чистый березняк... Он весь в ярком свете сияющего дня. Задумчива тишина таинственного леса. Солнце будто рассыпалось на мелкие блестящие осколки и разбросало их по траве и душистым копнам свежего сена.

Утомлен солнцем красавец-лес. Не шелохнутся ветви. Березовая роща! Точь-в-точь как на незабываемой картине русского художника Куинджи. Солнечная поляна, мягкие тени, серебряные стволы деревьев, зеленые облака, извилистый ручей. Простор и покой кругом. Хорошо в лесу. Далеко проглядывается редколесье. Белоствольные красавицы березоньки то разбегаются, то собираются вдруг в тесный зеленый хоровод. А одинокие березы, точно верстовые столбы, редко стоят на полянке, показывая дорогу в самые грибные места.

Сборщики не знают усталости в лесу. А грибы будто играют с ними в прятки. Нет и нет. И вдруг — вот они, на виду. Темнокоричневые кругляки, бронзовые шляпки на коренастых белых пеньках застенчиво притулились в седом белоусе. Не спешит, сдерживает азарт сборщик, зорко всматривается. Белые растут семьями. Замедляются шаги. Тишина задумчивого леса располагает грибников к сосредоточенному вниманию и наблюдательности.

Лесною тропою приятно углубиться в завороженную солнцем березовую рощу.

Лепестками то там, то тут мелькают бабочки. Непрестанно слышишь сухой треск кузнечиков.

Не умолкает журчанье говорливого ручейка. Где-то близко лесной овражек. И еще с кручи заметишь, как искрится, сверкает студеная вода в лазурной рамке незабудок.

Приятно припасть к прозрачному, прохладному ручью, напиться и освежить лицо.

В лугах

Ласковое лето! Жара и дожди. Поспели травы на цветущих лугах.

И вот зазвенели косы. Затрещали сенокосилки в широких лугах. Отцвела, наливает колос рожь, косцов торопит! Солнце во всю мочь сушит скошенную траву. Светлое время! Июльские дни тихи, ясны, сухи, жарки и душисты.

Легка косьба по росе. В холодок вольготней и лошадям: меньше надоедливых оводов и мух. Ночи выручают рачительных колхозников. Чем раньше покос, тем душистее и питательнее сено. Пораньше скосишь — время для второго укоса выиграешь.

Серебрится роса на траве. Луг туманится. Не меркнет синь бездонно-глубокого неба.

Не спится старичку-колхознику. Охота еще раз осмотреть новые косилки. Помахал он в молодости косой. Как не задуматься деду!

А лягушки в заросшем пруду захлебываются от восторга: «Как-кова! Тра-ва-то какова, трава какова!» И сонные перепела из дальних ржанищ нашептывают на

ухо косцам: «Косить пора! Косить пора!» Всю ночь напролет хрипловато-скрипучим голосом надрывается, твердит дергач-коростель: «Хо-рош! Хо-рош!» Стена-стеной набухший росой сочный луг.

...Рассветает. Бледнеет синий жемчуг лазури. Звезды тускнеют и тают в синем небе. Нежно румянеет заря. Ярче зеленеет трава и листва.

За деревенскую околицу спозаранку вышли косари, выехали механизаторы. «Пыль слеглась, остыл песок горячий...» Дорога извивается по крутояру. Над головами свешиваются густолистые ветви ольхи, черемухи и липы. Невзначай толкнешь косьем ветвь, и она обдает брызгами освежающей росы. Свернулись колокольчики, смолевки, одуванчики — ночной сон цветов до солнца.

Дорога, как из грота, вывела на сияющий простор. Живописный вид открылся на зеленую долину. Какой восторг! Лесистый обрыв. В неподвижной глади реки отражается голубое небо. Неоглядна ширь заливных лугов. Раскинулись травянистые поймы. Утиные места! Извивается серебристая лента реки. Отлогие берега тонут в мглистой дымке.

В седых волнах тумана утопают до верхушек ветлы и ольхи. И как бы колышется все необъятное раздолье лугов. Всплакнул и умолк одинокий стон чибиса-луговика. И вот знакомые звуки народились в тишине... Голос луга! Певучи косы!

Ритмична звенящая музыка кос. Лязганье бруска. Тонкое пение гибкого металла. Как все это гулко разносится по реке, будит молчание тихой долины!

Необозримо широк луг. Обкашиваются бугры, канавы, проезды для машин. Диагоналями расходятся скошенные ряды. Блестят косы.

А вот и машины. До чего же быстра работа с тракторами! Старикам сказкой кажется. Одна машина за всю деревню косит!

Валом ложатся подкошенные травы за косцами и ровно стелются за сенокосилками. Конные косилки и широкозахватные прицепы тракторов гигантскими стрекозами, треща, карабкаются, расползаются по зеленому лугу. На краю прокоса стеной стоят, ожидая своей очереди, ромашки, колокольчики, клевера.

А вот и барометр сенокосной поры — погремок-звонец. Словно напоказ выставил он свои желтые цветы, похожие на петушиные гребешки. Смотри, мол, время летит, трава не ждет. Она в соку и вся в цветах. Пора косить! Проворонишь! Будет поздно, когда со звоном загремит под ногой мой высохший стебель с семенами-звоночками. Скажу: запоздали, переспел луг.

...Брызнули из-за леса первые лучи солнца. Вспыхнул, зардел дальний косогор. Как бы дрожь пробежала по зеленому лугу. В сиянии зарумянилась цветисто вышитая парча травостоя. Словно полымем зажглись золотисто-розовые дали нескошенных трав. «Все нежит ухо, все тешит взор».

А вдоль дороги трусцой бежит лошадка с походной кухней. Как не перекликнуться ей издали со своими знакомцами по табуну? Коняжка заржала и по спуску затрусила к лугу.

Ни облачка. Ни ветерка... Закурился над лугом сухой туман. Дымками летит благоухающая цветочная пыльца. Над верхушками трав расплывается золотисто-лиловое облако душистой пыли. Так таинственно и молчаливо осеменяются в раннее утро луговые злаки. Незаметно для глаз, скромно цветут овсяницы, кашки-трясунки, полевицы, безостый костер, лисохвост, тимофеевка.

В этом разнотравье есть еще одна примечательная травка. В миниатюре — ржаной колосок. На корню она не душиста. Но кто знает, тот соберет снопик, провялит на солнце и спрячет. А зимой внесет в комнату и положит в бельевой шкаф. Как это удивит домашних! Отку-

да такой запах свежего сена? Надолго сохраняется чудесный аромат этой травки. Только одним этим душистым колоском благоухают все луга в сенокос.

Травка-ржица не растет на сырых, влажных местах. Она колосится только по суходолам. Про нее есть загадка: «Живет — не старится, умрет — прославится».

В лиловатой дымке метельчатых трав красуются вперемежку голубые колокольчики, белые ромашки, златоцветы нивяники, пурпуровые и красно-фиолетовые журавельники, синие мышиные горошки, багровые клевера, красные и розовые гвоздички.

Из лилово-голубого колокольчика выпорхнул ничем не отличимый от цветка мотылек. За ним — другой, третий. Сколько их распорхалось на лугу! Игрив воздушный танец бабочек! Лениво кружится в ясно-покойном воздухе тихого утра лебяжий пух отцветшего одуванчика.

А над головой — чистое сияние лазурного неба, ласковая теплынь ранних лучей. И вот разгорается утро. Выше поднимается раскаленное солнце. Скошенное сено дышит пряным ароматом. В задумчивой тишине неутомимо неистовое стрекотанье кузнечиков. День-деньской в ушах монотонное пиликанье. Все пронизывает пламень солнца, запах душистого сена и мелодия кузнечиков.

Обширные луга покрываются опрятно подстриженными газонами. Встают стога. Нетронут луговой чай, стелются ползучие стебельки с парными листиками и пятиконечными желтыми звездочками. Уцелели ползучий клевер, ястребинки, синий черноголов, анютины глазки.

...Жарко! Сошла роса. Высох луг. Скользит, не режет обсохшую траву звонкая коса. Время отдыхать. Косари и трактористы направляются к полевому стану. Заманчив холодок тенистых ольх и лип. Дымятся походные кухни. Оживляется колхозный стан. Бригадиры делятся мнениями о работе звеньев, отмечают успехи.

...Свисают зеленые ветви плакучих ив, клонятся над

стеклянным покоем ласковой реки. Приятна освежающая тень густых деревьев в жаркий полдень. По чистому песочку дремотно струится и соблазнительно сверкает речка. Весело и шумно на воде. Освежает и бодрит ласковая волна, бронзовеют тела купальщиков. Смех, плеск, брызги... Барашками вскипает зыбь на реке, и по воде разносятся жизнерадостные возгласы: «Делу время, потехе час!»

Все девушки — в золотисто-белых венках. С песнями выходят со стана растрясать ряды. Приятно ворошить пахучее сено!

Захватишь граблями свежее сено, и пахнет тебе в разгоряченное лицо душистым теплом.

До Петрова дня трава и под кустом сохнет, а в августе и на кусте не провянет. Самая сенокосная пора. Один раз перетрясешь — глядь, уж и готово душистое луговое сенцо «первой косы».

Безоблачное небо сияет удивительно знойно и долго. На широких раздольях заливных лугов Москвы-реки, Протвы, Оки, Клязьмы, Нары наметаны высокие стога.

Покосная пора чарует ясными днями, пылающим солнцем, ароматом ярких цветов, благоухающим сеном, беспыльным воздухом, ягодами и грибами. Прекрасно щедрое русское лето!

Сердце лета

Солнечный день. Цветут лесные поляны. Всюду аромат лип и земляники, у дорог благоухает донник. Пчела пролетела и стихла в ромашковом поле. «Не пылит дорога, не дрожат листы...»

Умолкли соловьи и кукушки. Грачи и скворцы уже с выводками на отаве.

Каждому в эту пору приходилось видеть, как над ши-

роким полем ржи или пшеницы вертится на одном месте живой флюгерок. Стоит в воздухе, трепещет крылышками рыже-бурая с черными пятнышками птица, словно подвешенная на невидимой нитке. Это соколок-пустельга караулит мышь. Увидит грызуна, сложит по-соколиному крылья и камнем падает в рожь. Схватит полевку — считай, что восемьсот граммов зерна положила птица в колхозные закрома. И опять поднимается, стоит и трепещет над рожью. Уважьте эту неоценимую птичку — поставьте шест на пашне, облегчите ее труд. Она присядет и будет высматривать грызунов.

Большую заботу проявляют о таких птицах ребята в некоторых подмосковных колхозах. Они ставят в полях шесты с перекладинами. Днем на них садятся ястребки, соколки, канюки, белые полевые луни и даже чайки. А ночью — совы. Все эти птицы уничтожают мышей. Сколько они истребят их за лето! А ведь каждая мышь съедает в год до трех килограммов отборного зерна. Опыт расстановки «присад» нужно распространить во всех колхозах.

И быстролетные ласточки неутомимо реют над полем, словно с поцелуями льнут к дремотно качающимся усатым граненым колосьям. До тысячи километров налетают они за день, ловя насекомых.

Ярка еще сочная листва, не потускнела весенняя обнова густолиственных деревьев. Улыбается солнцу ясная поляна белоснежных цветов, сияет белое пламя ромашек.

В венках из ромашек пионеры разбрелись по лесу, собирают в берестовые кузовки спелую землянику и черно-сизую чернику.

А кругом — жужжание пчел, стрекот кузнечиков, сладкий аромат земляники и горячего меда-липеца. Хрустально чиста ясность знойного воздуха, свежи краски душистого ковра цветов и нежно сияние ласковой лазури.

На водной глади

День ясен... Свод небес и дышит, и сияет.
Зной отуманил даль... У топких берегов
Дремотная струя в истоме колыхает
Широкие листы зеленых плаунов.

С. Надсон.

Светлые кучевые облака выплывают из-за леса и светятся, словно снежные пики горных цепей.

Нежна и чиста зелень нависших над рекой плакучих ив. Чутко дремлет в тихоструйной воде тростник, и видно, как среди водяных трав, словно в дремучем лесу, гуляют мальки. Игриво резвятся верховодки, уклейки, плотвички, желтоглазки-красноперки. Серебром сверкают белые чешуйки бойких рыбок. Плавно извиваются по течению зеленые косицы тины-водоцвели. Пухлыми губками плавают на дне наросты «лягушиного шелка». А вода теплая, как парное молоко. Такой она обычно бывает в приметный день 6 июля — Аграфены-Купальницы.

В эту пору удильщики и купальщики не расстаются с рекой. Так хочется еще и еще раз нырнуть в самую глубину и освежить утомленное зноем тело. В затоне, словно золоченые грецкие орехи, пылают огни желтых кубышек — водяных лилий. А рядом с ними на синеющей глади, не шелохнувшись, покоятся изящные фарфоровые чашечки белых кувшинок. В каждой неугасимо горит огонек желтого сердечка.

Солнцелюбивая водяная лилия — часы туристов. В семь часов утра раскрываются навстречу утренним лучам белые цветы кувшинок и весь день, как говорят, ходят за солнцем. Глядят на него и никак не наглядятся. И только под вечер закрывается и тонет зеленый бутон.

Любо наблюдать на воде июльский карнавал цветов. Вот лодка скользнула по затону и остановилась в стеблистых травах. На лице гребца — радостная улыбка.

Под вечер в седых волнах тумана причудливо колышутся нарядные лилии, и тогда на зеркале тихой воды кажется, будто танцуют сказочные русалки. А белые кувшинки как бы уходят на сон под воду.

Белые кувшинки с золотыми язычками и желтые кубышки — нимфеи — это северные родственники великолепной тропической гигантской кувшинки — виктории-регии и мифологического цветка древнего Египта и Индии — лотоса. На Каспии у нас цветет свой лотос — редкая розовая с белым оттенком кувшинка, а на Дальнем Востоке — голубой, как и на Ниле в Египте.

Лилии растут на глубине до трех метров. На широкие листья, потешно карабкаясь, взбираются пушистые утята. На листьях лилий отдыхают на пролете и дупеля.

Увлекательно плыть на лодке по Московскому морю. Конца нет цветам белых кувшинок и желтых кубышек. Белеют мутовки стрелолиста, корзинки сусака. Над водой елочными свечками горят маленькие розовые колоски земноводной гречихи.

Высокие деревья, прибрежные кусты и травы пышно свешиваются над водой, роняя причудливые тени.

Рыболовов чаруют темные омуты и травянистые заводи, тихие затоны и каменистые перекаты быстротечных бродов. А купальщиков привлекают золотые, раскаленные солнцем пески чистых пляжей.

С широких просторов ветерок доносит аромат душистого сухого сена. Суходольные луга и лесные поляны после покоса, как подстриженные газоны, зеленеют шелковистой отавой. Отцветают косогоры. А прибрежные заросли еще буйно ботвятся пышной зеленью.

Великолепна сочнозеленая чаща дремучих тростников. Очаровательна пора купанья и уженья рыбы.

По реке Нерли

Зеленые стены леса раздвигаются, и глаз теряется в просторах урожайных полей. Золотом отливает спелая рожь. Развешивается раскидная метелка овса.

Поезд подходит к станции Скнятино. Синеет обширное пространство Угличского водохранилища. Вокруг — затопленные поймы Волги, ее притоков Нерли, Волнушки, Медведицы. Волжская рыба, от стерляди и до крупного сома, привлекает сюда охотников — спиннингистов, кружочников, удильщиков.

База московского общества «Рыболов-спортсмен» помещается в деревне Волнога, в километре от станции. Здесь любителям обеспечена квалифицированная консультация. Вам расскажут, когда, где, чем и как ловить рыбу. Запоминаем ориентиры лучших мест лова: красные и белые бакены, проливы, протоки, острова, заливы.

Удочки и кружки погружены. Мы сели за весла, и маленькое суденышко направилось по курсу.

Вот и затончик с нависью прибрежных кустов — хорошее окуневое место! Над головой реют чайки, и пронзительно чеканит звонкий свист крупный «кулик-сорока». Трудно понять: приветствует ли он нас или негодует за непрошенное вторжение?..

Причалили к хвойному острову — верещатнику.

Ноги то гладко скользят по рыжим иглам опавшей хвои, то мягко утопают в хрустящем ковре седого лишайника. Просторно растут по песчаным буграм высокие сосны. Лиловые колокольчики, яркокрасные гвоздики, золотистый зверобой красуются на мшистых полянках.

Поднимаемся выше на взгорье, и перед глазами открывается широкий простор пустынных наносов, вроде барханов. Словно промытый, белеет раскаленный солн-

цем песок. Миниатюрную «пустыню» окаймляют сосны. Горячий воздух веет ароматом смолы и цветов вереска.

Природный солярий! Ложись и загорай, как на пляже.

Тонкие черточки птичьих следов, беличьи побежки, заячьи поскоки — вся азбука следопыта явственно обозначается на песке. А вот широким шагом прошел скороход-лось.

Пышно волнуется в соснах лилово-розовый кустарничек с хвоевидными листочками. На километры тянется и розовеет на солнце цветник верещатника. Проходу нет. Все поляны, прогалы, просеки глушит вездесущий кудреватый вереск. Недаром он называется «рыскун-трава».

Вечнозеленый кустарник цветет до листопада. А бывает, и под снег уходит с цветами.

Ягоды

И смолой, и земляникой
Пахнет темный бор...

А. К. Толстой.

Природа Подмосковья хороша, особенно в начале лета. Стар и млад с удовольствием мокнут по колено в траве, идут утром за первыми ягодами.

Пахуча теплынь стоячего сухого воздуха. Высохли скошенные травы. Еще сильнее тогда чувствуешь какой-то особенный, тонкий аромат. И вот его источник: краса-ягода! Виснет яхонтовое монисто. Под лопушистыми травами свешиваются ветки с красными рубинами. Застенчиво приютилась у кочки спелая, красная земляника. Духовитый камень-самоцвет. Всем ягодам ягода. Особенно сладка, душиста и сочна

коралловая мякоть переспелой, завяленной на стебле земляники.

Земляника поспеет, и начинается ягодный сезон русского лета. Недалеко ходить по ягоды. Овраг-то рядом, у самых пионерских лагерей, — вот он, за лесной дачей, за колхозным гумном.

Чудесна ягодная пора! Вот уже доверху полна ягодами корзина, а ребята все собирают. Не могут оторваться от полянки. Милые ягодные места!.. На всю жизнь запомнится первый поход в лес за ягодой. Каждый ребенок, едва ступит нетвердой ногой на травушку-муравушку, а уже собирает землянику.

Приятно ворошить пахучие ягодники!

А попробуйте выкопать и пересадить земляничник в свой сад. Лесная земляника все-таки душистее садовой.

Пионерам, школьникам можно смело начать летом разводить землянику на пришкольных участках. А рядом посадите красавицу индийскую землянику. Правда, она очень декоративна, но, увы, несъедобна.

Не лишне молодежи заняться селекцией и гибридизацией диких ягод. Великий селекционер Мичурин на диво всем вывел крупную малину Техас, скрестив дикую ежевику с обыкновенной садовой малиной.

Много новых открытий ждет любознательную молодежь при введении в культуру лесных ягод.

Удача будет наверняка. Доморощенные ягоды вознаградят заботы мичуринцев-новаторов.

* * *

Треть лесов земного шара шумит в СССР. В этих лесах вызревает, но и на сотую долю не используется великолепнейший урожай всяких диких ягод.

Многие из этих чудесных даров природы давно могли бы обогатить и украсить колхозные сады и усадьбы.

От Заполярья до Подмосковья раскинуты брусничные

боры. Замечательно вкусна ягода брусники. Она идет на варенье, маринады, джемы и пюре. Листья брусники заготавливают для аптек.

А черничные боры? Это наши аптекарские неращенные сады. В Подмосковье черника поспевает вместе с рожью. Разнообразно ее потребление: соки, сиропы, вино, желе, сушеные ягоды. Черника постоянно продается в аптеках.

В сухопесчаных сосновых борах заметишь вроде как брусничник, только зеленые листочки не загнуты по краям. Это толокнянка. Карликовое растение с подземными побегами. Век ее восемьдесят лет, как и осины. Медвежья ягодка. Листья толокнянки идут на лекарство.

Вот сборщик пробирается по обрыву, и вдруг его за рукав цепляют шипы. Это ежевика. Попробуйте — она кисло-сладкая. Ежевику собирают в сентябре для вина, варенья, сушения, желе. Ягоды и листья ее хорошо известны в медицине. Из сушеной ежевики добывают хорошую, прочную фиолетовую краску.

По лесным пескам, чаще всего в соснах, растут похожие на ежевику зубчатолистые кусты с шипами. Это куманика. Ее черно-красные ягоды кисло-сладкие. Куманика — из семейства малин. Созревает в августе.

Урожайнее всех ягод обыкновенная наша лесная малина. Она созревает через месяц после земляники, причем на востоке скорее, чем на западе СССР. Сколько этой душистой и сладкой ягоды пропадает в таежных малинниках! Медведь оттуда ни на шаг, так и живет в ягодниках.

В лесу, среди полян — низкий кустарничек. Голубовато-восковой налет на листве и на сизоватых ягодах. Они похожи на чернику, только покрупнее. Это голубика (она же пьяничка, гонобобель). Давно пора этому «синему винограду» из леса перешагнуть в колхозные сады

и питомники. Мичуринцев должен заинтересовать этот кустарник. Его сладкие ягоды приятного вкуса, хороши для варенья, киселей, пирогов и виноделия.

На низком, стелющемся болотном кустарнике — ягоды-хамелеоны: когда наливаются, делаются красными, а созревают — становятся желтыми с оранжевым оттенком. Это золотая морошка. Очень урожайна в болотистых лесах и на торфяниках. Сладко-кисловатые ягоды превосходны для кваса, варенья, желе, настойки. Неимоверно велики заросли морошки в тайге и тундре.

Для озеленения тенистых мест пригодится костяника. Селекционерам и колхозникам-опытникам надо поближе познакомиться с этим замечательным во многих отношениях растением. Оно очень быстро кустится.

Костяника растет обыкновенно в лесах и дубравах, но, к сожалению, не переносится в сады. Редко заготовляется ее яркокрасная, освежающая, сочная ягода. По виду и вкусу — это наш северный гранат. Даже косточковые семена, размолотые в порошок, — вкусная приправа к пище.

Садоводы начинают оценивать ягодный декоративный кустарник, незаменимый для живых изгородей и укрепления почвы. Только в половине сентября созревают желтооранжевые сочные ягоды колючих кустов, с серебристым налетом на изнанке листьев. Это дереза-облепиха. Ягоды ее имеют привкус и аромат ананаса.

Бесподобна по аромату буро-красная кисло-сладкая ягода — мамура (поленика, княженика, хохляница). Она похожа на ежевику, но только без шипов. Растет на лесных болотах и торфяниках. Самая лучшая наливка — мамуровка. Разведением мамуры пора бы заинтересоваться мичуринцам колхозов Костромы, Ярославля, Горького, Владимира, Архангельска, Тобольска, Вологды, Новгорода, Ленинграда, Калинина и Москвы. Южнее она не растет.

Скромный шиповник тоже в результате селекции может дать замечательные, сочные плоды. Ведь в его ягодах много больше, чем в лимоне, витаминов С. Целебны витаминозные повидло, кисели, компоты, варенье из ягод шиповника.

Моховые кочки необъятных лесов и болот севера и средней полосы в сентябре усеиваются зрелой клюквой. Кажется, не растет, а просто лежит на мху рубиновая ягода. Берешь ее и видишь: тянется за ней, как нитка, длинный стебель с вечнозелеными листиками. Свежая клюква очень полезна для больных и выздоравливающих людей. Из нее приготовляются экстракты, соки, варенье, кисели, морсы.

Клюкву можно собирать до поздней осени. В Московской области этих ягод заготовляется в год до 3 тысяч тонн. А по всему Союзу можно собрать сотни тысяч тонн. Отобрать можно лучшие растения клюквы и посадить ровными рядами на торфянике, счесывать ягоды ковшиками, очищать на веялках-сортировках.

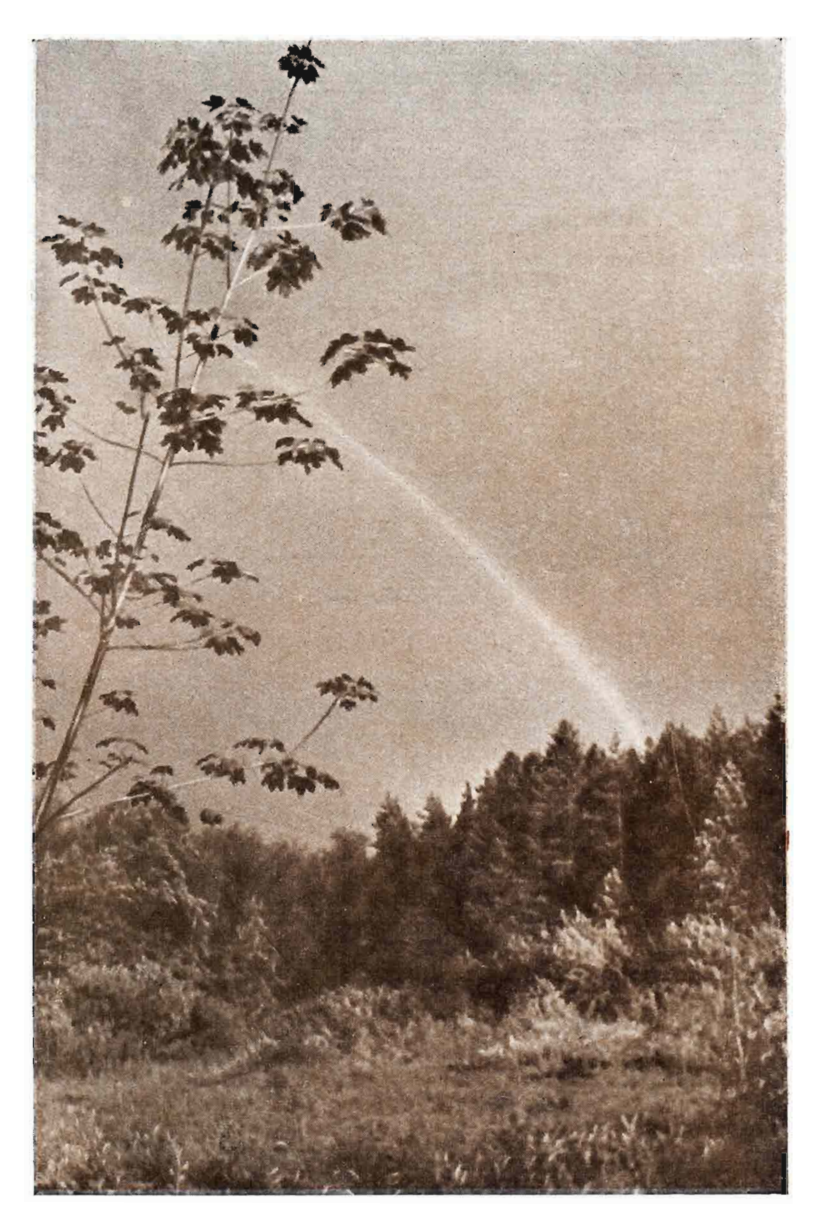
По осени деревню украшают рябины. И. В. Мичурин вывел лучшие сорта десертных рябин. Ягодами рябины лечатся от цынги и от малярии. Спелой считается рябина после первого заморозка: схваченная морозом, она слаще. В Московской области заготовляется до 600 тонн рябины.

Советские селекционеры-мичуринцы взяли на себя почетную задачу — «приручать» дикие растения. И. В. Мичурин писал: «Изучайте дикорастущие плодоягодные растения, отбирайте все наиболее интересные формы по вкусу, урожаю, выносливости и другим хозяйственным качествам. Наши леса, горы, степи, болота представляют собой неисчерпаемое растительное богатство». Новаторы выполняют завет своего учителя.

Селекцией можно отобрать и клюкву размером с вишню и заложить на бросовых, бесплодных болотах ягодные плантации. Черника, клюква, морошка, мамура,

На водной глади.

Стрекоза на цветке.

После дождя.

толокнянка, голубика, ежевика после хорошего ухода дадут крупные ягоды. Они веками будут украшать усадьбы колхозов.

Лес — это готовый питомник, где созревает неращенный урожай диких ягод. Пора уже по-хозяйски приглядеться к неисчерпаемым складам природы и призадуматься, как культивировать лесные ягодники.

Летним вечером

...В затоне, где, к волне
Склонясь, поник жасмин, свой цвет в нее роняя,
Плеснулся сонный лещ и скрылся в глубине...

С. Надсон.

Вечереет. Садится солнце. По пурпурному закату алыми парусами плывут облака.

По извивам реки стоят плакучие ивы, тенистые липы и густые ольшаники. Они указывают путь к зеленым берегам. Рыболов, как вброд, шагает по росистой траве. Ноги путаются в цепких рубиновых клеверах. Луг усеян желтыми и синими цветами.

Вот и река. Пряно пахнет водорослями. Ласточки льнут к воде. По берегу снуют и мелодично пересвистываются кулички. Неугомонно трещат кузнечики. И все заполняет неумолимый звон комаров.

Дремлет тихий затон. Покоен плес серебристой реки. Как на пушистый ковер, садится рыболов в пышные заросли высоких трав. Над головой повисают ветки ивы. Он долго сидит и ждет клева. На стеклянной глади замер поплавок. Причудливы очертания и ярки краски отраженных в реке кучевых облаков. Вспорхнул ветерок. Зашелестели шептуны-тростники. Зарябила вода, и пошли по реке листья желтых кубышек и белых кувшинок.

Темнозолотистая рыбина всплеснула вблизи берега и ушла вглубь. За ней — другая, третья... Целая рыбья стая! Блестит в воде чешуя, шевелятся вместе с травой плавники. «Лини лещатся», — говорят рыбаки. Единственная рыба, нерест которой проходит позднее, чем у других рыб, в начале лета, когда цветет калина.

«Ходит, как линь по дну, и воды не замутит», — говорит народная пословица. Тихая донная рыба, соня, неповоротливый ленивец. В нерест лишь непохож сам на себя. Всегдашнее его обиталище — илистое дно. Он, как поросенок, роется в иле. И вот преобразились лини: вопреки природному меланхолическому характеру стали верховодными рыбами, прыткими верхоплавами.

Зыбится вода. Танцует поплавок. Ложная тревога! Но рыболов и не волнуется. Удочка закинута умело, на межтравную «линевую дорожку». На поплавок примостилась синяя стрекоза, — она постоянно на страже поклевки.

Всегда так бывает на рыбалке. Сколько ни жди, а клев начинается врасплох, внезапно. Накренился и слегка притонул поплавок. Стрекоза взлетела в воздух. Поплавок то еле заметно шевелится на одном месте, то тихо волочится зигзагами меж листов. Линь берет тихо, лениво, медленно. Наконец, поплавок пошел сначала прямо, а потом в сторону. Пора! Плавно поднимается удилище. Затем рывок, подсечка. В этом мастерство удильщика!

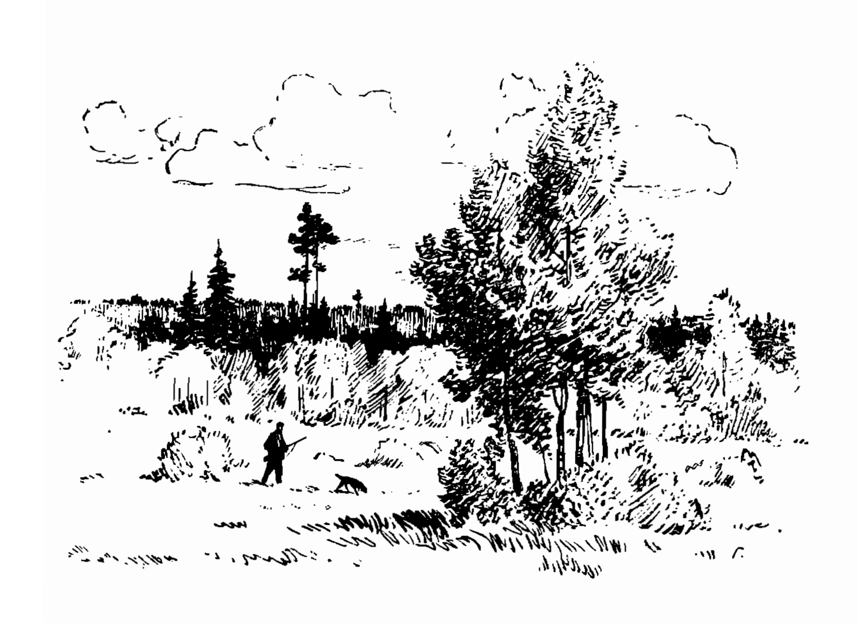
Леса натягивается, удилище гнется дугой. Рыболова охватывает трепетная дрожь. Самый ответственный момент! Часами ждешь этих секунд. И вот над водой голова крупной рыбины в золотой броне чешуи. Воздух обжег нежные жаберные лепестки, и линь остолбенел. Без этого маневра крупная рыба долго бы сопротивлялась. А теперь подводи ее по воде к берегу и вынимай сачком. Есть! Вот он на траве, темнозолотистый, красноглазый, скользкий линь.

...Догорает заря. Под сенью деревьев густо потемнела вода, но еще светла середина затона.

Смеркается. В кустах горит костер. Струится сизый дымок, разгоняя комаров и мошек. Вкусно пахнет свежей ухой. Бурлит вода в котелке. Пряный запах сырой бодяги смешивается с ароматом прибрежных луговых трав.

Замелькали на небе звезды. Это сигнал. Конец уженью. Рыбак будет ждать утра.

АВГУСТ

И кой-где первый желтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...

Ф. Тютчев.

Лето на ущербе. Августовское солнце нежными лучами ласкает природу. Дни сухие и ясные. Преддверие золотой осени. Прозрачен воздух, ближе дали, величественна глубокая синева. Безбрежна чистая лазурь неба.

На лесной поляне еще сильно греет солнце, а на тенистой опушке свежо и прохладно. Вот он, контраст августовского дня!

Больше всех ценят этот прощальный пригрев предосеннего солнца туристы, охотники и рыболовы. Мила им теплота ясного полдня.

Меркнет пестрота красок в природе. В косых лучах

заходящего солнца лишь пламенно рдеют астры, маки, георгины, розы и мальвы. Посторонились в уголок огорода, но пышно развешивают гирлянды «золотые шары» и настурции. «Цветы последние милей роскошных первенцев полей».

Запылились деревья при дорогах. Тускнеет утомленная летним солнцем зелень. И желтый лист украдкой вкрапливается в вершины березняка. Увядая, пряно пахнут травы в лесу. Обветшали некоси суходолов, выгорели и побурели косогоры.

Разноцветны поля яровых культур Подмосковья. Молочнопенистый прибой цветов гречихи сливается с лазурным разливом льнов-долгунцов. По-летнему кудрявятся и ярко зеленеют четкие параллели картофельной ботвы в белых и фиолетовых цветах. Пряно пахнут темнозеленые конопляники. Овсы колосятся и буреют, а ранние — уже спеют.

В поле и на гумнах снопы и солома накаляются солнцем. Пахучи эти хлебные русские овины.

Август—горячий месяц жатвы. «В августе серпы греют, вода холодит».

Хрустальный воздух настоен спелым ароматом садов, огородов, пасек, скирд, стогов.

Кончается жатва. С песнями и плясками приносят с поля последний «именинный сноп». По старому крестьянскому обычаю его украшают лентами и васильками.

Летом синицы, чижи, зяблики, грачи, скворцы, воробьи жили своим домиком-гнездышком, а в августе кончается их индивидуальная жизнь. Многие птицы сбиваются в стаи. У некоторых наступает пора отлета. Курлыкают уже в четком строю журавли над полями и болотами.

Много спелых лесных ягод. Заалела калина. Чернеют душистые ягоды черемух. Яркокрасными гроздьями свисает рябина.

Начался охотничий сезон. На исходе лета бормочут, как на весеннем току, старые косачи-тетерева на краю леса. Хорошо теперь шагать с ружьем по раздолью широких лугов. Затуманились в лиловом мареве заката высокие стога. В августе прелестны укромные охотничьи уголки: протоки, заводи, рукава заросших стариц с тихими затонами в осоках.

«Полночной порою в болотной тиши чуть слышно, бесшумно шуршат камыши». Зеркальными пятнами поблескивает вода между трав. Еще цветут белые лилии, кувшинки и желтые кубышки.

Хорошо в лесу. Дремлют стройные красавицы ели. Застыли в зеленеющем брусничнике и вереске яркокрасные и оранжевые мухоморы. Нарядны их шляпки с белыми пуговичками-бородавками. Краса-гриб, а никто его не трогает. И до поздней осени стоит он, нетронутый, в своей холодно-ядовитой красе.

С березы падает первый желтый лист. Опавшие листья ольхи свертываются трубочкой и приятно шуршат под ногами. Досадует лишь охотник, пробирающийся по лесу с легавой собакой. Шорох мешает ему незаметно подойти к выводкам пернатой дичи.

...Прелестна сияющая лазурь неба. Благоухают еще пышные розы. Зеленый пояс тенистых бульваров и скверов Москвы чарует своей пленительной прохладой под сенью узорных вершин.

...В цветниках и газонах хозяйничают самые многочисленные птицы города — воробушки. Раздолье им на подножном корму. Летом эти птички старательно клюют насекомых на бульварах.

...Последний луч заходящего солнца озаряет высотные шпили величественных новостроек. Тогда и бульвары начинают пахнуть ночными цветами душистого табака.

По календарю фенологов, жаркое лето нормально не остывает до третьей декады августа.

Клады лета

Вянет, вянет красно лето,
Улетают ясны дни.
А. Пушкин

Начался последний месяц лета. Лес поприумолк. Стихли певчие птицы, но неугомонна трескотня кузнечиков и сверчков.

Ночью сильнее пахнут мята, полынь и ромашки. На скошенных лугах пирамидами возвышаются стога — душистые памятники цветущего лета.

Долу никнут мониста рябиновых ветвей. Урожай рябины, по народным приметам, — к красной, золотой осени.

Август — русский месяц-хлебосол, по старинному календарю — «густырь»: все созревает, всего густо, вдоволь в полях, огородах и садах. В лесу — «скатерть-самобранка» ягод, грибов, орехов, желудей, целебных кореньев.

Лес — грибами, пасеки — медом, скирды и гумна — хлебом, стога — сеном, огороды — укропом и огурцами, а усадьбы пахнут спелыми яблоками.

Зарумянились скороспелки севера — несравненная яблоня грушовка и коричное.

В сочно-наливных плодах садоводы воочию видят венец своих трудов. Пленительное воспоминание о летнем шуме дождей, блистании звезд, сверкании гроз, полыхании сухих молний, ночных зарниц.

Благодатны предосенние ровные дни спокойного августа. Неугасимо еще пламенеют пышные огни желтоцветов, пижмы («дикие рябинки»), донники, золотарники, ромашки, огнецвет иван-да-марья, ястребинки, зверобой и «золотые розги» — «неопалимая купина» цветущих медоносов на вершине лета.

Очень долго, до глубокой осени по сухим вырубкам, кустам, лесам, полям, во рвах и у дорог горят роскошно пышные «золотые розги». А в облачное лето особенно ценен этот хороший поздний медонос своим отличительным качеством: «золотые розги» дают пчелам нектар и пыльцу даже в ненастье.

Прекрасный медонос — синий полевой василек привлекает пчел и в засуху.

...Вяло летает под вечер шмель. Ночует, бездомник, где вздумается, — так и засыпает до утра на лиловом короставнике.

По тенистым лесам, низменным лугам, берегам и болотам, в оврагах часто встречаются медоносные джунгли с белыми шапками пушистых цветов, пахнущих миндалем. Это любимая пчелами таволга, летний корм и постель лосей.

Необычен пейзаж августа. Еще свежи цветы и ярка зелень. Кое-где расцвели вторично вишни и яблони. А уже заметно длиннеют сумерки — дни укорачиваются. Раньше угасает вечерняя заря.

Темные, но теплые еще ночи. И как душисто пахнут полынью, укропом, коноплей и мятой самые сильные росы. На редкость тихи, сухи и жарки выдаются годами ясные дни начального августа.

Реже сгущаются синие громады грозовых туч. Две декады августа в климате Подмосковья — это еще так называемое «жаркое лето». Отличаются эти дни кучевой и грозовой облачностью, а звездные ночи — обилием теплых, сильных рос и под утро — густых влажных туманов.

Пышно ботвится в огородах овощная зелень. Необычайно густа высокая отава на заливных лугах. Созревает заново второй укос.

Затихает зрелый покой поля, ни одна былинка не качнется. Кротко тихое сияние предосенней ласково-ясной красоты приумолкшей природы.

Жасмин влажных лугов

Гаснут и меркнут цветы лета. Осеменяются созревшие травы. А по полянкам впадин, в низинах сырых и мшистых лесов и на влажных лугах до осени красуются великолепные яркобелые цветы — белозоры. На высоком стебле-стрелке пять крупных лепестков, похожих на лучистую звезду. В середине — венчик с золотисто-зелеными придатками. В сумерках они как бы светятся и видны издалека. Недаром в народе их называют: «солнечная роса», «ясные очи».

Белозоры цветут после сенокоса и вполне успевают осемениться. В отличие от белой фиалки, сильнее пахнут в полдень. Их нежный аромат напоминает жасмин.

Охотники редко обращают внимание на цветы, им некогда, но они иногда возвращаются с охоты с необыкновенно красивыми букетами вереска и белозоров. Многие хотя и не знают названия цветов, но не могут не захватить с собой эту лесную прелесть.

Особенно много белозоров в Мещерском лесничестве — на поляне, против лесной сторожки, у пруда, увековеченного художником И. Левитаном. С него он писал известную картину «Заросший пруд с лилиями».

Ближе всего поехать за белозорами на станции Малаховка и Удельная. Много этих цветов с правой стороны, за дачами, на заболоченной пойме реки Пехорки.

Поздно цветущее южное растение можно увидеть в Главном Ботаническом саду Академии наук. Интересная картина. В сентябре среди поблекших и увядших трав распустились во всей своей красе прелестные светлофиолетовые, пурпурно-розовые крупные цветы. На коротком стебле цветок с шестью листочками околоцветника. Сходите посмотреть на это поздно цветущее растение. Зимой в земле скрытно лежат большие луковицы, в которых уже

есть цветочная завязь. Летом они начинают прорастать, а в конце августа и в начале сентября зацветают. Не случайно поэтому в ботанике он так метко назван — «безвременник».

Этими цветами сплошь усеяны горные склоны Черноморского побережья Кавказа.

Белозоры давно известны как медоносы и лекарственная трава.

Осень — весна наших белозоров, как и астр.

Это интересное декоративное растение достойно внимания садоводов, юных натуралистов и пчеловодов.

По грибы

Прогромыхали гремучие грозы, отполыхали зарницы. Прошумели ливни-проливни, грибные дожди.

В году самый спокойный месяц — величаво ясный, тихий август. Под исход лета дивят голубые небеса безоблачных дней. Стихли лесные хоры пернатых певчих, только редкие реплики подают грибникам в тиши лесов иволги, пеночки, зяблики, особенно после дождя, — лето вспоминают. Но неистовый стрекот кузнечиков да предотлетный крик собравшихся в стаи грачей будят вкрадчивую тишину безголосых убывающих дней.

Хороши эти полные летней прелести августовские дни уходящего светлого времени года. Без зноя, не палит жара, лишь нежно ласкают на прощанье лучи теплого солнца. А зори уже посвежели. От рек и болот тянет сырым непрошенным холодом. В тени до полудня не просыхает роса.

А среди дня солнце прогревает лесную почву. Стоячий воздух наполняют пряные ароматы созревающих плодов, подсыхающих трав.

Грибы так и лезут из прогретой и овлажненной туманами, росами и дождями земли.

Душа радуется лесному урожаю, не сеянному, не политому руками. Сказка леса наяву. Сокровище даров природы — желудей, орехов, ягод, цветов и грибов. Только не ленись, раньше вставай, ног не жалей, на зиму впрок припасай.

И грибникам в августе дома не сидится, по ночам не спится, в душе играет музыка «охотничьей косточки».

...Темнеют звездометные ночи августа. Сизыми дымками курится по утрам луговая пойма, седыми волнами наплывает густо-ползучий туман в низины. Словно осученные пряжей, дремлют в тенетах паутины и благоухают рыжиками елки. «Крепко пахнет в овраге сыростью грибной...» Только знай, где искать. В сухое лето гриб «жмется» к стволу, а в сырое — как бы отбегает поодаль. Здесь почва теплее, чем под деревом.

Темная да теплая ночь, не пыльная дорога, легкая ходьба с корзиной, нетерпеливый рейс через поле в таинственный лес...

Затемно, до рассвета, по звездам каждый прежде всех норовит первым вторгнуться в грибные места.

...Густо синеет над головой звездная ночь. Ближе серебряное руно синего неба. Сапфирами мерцают крупные звезды, льдинками — помельче звезды-ясочки. Хорошо видна воздушная жемчужная дорога, сияет звездная трасса Млечного Пути.

Яснеет небо, меркнут звезды. Светает. Мокнешь по пояс, идя вброд по некоси. Орошает и сверху душ кустов, с ног до головы брызгами обдает старателей потревоженное дерево. Идешь куда глаза глядят, в неведомую чащу, где ждет тебя грибное счастье.

В лесу до солнца ни тени, ни ярких отблесков, — тогда лучше искать, глаза зорче присматриваются к грибам!

Мастера-сборщики знают оптический обман рассеянного зрения: от солнечных бликов «пестрит» в глазах... Вот почему заботливые сборщики спозаранку выходят в грибной поход. Легче находить грибы по росе. Еще лучше — в дождь. Зорче зрение и в пасмурные дни, — не утомляются глаза, не притупляется взгляд, не играют светотени, не пестрит цветами трава.

Сборщиков охватывает спортивный азарт. Особенно волнует дальнее зрелище. Ватагами стоят грибы на прокошенных полянках. Глаза кругом разбегаются, не знаешь, откуда заходить...

...Свет с востока хлынул на вершины, озарил веселый курень зеленых берез. Первый луч ударился о розовый мрамор бересты. Яркие блики сверкают на росистой траве.

Ясное, ласковое солнце еще ликует по утрам в редких березах, не спеша и безотвязно ходят вокруг белых колонн неутомимые грибники. А гиганты-тени следуют за ними по пятам, забегают вперед.

Грибнику один совет: бери по-морскому — «солнце за спину», чтобы лучше разглядеть грибы в траве. Ведь от встречных лучей рябит в глазах. А тут еще отвлекают цветы, румяная опавшая листва.

Грибник нагибается: вот, мол, гриб-красник, и ловит себя на обмане, — ведь это, оказывается, лист осины.

Светлые поляны уставлены вдоль и поперек белыми березами. Грибника уютно обступают кругом зеленые покои. Привлекателен этот, самый нескучный, родной лирический пейзаж. Душа охотника безмерно радуется: в березах самые грибные места!

В заповедном саду дремучих трав идешь весь путь в цветах. Не наглядишься на прелесть белозорных ромашек, голубых колокольчиков, красных луговых васильков. Цветы на виду, а грибы всегда словно «в прятки» играют со сборщиком.

Не видишь, а снизу выглядывает из травы округлая темнокоричневая шляпка на коренастой белой ножке. Волнующее зрелище! Вот он — наш знакомец. Застенчиво притулился белый гриб в кустике белоуса. Сдержи азарт, умерь шаги, не спеши, осмотрись кругом... Белые растут семьями. Так и есть. Вот рядом еще литая бронза каштаново-бурой шляпки. Какой ядреный, крепенький, изящный белый гриб. И в сказке говорится: «Гриб-боровик — всем грибам полковник».

Словно драгоценность, как тонкую, хрупкую вазу, счастливец бережно поднимает свой первый восхитительный трофей. Находка! Срезается ножка, видна яркобелая мякоть. Упругий на ощупь гриб холодит ладонь. Боровик, кажется, еще дышит туманом, росистой влагой ночной свежести.

Замечай: где мухоморы и муравейники, там и белые. Муравьи тоже всегда на сухих увалах.

Под редкими развесистыми березами, чаще в кустиках ивняка, можжевельника и в седом белоусе найдешь самые душистые белые грибы с бронзовой шляпкой. Иногда серо-бурая шляпка подернута туманистым налетом. В этом отличие белых березовых грибов от еловых боровиков.

Светлее подберезовых высокие белоножки — настоящие боровики растут в ельниках, чаще у моховых кочек, осенью — в брусничных и черничных лопухах, в цветах вереска.

Одиночки почти черные боровики с «зажаристой» шляпкой встречаются на лишайнике в соснах. В дубах свои особые белые грибы со светлошоколадными шляпками. Это — самые ранние из боровиков.

Белые грибы лучше растут по отлогим склонам оврагов, по сухим увалам березняков и смешанных лесов, по опушкам и дорогам, в светлых старых редколесьях, по плоским пригоркам возвышенных лесов. Только самые

быстрорастущие красники обильнее в мелколесье и могут плодиться в сырых, тенистых осинниках, где не найдешь ни черных, ни белых.

«Весняные» грибы «колосовики» проскакивают скоротечно в половине июня. Летние — «жнивники» нарождаются вторым слоем после цветов липы и сенокоса. Эти первые два слоя грибов недолговечны, скоро сходят (от пяти до пятнадцати дней).

Но третий пласт — нарост грибов-«листопадников» — самый обильный и долгосрочный: начинается в цветах вереска одновременно с поспеванием орехов, с половины августа, и не сходит до Покрова дня.

Гриб — самое удивительное растение: ни зелени, ни листьев, ни стебля, ни цветов. «Полна чудес могучая природа...»

Черные грибы

Яркие ковры пестрых цветов увеселяют солнечные полянки. А угрюмую глубину хвойных потемок украшают грибы — питомцы сырых туманов. Цветы — дети солнца, грибы — дети тени.

«Много гроз, больше грибов и меда» — по старинной народной пословице. «Лето грозовое, значит и грибное».

На полянках, поодаль от деревьев, группами растут черные грибы — подберезовики. Присмотритесь.

В сыроватых лесах гнездятся серые подберезовики. У них мягкие, восковые шляпки на высоких и тонких ножках и фиолетово-коричневая мякоть на изломе.

В сухих перелесках растет другой, бархатистый подберезовик. Дотронешься до его оливковой шляпки, и она почернеет. В тех же местах найдешь самый красивый

подберезовик с чернобурой шляпкой. А в сырых мшистых березняках позднее всех растет обабок. Он на тонкой ножке, с нежной зеленоватой шляпкой.

Ищите и собирайте эти четыре вида черных грибов: серый тонконог, бархатистый оливковый подберезовик, черный крепыш и позднеосенний зеленоватый обабок. У них грибница — мицелия чаще срастается с корнями берез.

Гриб без дерева и дерево без грибов не живет. Грибы можно сажать в садах и парках: раскрошить в воде обножья и поливать под деревьями. Белые и черные грибы под березами, дубами, елями и соснами. Красники под осинами, рыжики под елками и соснами.

На нашего подмосковного подосиновика похож особый красный полярный гриб северной тундры. На вечной мерзлоте высоких осин в помине нет. И эти красные грибы стоят выше деревьев-карликов.

Опенки

Срублена поздняя капуста, светлеют ноги зайцев беляков, спрятался барсук в теплую нору, а грибы все растут и растут...

«Осенний свинух стоит летних двух»,— говорит пословица. Рыхлый летний гриб несравним с осенним крепышом.

Заглядишься на сафьяново-красные рыжики, на фарфоровые белянки. А иногда перед глазами предстанет живая картина... Древним замком возвышается замшево-трухлявый пень. К нему сбегаются со всех сторон опенки. Иные, знать, посмелее — вскарабкались наверх, а вон другие, тонконогие, облепили уцелевшую кору и топор-

щатся, кивают шляпками. А на середине пня красуются фуксиновые колосья лесной конопли, кипрея, иван-чая.

Чудесная живая картинка! Она так и просит кисти художника.

Опенками полно лукошко,
А масленок некуда деть...
А. К. Толстой.

Смотришь на скопище светлокоричневых грибов и вспоминаешь... Вот откуда так называемый «белковый хлеб». Он ведь из размолотых, очень питательных корней опенка. Корни опенок уходят в пни на несколько метров.

Опенки, как и красники, быстро растут. Как и в желтых лисичках, в них не откладывают личинок грибные мухи. Из пластинчатых грибов после рыжиков самые вкусные — опенки. По питательности они выше черных подберезовиков, почти равны кефиру и простокваше, выше моркови, капусты, помидоров, лука и огурцов.

Не годятся для запаса съедобные «двойники» летних опенок — с желто-коричневыми водянистыми шляпками.

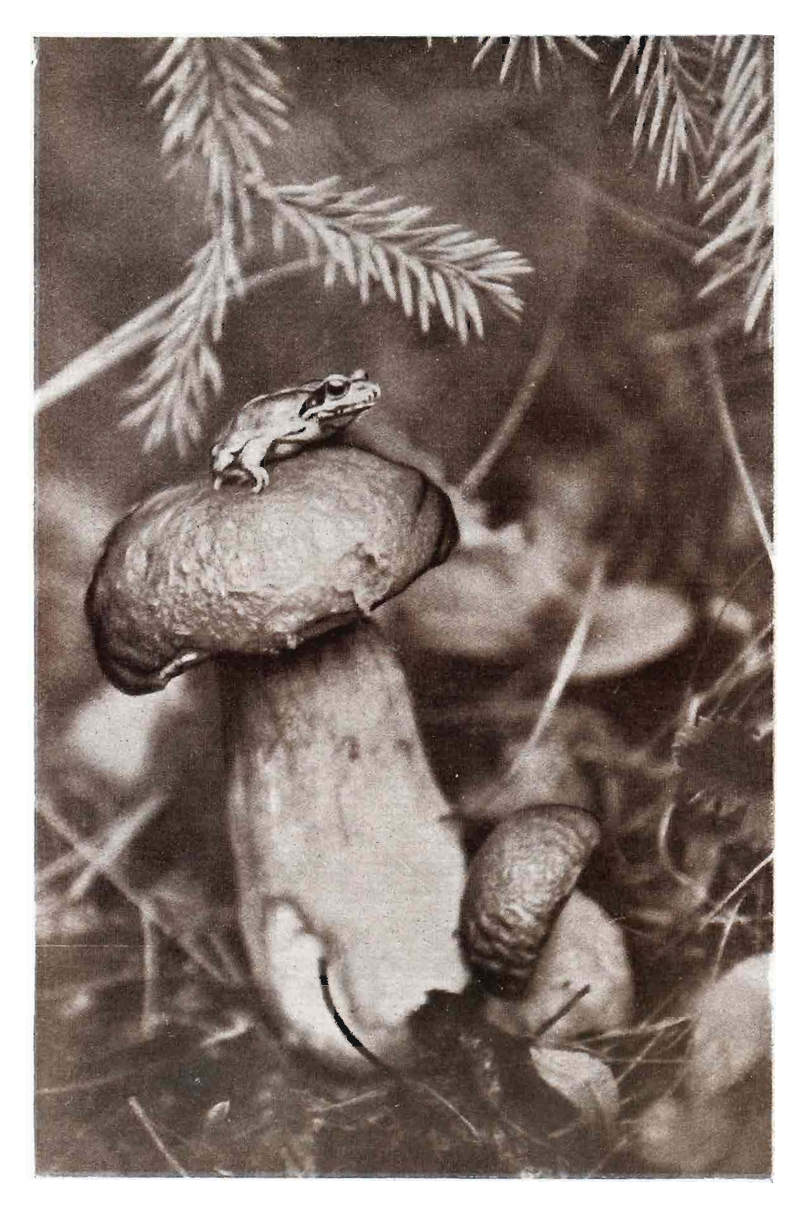
Совсем вредны горькие «двойники»—яркожелтые, желто-зеленые ложные опята, иначе «серные опенки», без чешуек на шляпках, без пленок на ножке. Попадаются в тех же местах, где растут опенки, грибы со светлосерыми шляпками. Сотни на одном корню. По-народному — гриб «баран». Съедобен.

Не коситесь и на другое «чудо природы». Не гриб, а кочан капусты. Это съедобный «курчавый дрягель» весом до трех килограммов. Пахнет орехами. В ботанике это называется «грибное счастье».

Еще чаще встречается другой редкий гриб — «аттракцион». Желто-розово-красные кораллы рогатиков и «петушиные гребешки» — булавницы. Не расставайтесь с этими оригинальными грибами без шляпок. Они съедобны, ароматны и нежного вуса.

На привале.

В лесной глуши.

Как удобно!

Грузди и белянки

Из двухсот только сорок видов съедобных грибов Подмосковья попадают в корзины сборщиков. По незнанию москвичи часто пренебрегают полезными пластинчатыми грибами, считая их за поганки.

Проходу нет в лесу от грибов-незнакомцев. Фарфоровая мостовая шляпок под ногами, а сборщики идут и не замечают своего грибного счастья.

По недоразумению не берут многие съедобные после отмочки пластинчатые грибы, вовсе не имеющие ядовитых «двойников». Особенно отпугивают своим горьковатым молочным соком великолепные сухие грузди и подгрузди. По калорийности они равны кумысу или дыне. Поганками их считают за сходство со скрипицами, а ведь и те съедобные, только скрипят на зубах.

Белянки поменьше груздей и отличаются от них еще редкими пластинками. Съедобна из рода груздей блестящая красно-коричневая горькуша и ее «двойник» — кирпично-красно-бурый гладыш — подорешник. За острую горечь молочного сока все они, по незнанию сборщиков, считаются поганками. А зря!

Мало кто берет серянки. У них лиловато-сероватые шляпки с концентрическими светлыми кругами. Этих съедобных серых грибов в лесу девять процентов урожая.

Пренебрегают иной раз темнооливковыми чернушками, белыми поплаухами, бледнорозовыми волвенками — волнушками и желтыми валуями. А их — хоть косой коси!

Груздей и белянок больше всего в северных районах Подмосковья. Крупные — солят, мелкие молодые — маринуют. Бесподобны на вкус и питательны эти замечательные, любимые знатоками, славные русские грибы.

Грибы-яды

Боязнь неосведомленных людей отравиться грибами не случайна. В лесу действительно есть вредные, ядовитые грибы.

Ни люди, ни улитки, ни грибные мухи не трогают красношапочных с белыми пуговками декоративных грибов — мухоморов. Нарядные «статисты леса» стоят до первой пороши, дремлют в своей неприкосновенной красе.

Легко и просто отличить по красно-лиловой шляпке от рыже-желтого съедобного козляка его вредного «двойника». А главное, эту поганку изобличает еще едкий горький вкус. Недаром и в ботанике она называется «перечный гриб» или «овечка». Запомните: он встречается в хвойном лесу с августа до октября.

А вот, словно пропеллер, торчит от всех отличимый, причудливо незнакомый, с двумя или четырьмя лопастями грибок-рогачик, сродни сморчкам. Избегайте брать такой белый или желтоватый курчавый осенний строчок. Это типично осенняя поганка. Встречается только на вырубках в сентябре.

В светлых лесах, рядом с белыми поплавками, шампиньонами и серыми мухоморами заметишь их «двойник». У него такой же колпачок. Шляпка с ровными краями. Цвет бывает белый, желтоватый, зеленоватый, серовато-белый. На рваной шляпке — лоскутные пятна, белые чешуйки пленки. На ножке вверху — пленочное колечко, отонка, внизу — утолщенная вздутость с мешковидным основанием. С виду это грибок-зонтик с пояском.

Гриб-колпачок (ранний) весь окутан пленкой. Предательски обманчива губительная сладость белой мякоти, этой самой ядовитой из всех вредных поганок под маской шампиньона и белого поплавка. Но больше этот опасный

гриб похож на серый мухомор; отдаленное сходство, только по форме, есть и с опенком, но цвет другой.

Настоящий шампиньон отличают от этой белопластинчатой «бледной поганки» нежнорозовые пластинки. А поплаухи узнаются по тому, что у них нет кольца на ножке и пятен на шляпке, как у «бледной поганки» и серого мухомора. Опенки совсем другого — светлокоричневого или буро-желтого цвета.

В соснах и в смешанных лесах встречается красавец с виду — ядовитый гриб. Темнокрасная или темнобурая шляпка в сырую погоду блестит слизью. Низ трубчатого слоя красный. Ножка с узорчатой красной сеткой у самой земли вздута, вверху она желтая. Белая или красноватая мякоть на изломе синеет.

Это — сатанинский гриб. В хвойном лесу чаще попадается его «двойник». Не ошибайтесь, он похож на боровик. Под буро-коричневой шляпкой розовая изнанка. Белая мякоть на изломе краснеет. Гриб горек, как желчь. Недаром и называется «желчный гриб». Один отравит сотню, когда станешь мыть грибы. Случалось всю корзину выбрасывать из-за одного «двойника».

При варке некоторых ядовитых грибов серебряная ложка и лук в воде чернеют, соль — желтеет. Рекомендуется все грибы чище промывать, а чернушки, волвенки, подорешины, горькуши, валуи и другие пластинчатые грибы перед солкой предварительно мочить, обваривать кипятком. Еще лучше — прокипятить.

Наиболее безвредны и, главное, удобоваримы сушеные грибы и особенно размолотые. Даже сморчки и строчки можно сушить без отварки.

Недоваренные, недожаренные, подогретые — могут быть вредны даже и съедобные грибы. Жареные и вареные грибы лучше никогда не оставлять для вторичного подогрева. А старые грибы — шлюпики так же вредны, как попорченные мясные и рыбные продукты.

Грибные маршруты

Раннее утро. Первая туманная дымка закурилась над лесом. Вот он, верный сигнал грибникам. Фенологическая примета. Лесная даль затуманилась... Значит, пошли и грибы. Дело заманчивое. Скорей с корзинками в лес!

У каждого сборщика свои заветные места. Хорошо сойти с поезда в Жаворонках (Западная железная дорога) с левой стороны и направиться в лес. Собирая грибы, пройдете до станции Толстопальцево. А с ношей уже не придется возвращаться обратно в Жаворонки. Можно будет ехать в Москву по Киевской железной дороге. В этом преимущество данного маршрута.

Многих сборщиков привлекают районы грибных лесов за городом Верея, вокруг Голицына и Звенигорода, Рузы, Бронниц, Загорска, Клина.

Грибными лесами славятся станции Лобня, Луговая, Трудовая (Савеловская ветка).

По другой линии Северной железной дороги грибные места начинаются с Зеленоградской. Многие сходят на станции Софрино, пересаживаются на узкоколейку и едут до Рахманова и Федорцева. По основной магистрали — дальше станция Ашукинская. Надо по шоссе дойти до деревни Голынино и свернуть к соснам на обрыве.

Меньше всех знакома грибникам Киевская железная дорога. А между тем станция Апрелевка славится белыми грибами. Много их по увалам и оврагам. Для любителей дальних походов интересны остановки: разъезд 75-й километр, Башкино, Балабаново.

На автомашине можно доехать по Киевскому шоссе до грибных мест на 65-м километре. Еще лучше переехать мост через реку Нару и остановиться на шоссе в лесу против села Рождествено.

Не нуждаются в рекомендации излюбленные грибниками станции Домодедово, Белые Столбы, Барыбино, Михнево, Московско-Донбасской железной дороги.

Менее известны хорошие грибные места у станции Привалово, за кирпичным заводом, куда можно проехать и на автомашине.

По Курской железной дороге лучшие остановки для грибников — Лопасня (78 километров), Шарапова Охота (90 километров). На автомашине интересен маршрут от Лопасни до Стремилова (Куинджевские березы) и до урочища «Коровий брод».

Богат грибами массив лесов вдоль Октябрьской железной дороги на перегоне от Сходни до Поварова.

Грибы надо искать умеючи. Смотрите грибы к северу от дерева; их меньше на восток и запад, а на южной стороне вовсе не бывает в сухое лето.

Первые выстрелы

Солнечные дни убывают. Меньше становится цветов и зелени. Сожалеют об этом дачники, но в восторге охотники. Они спешно собираются на охоту.

...Вскрывается футляр. Из фланелевого чехла вынимается ружье. В живописном беспорядке располагаются на столе мешочки с дробью, порох, весы, мерки, закрутки, барклаи, патронташи, ягдташ и рюкзак.

...Воображение, словно на крыльях, уносит любителя на зеленые просторы, водные угодья.

Спозаранку бодро шагает по берегу готовый хоть в воду охотник. Перед его взорами шире раздвигается горизонт раннего утра. Пленительно манит покой зеленых лесов и пойменных лугов. Яснеет бледный жемчуг чистого неба.

По низине расползается волокнистыми слоями белый пар, обтекает былинки и кусты, обдает свежим запахом хвоща и аира.

Над блестящей гладью тихой воды склоняются серебролистые ивы. На зеленом бисере ковровой ряски различаются поволоки, извилины утиных заплывов. Следы на воде. Где-то тут выводок?! Надо быть начеку. Слух, внимание и зрение — все настороженно. Непроглядны узорные сплетения густых трав.

...Тихо. Чуть слышно шелестят тростники, а над ними снуют синекрылые стрекозы.

На поверхности воды плавают выдернутые утками мясистые белые, как спаржа, стрелолисты. Это явные следы утиного пиршества. Охотник располагается в кустах.

Чу! Вихрем прошипели чирки и, замедлив полет, упали вразброс по дальней заводи. С присвистом пролетели тяжелые кряквы. Вспенив воду, вся стая уток живописно расселась как раз против укрытия охотника.

Птицы настороженно огляделись и успокоились.

Раздался выстрел. Стая взмыла вверх, а на воде неподвижно распластались крылья селезня. Еще удар грома, и другой селезень, перевернувшись в воздухе, рухнул вниз, примяв пышную осоку.

Удачный дуплет! Начало охоты сделано.

Разнообразны виды охоты на уток. По зорям — на перелетах, днем — с легавыми собаками, вброд или с лодки.

Охота за молодыми утками в начале сезона отличается своими особенностями. Лучше выбирать небольшие речки, озерки, наводненные болота, травянистые поймы с зарослями ивняков. Здесь и днем таятся утиные выводки.

До солнца можно еще застать уток на стекле чистой воды. Тогда стреляй дальних уток, а дробь захватит и ближних. Второй выстрел будет на подъеме.

Утиная охота поучительна, интересна. На воде хорошо видишь, куда попал заряд дроби. Это развивает глазомер стрелка.

Заядлые охотники направляются в самые выдающиеся по природным богатствам утиные места — Кривандино, Талдом, Заболотские разливы Дубны, Протвинские, Раменские, Бронницкие и Приокские луга, Московское море.

Ни пуха им, ни пера!

СЕНТЯБРЬ

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора...

Ф. Тютчев.

Завершается лето. Чисто светлоголубое небо. Золотисто-лиловая мгла нависла над городом. Потек лист. В парках и на бульварах стелется желтая дорожка. А листва все ярче румянится.

Осень, как бы задумавшись, приостановилась... Лишь птицы напоминают о ней. Опять после летней разлуки прилетели в город галки, вороны. Они занимают свои зимние квартиры: карнизы, крыши, чердаки, колокольни. По утрам кричат грачи, прощаясь до весны со своими сородичами-домоседами.

Трогательная картина! Галки и вороны, охваченные минутным порывом, пускаются всей оравой провожать грачей. Но, долетев до застав, возвращаются восвояси — родной север им милее юга.

Чист и прозрачен тихоструйный воздух солнечного дня. Виднее стал широкий простор чарующих пейзажей русской осени. «В саду горит костер рябины красной»... Далекий горизонт слегка окутывается лиловатой дымкой.

Рдеет лес. Ярки деревья. Тихи задумчивые сентябрьские дни, нарядно «бабье лето». На зелени хвои огнистыми парусами переливаются клены. Трепетно зарево оранжевых осинников. Вспыхивают лимонные пожары березовых рощ.

Мягко ступать по опавшей листве. Под ногами шуршат ковры листопада. Редеют в лесах и на полях цветы-медоносы. С одних только последних цветов вереска-боровицы пчелы напоследок собирают заключительный взяток; особенный этот темный на цвет и терпкий на вкус вересковый мед.

Среди мелкорослых сосенок на моховых кочках созревает последняя ягода сентября — клюква. Берешь ягодку, и тянется тонкая нитка с листочками, как у мирта.

Запоздавший тетеревок ткнется и исчезнет в бронзовом кусте богульника.

В солнечные дни задумчив осенний подмосковный пейзаж. Изумруды озимых зеленей. Желто-серые ковры блеклых косогоров. Багряные перелески. Серебряные изгибы реки в посветлевших долинах. В зеркале вод отражается червонное золото лиственных лесов.

Величава русская золотистая осень, никогда не бывает она ни грустной, ни скучной.

Сбиваются в стаи и кружатся над полями и поймами полчища грачей, скворцов, чаек, ласточек, журавлей, гусей и дроздов. Сперва это птичьи маневры, походные

учения, тренировочные воздушные игры. А потом крылатым путешественникам будет дан и старт в дальнюю дорогу — через моря, океаны, в теплые, но чужие страны. До весны.

А с севера летят зимовать к нам чечетки, щеглы, свиристели, клесты, сойки.

Цветы сентября — в гармонии с листопадом — окрашены в желтые тона. Много еще трав в цвету. По суходолам косогоров и полей золотятся желтые рябинки, осоты, донники, золотарники, ромашки, иван-да-марья, ястребинки.

К сладкому запаху хвои примешивается сырая пахучесть душистых рыжиков. Вот они притулились под хвойными опахалами лапника, будто схоронились от утренних заморозков. Широко распростерлись нижние сучья старой ели, а из-под них, как бы напоказ, выбежало на тенистую лужайку целое созвездие красных грибков.

Сентябрь — время боровиков, груздей, рыжиков и белянок.

В сентябре по ночам больше высыпает звезд; они как бы ближе к нам, ярче во тьме их мерцанье, заметнее извивы сияющей дороги Млечного Пути.

В лучах вечерней зари серебрится белояркая Венера. А около полуночи восходит Сатурн, видимый до самого утра. Всю ночь тянут к югу и перекликаются в небе косяки гусиных стай.

До инея цветут в садах георгины и астры. Красивы хотя и без аромата, эти холодные клумбы и розарии. Пламенеют охладевшие огни бегоний.

Вместо зеленого шума в дубравах слышишь только шелест поблекшей листвы да завывающий свист ветра в сквозящей сени поредевших вершин.

Ровно полсуток ночь, полсуток день — календарный знак астрономической осени в день осеннего равноденствия 22 сентября.

Золотая осень

Лето отступает. Убывают светлые дни. Дыхание Арктики укрощает солнце, путь егс ниже и короче.

Все ярче разгораются бездымные костры листопада. Червонной позолотой горят вершины деревьев. Лес пожелтел. Последняя теплынь вдохновляет семейных скворцов на залетные спевки у родимых скворечен. А в парке звенят чижи.

По народному календарю 14 сентября — день-летопроводец. Межа лета и осени. Последние дни расстила льна, грозы, летающей паутины, сбора птичьих стай в дорогу. Полярная ночь на Северном полюсе.

Лес поблек. А как еще великолепна цветистая вянущая листва! Днем мглятся сумерки ненастья, и тогда ярче бросается в глаза нежная акварель румяного подлеска.

Живописен осенний букет палевых, розовых и фиолетовых оттенков листвы бересклета, а еще краше цветов его плоды — оранжевые с черным глазком сережки, по-народному — «сорочьи очки». Любимый корм рябчиков.

Гранатом зарумянилась красавица рябина. Под цвет ягод покраснел шиповник. У этого дикорастущего кустарника большие перспективы. Он, несомненно, займет место среди фруктовых растений. А крушина у нас стала, как лимон. На одном кусте — бутоны, цветы, спелые и зеленые ягоды.

По извечной воздушной дороге на юг полетели птицы. Через всю страну проносится поднебесный звон журавлей и гусей. За Полярным кругом вспыхнули уже первые сполохи северного сияния. Там дожди перемежаются со снегом. Метель заносит ягоды голубики, клюквы, брусники. Но нашим тундровым ягодникам не страшен снег.

Полный листопад в тайге. Гон лосей и оленей — весна быков.

От Заполярья до Карпат ревут великаны тайги — сохатые лоси. Будто немые молнии, блещут радуги листопада.

Отцветает вода; она ясна, тиха и прозрачна. Как под стеклом, хорошо видно дно.

Стрижи улетели, а ласточки пока нас не покидают. Касатки лепятся на телеграфные провода. А свет солнца укорачивается. Все длиннеют и темнеют звездные ночи, выпадают обильные росы, по утрам клубятся туманы. Астрономическое лето доходит до осеннего равноденствия.

На зорьке по перепелу

Сентябрь — отлетная пора. А не все птицы улетают. Дергачи, например, уходят пешком до моря. В это время по лугам и поймам их и перепелов ищут с легавыми собаками. Спозаранку выходит за околицу охотник. Бодрым шагом идет он по крутому подъему и выходит на пригорок. Мягко и бесшумно ступает нога. Собака, повалявшись, отряхивается, мотает ушастой головой, жадно нюхает свежий воздух.

Всюду разносится крепкий запах полыни. Нет лучше лекарственной травы, чем полынь. Ею лечатся от малярии, золотухи и при желудочных болезнях. Она улучшает пищеварение. На одном растении 100 тысяч семян. В ботанике она называется артемизия, в честь мифической богини охоты Дианы-Артемиды.

Светает... Беглые полутени уползают в овраги и лесные опушки.

Выше диких рябинок (желтые пижмы) подпрыгивает русак. Он облюбовывает погуще траву да поглубже ямку, чтобы залечь на день.

Дорога пересекает ржаное поле. Собака повела в сторону, по жнивью. Вот с хода пес встал перед бурьяном. Мгновенно ружье берется на изготовку. Тихая команда. Собака занесла вперед лапу...

«Юрь-клюй!» — нежно раздалось за чернобыльником. Кургузый перепел выбросился из куста и курлыкнул на взлете. Вскидка ружья и выстрел. Охотничий трофей лежит на щетине жнивья.

Гулом выстрела встревожена стая грачей. Издалека закипел тревожный грай. Громогласно протестуют птицы против нарушения утренней тишины.

Все смолкло. Уселись угомонившиеся птицы. И снова слышен мечтательно-сонный «бой» перепела: «Спать пора!.. Спать пора!..»

В немом безмолвии неведомо откуда раздается протяжный свист. Невольно запрокинешь голову и посмотришь на небо. В вышине красиво летит птица с длинным загнутым клювом. Самый крупный кулик нашей фауны — кроншнеп — не певец. Но сейчас по-вешнему громко оглашает музыкальным свистом просторы лугов и поймы. Охотничьему сердцу трогательна певучая прощальная грусть кроншнепа. Раньше всех птиц отлетают на юг кроншнеп и мухоловка-пеструшка.

Еще за неделю до начала охоты, в последнюю пятидневку июля, над приволжскими древними курганами у станции Скнятино свистели и летели по зорям кроншнепы. В устье реки Печунхи мы ловили рыбу и ночевали на берегу. И каждый день пролетали над нами певцы высот, гармоничным посвистом прощавшиеся с северной родиной.

Кроншнепы улетают на виду охотников и рыболовов. А кукушки исчезают втихомолку и в одиночку. Вещунь-

иных стай не увидишь. Кукушка кукует до ячменного колоса, а как завидит первые желтые листья на березе — и... до свиданья! До весны улетает в теплые края.

Кулички не торопясь подвигаются к югу. Залетают на отмели рек и озер, голенастыми ногами воду меряют. Пересвистывают и что-то клюют.

Отлетели стрижи и мухоловки-пеструшки. Собираются в стаи ласточки, облепят березу и без умолку щебечут, словно сговариваются улететь в дальний путь-дорогу.

На брусничнике

Замглел безветренный воздух просторных полян. В легком тумане на опушку, как живые, вышагнули в немеркнущей зеленой мантии стройные красавицы елки. Далеко проглядываются по низу их смолистые, шершавые стволы. Между деревьями пробежал хохлатый рябчик и скрылся в кустах. Нежнопалевые купыри, кружевные листья земляники, фиолетовые перья лизун-травы, яркий пурпур толокнянки. Удивительное художество осени. За гриб примешь красный лист осины. Без умолку шуршат под ногами опавшие листья берез.

Листопад полный... Идешь в тишине, и уха коснется трубный звук. Откуда? Долго всматриваешься в синюю глубь неба и вот увидишь: высоко-высоко, словно бусы, провисают улетающие журавли. Трубят журавли. Тревогу бьют, последнее тепло уносят.

Набат птиц оглашает задумчивые дали Подмосковья.

А под ногами какая прелесть! Мшистые кочки усыпаны багряным бисером спелой брусники. Присядешь, как на подушку. И вот они рядом, целыми горстями бери карминные кисти брусники. Лень охотнику подняться, а надо спешить за собакой.

Морда пойнтера уткнулась в рисунчато-бронзовые вайи — пильчатые листья кудрявого папоротника. Пес почуял не видимые охотнику следы тетеревиных набродов. Лесные куры ходили — наследили.

Собака ведет охотника по нарядному перелеску. Укротился пыл невысокого солнца. А тени, тени без конца... Длинные-предлинные... Изрешетили вдоль и поперек поляну. Многокрасочны на солнце некоси блеклых трав. В тиши слегка греет лучистый припек. Еще шаг вперед — и поразительный контраст. Холодок уже освежает разгоряченное ходьбой лицо. Сапоги охотника обильно покрываются росой.

Шерстится курчавая зелень вереска с лилово-розовыми султанчиками. Не расстанешься с этими поздними цветами. А тут еще сюрприз. Заманчиво уселся на мху гриб боровик со светлокоричневой округлой шляпкой. Но некогда охотнику любоваться. Он срезает гриб и торопливо прячет в охотничий ягдташ. Промелькнет бабочка. Выглянут пятиконечные белояркие звезды лепестков. Еще цветут белозоры — «солнечная роса». Заглядишься на эти родственные жасмину душистые цветы. А собака уже застыла в классической позе... Стойка! Дрожащий хвост вытянут, глаза уставились в одну точку. Пойнтер как бы указывает, где дичь. Впереди зеленеет пышный можжевеловый куст.

...Громкий трепет крыл. А цели нет. И вон она где вынырнула, угольно-черная, краснобровая птица. Далеко сорвалась за кустами и стремительно летит по березам. Волнующий момент.

Рука сжимает ружье, указательный палец на спуске. Мушка опережает полет. Гремит дуплет. В воздухе повисают сшибленные зарядом желтые листочки. Они тихо падают наземь. А что это? Какие-то невесомые листья взмыли кверху и легко летят все выше и выше. Ага, это перья! Дробь, видимо, не миновала птицу.

— Назад! — кричит охотник и без оглядки бежит по кустам.

Развесистые березовые ветви ударяют по лицу. Сквозь узоры листвы виднеется знакомая картина. Собака наклонилась, а под ней трепыхается, бьет крыльями черныш. Опрометью подбегает охотник. На траве — старый петух-косач. Редкий трофей сентябрьской охоты.

Не всегда доводится в сентябре добыть старого тетерева. Обычно косач убегает из-под стойки собаки под заслон кустарников.

...Меркнут и блекнут поляны. Снуют и шелестят стеклянными крыльями стрекозы. Кругом умиленная дрема увядающей природы.

Под ногой шуршат опавшие листья. Настороженный слух ловит мелодию лесной капели. Запоздалый напев пеночки-теньковки: «пинь-тень-тинь». И так без конца. Улетает и веселит на прощанье певунья. Иллюзия лета в сонно-золотом лесу сентября.

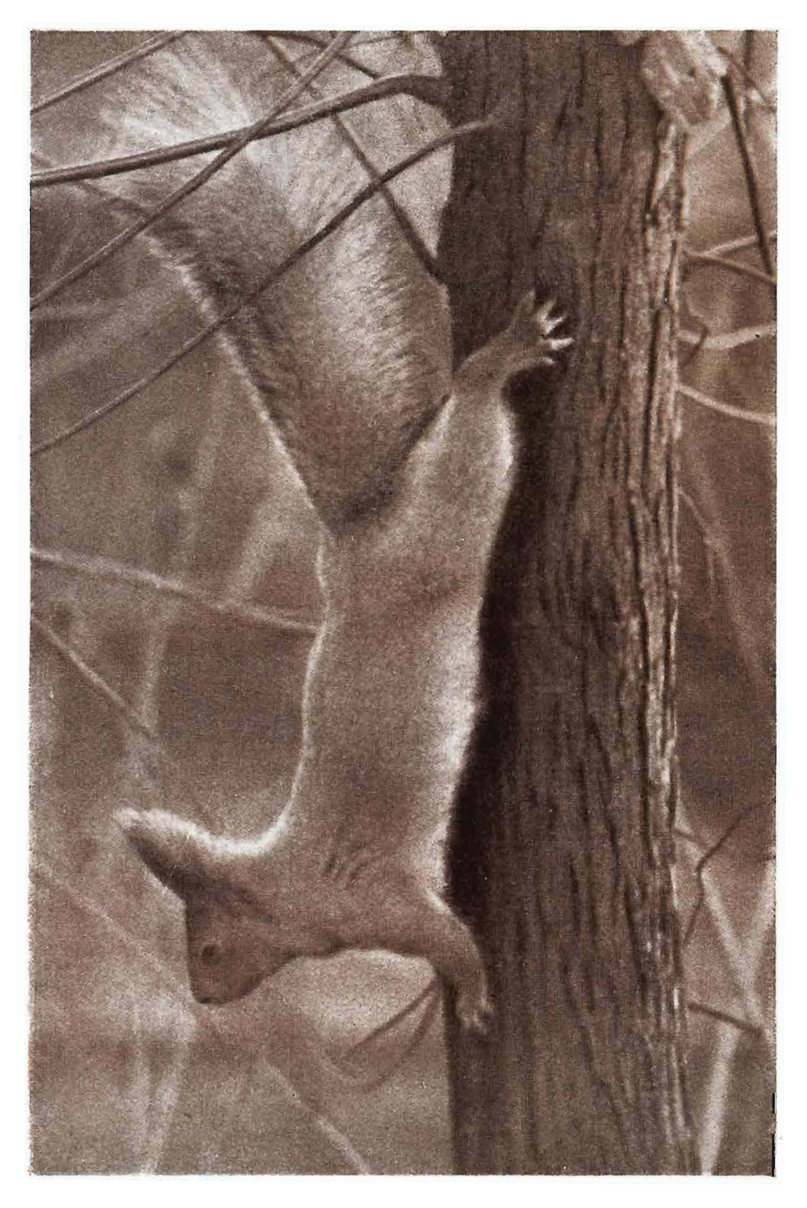
В камышах Московского моря

Меркнут цветы в лесу, вянут и блекнут травы на суходолах. А на воде еще красуются бело-розовые зонтики сусака, мутовки стрелолиста, корзинки ядовитого веха и омежника, малиновые тройчатки плакун-травы (дербенника), розовые початочки водяной гречихи. На Московском море неувядаемо зеленеют непроходимые джунгли тростников, камышей, рогоза, касатика, душистого аира.

Не волнуется светлая, холодная вода. Ветер, а волны нет. Дивиться тут нечему! Это осень. На гибкие тростники лепятся вереницы отлетающих ласточек. Неправдопо-

Над плавнями.

Дары леса.

До чего же резва игрунья!

добно густа, зелена заросшая пойма. Бархатисты шоколадные початки высокостойных рогозов.

А посмотришь на лес — увидишь приметы осени. Лимонная роща берез. Низко ходит солнце. В тени уже не сохнет трава.

Но еще ликует ясный день. По прибрежным травам и кустам играют солнечные «зайчики». Не греет лишь холодный свет воды. Он только сильнее слепит глаза.

Над головой необъятная васильковая синева неба.

Высоко клубятся светлые кучевые облака. Белые громады, как воздушные замки, плывут в ясной лазури. Облачные панорамы и снежные комья чаек причудливо отражаются на зеркальной глади широкого плеса.

Наступил самый оживленный сезон охоты.

Подросли утиные выводки. Все утята «на крыле». Вылиняли в «брачное перо» цветистые красавцы — кряковые селезни.

По зорям пернатые эскадрильи реют над стогами, тянут от воды к хлебным полям. Самая интересная охота на утиных перелетах! Холод торопит птиц. Оживленно подлетают из Заполярья северные стаи непуганых уток.

Днем новичок подойдет к заливу, посмотрит на зеленый лес камышей, тростников, осок, уныло подумает: нет тут никакой жизни. Ни звука, ни взлета. Пустое место. Только в высоте парят зоркие ястреба. Обманчивая эта тишина. Ложное разочарование. Ястреба неспроста летают. В пышно зеленеющих зарослях таятся утки. Вечером оживляется водоем; зарею начинается шумный подъем птиц. Всей стаей улетают утки на ночные кормежки — в поля и на мелководье. А утром врозь возвращаются обратно. Охотники знают эти утиные повадки и стреляют уток по зорям на перелетах.

Замечай утиную трассу, становись лицом к заре, не зевай бить в лёт.

За зеленой гранью прибрежных высокотравных джун-

глей на чистоводье Московского моря собирается в сентябре настоящий «птичий базар». Кишат нырки разных пород, которых не было видно летом. Появились незнакомцы с севера: крохали, турпаны, сауки, морская и хохлатая чернеть, лутки, синьга.

Московское море — удобное перепутье на магистрали великих перелетов птиц. Весной и осенью здесь отдыхают утки, гуси и лебеди.

Любо пробираться на лодке в травянистых джунглях. Сонно дремлют непроглядно густые заросли. Тихо перешептываются с зыбкой струей чуткие тростники.

Случилось нам пробираться однажды с вечера в благоухающих прериях на островке Московского моря. Ветерок всю ночь доносил до нас необычайно сладкий, приятный аромат. Под утро сели в шалаш на утиную зорю.

Рассвело. Видим: кругом светлозеленые, высокие, душистые заросли болотной травы, вроде камыша. Выдернули ползучее корневище, попробовали — ароматное и остропряное на вкус. Это лекарственный аир, известный в медицине «ирный корень».

Берега и острова Московского моря летом и осенью пахнут душистым аиром. Простор, тишина, водная гладь, роскошная зелень.

Где мелко, бродишь в сапогах, выпугиваешь из травы уток. Волнующие впечатления захватывают охотника-утятника, неутомимого гребца и ходока. Штурмом берутся любые препятствия: трясины, топи, цепкие паутины водорослей. Словом, тут целый комплекс спортивных упражнений.

По камышам, тростникам, хвощам и осоке нелегко пробираться на лодке. Преграждают путь водоросли, подводные кочки, тайные отмели. Но заставляет все превозмогать охотничья страсть.

Щетинятся зеленые листья телореза. Это наше самое крупное плавающее водяное растение, похожее на троп-

ческое алоэ. Загадочно ведет себя это растение-пырец: всплывает в начале лета во время цветения, потом снова опускается на дно. В конце августа телорез всплывает, образует розетки новых листьев и поздно осенью опять тонет до весны. В низкой этой траве лодка — как во льдах. Застопорится — и не сдвинешь, ни назад, ни вперед. Неприступная крепость! Изо всех сил налегаешь на весла и медленно выбираешься из цепких зарослей.

Охота с подъезда хороша только в ветер. Бойкий ветерок шаловливо расчесывает гривки гибких тростников. Издалека доносится кряканье жирующих уток. А где они — не видать. Стена-стеной дыбятся тростники.

В тихую погоду добычливой охоты с подъезда не жди. По джунглям камышей и тростников только в ветреный день под шелест метелок подберешься на верный выстрел к затаившимся уткам. Курс держать против ветра. Помни: на взлете кряква поднимается тяжело, а выровнит полет — уходит быстро.

Хорошо отстоять утиную зорю на берегу моря. Вечер ясен, и тиха розовая вода. Затравенели заводи и протоки. Прелестны эти охотничьи уютные интерьеры. Заранее примечай излюбленные воздушные дороги, по которым летят птицы с дневок на ночные жировки.

Как заросло Московское море! Увлекательно бродить с ружьем по тенистым потемкам чащобы, слоняться по колыхающимся зеленым коридорам водяных трав. Есть где замаскироваться.

...Догорает заря. Смеркается... Темно в зеленых стенах дремучих трав. Сонный гуд комаров. И вот... «вих, свих, вихс...»

В воздухе слышится тонкий пересвист. Он предупреждает охотника: «готовься!» Быстро летит стремительная кряква. Сто километров в час! Почти не заметно взмахов крыльев. Но еще быстрей летят чирки. Вот птица все ближе и ближе. Стволы ружья обращены кверху. Охот-

ник прицеливается. А птица не ждет, стремглав несется. Недаром охотники называют чирков «чортовой почтой».

Соображаешь, как целиться. В этом секрет меткого выстрела в лёт. Ловишь момент. Определяешь на глаз, насколько нужно вынести мушку вперед утиного носа, чтобы заряд точно угодил в цель. А сумерки уже сгущаются, видишь плохо. Поневоле приходится торопиться, учитывать силу ветра, быстроту полета, расстояние до цели. И на все это дается один миг. Удалая стрельба в лёт!

Удача веселит, но и промах не печалит. Раз от разу развивается меткость. Опытные охотники бьют без промаха. Иной раз сам удивляешься: ударишь, глядишь—закувыркалась утка в воздухе. Новичку непостижимым кажется точный снайперский выстрел. Но поражаться тут нечему. Опыт приобретается годами.

На дупеля и бекаса

Солнце. Ласточки. Цветы вянущих трав. Наступило время остановок, а по-охотничьи — высыпок болотной дичи на пролете.

Неоглядны подмосковные луга, поймы и болота. Прекрасны эти угодья для охот с легавой собакой на дупелей, бекасов и гаршнепов. Спортсменов чрезвычайно увлекает эта интересная, хотя и довольно сложная стрельба по мелкой дичи. С августа и до октября гремят в заливных лугах далекие выстрелы.

...По-весеннему зеленеет осока в низинах. Впереди охотника снует красивый сеттер. Говорят: он словно «ходит на вольтах». Вот золотой пес картинно вытянулся и окаменел «в стойке» среди кочек.

«Вперед!» Собака тронулась. И вот из-под самой мор-

ды ее взлетает, как бы нехотя, лежебок-дупель. Ленивая птица словно от натуги крикнет: «ва-вак» — и летит низко, спокойно. Стрельба по этой птице доступна даже начинающим стрелкам. Охотиться на дупеля лучше в ясные дни утром и вечером, в ненастье — весь день. Дупель — самый лучший вид пернатой дичи для полевой школы молодых собак.

У кого нет собак, тому сподручен оригинальный способ охоты вдвоем, как говорят, «на веревочку». Охотники привязывают веревку к поясу и, волоча ее по траве, выпугивают дупелей.

Сырых болот дупель не любит, держится больше в потных луговых кочкарниках. В дождь его можно найти в некосях, яровых полях, в клеверниках. Эта птица безвылетно засиживается в постоянно обитаемых местах и к концу лета заплывает салом.

Другое дело — вертолеты-бекасы. Они, как и утки, летают на кормежки. В луговых болотах за ними можно охотиться круглый день.

Бекас летит быстро зигзагами и почти неуловим для охотника. Выстрел навскидку — верный промах. Бекас взлетит и тотчас уже выпрямляет полет. Целиться в него надо с большой выдержкой. Но подчас не утерпишь, погорячишься и выстрелишь. Птица с угла начинает выпрямлять полет, а ты рад, думаешь — падает. А бекас понесся дальше. Смотришь, а он уже набирает высоту, кричит «кхетч». Сверкает только белое брюшко. Заберется высоко-высоко и крутится за компанию с ласточками.

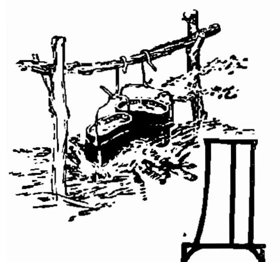
В заливных лугах Подмосковья прячутся выводки «красной дичи», — так называют болотных куликов: бекасов, дупелей и гаршнепов. Сентябрь — месяц их пролета, в октябре — отлет. Ласковое «бабье лето» — это дупельная погода.

Искать с легавыми собаками болотную дичь — самая волнующая и интересная из всех летних охот по перу.

Рыболовная здравница

Синее небо, и сумрак, и тишь.
Смотрится в воду зеленый камыш.
Полосы света по речке лежат.
В золоте тучки над лесом горят...

И. Никитин

Догорает заря. Под сенью деревьев густо темнеет вода, и тогда еще яснее отражение берегов. В кустах разгорается костер, далеко видный по разливу. Вьется дымок, отгоняет комаров. Вкусно пахнет свежая уха. Бурлит котелок. Уютен привал ночующих удильщиков.

Ласковая тишь, пряные запахи трав и водорослей. Тихий затон дремлет в сосредоточенном молчании теплого вечера. «Спать пора», — уговаривает перепел рыбаков, но не унимаются, удят вдохновенные энтузиасты — «робинзоны» с удочкой.

Ясный лик месяца всплыл над зеленой гаванью рыбацких лодок. Лунная дорога протянулась по заливу от рыболовной станции «Правда» до островов Пестовского водохранилища. Над зеркальной гладью склонилась ветвистая ива.

А вот прославленная Березовая роща, пристань катеров и пароходов. Рыбацкие лодки выстраиваются на ловлю. У каждого рыболова — свои излюбленные места. Он по березам замечает, где лучше пустить кружки с живцами на судаков.

На закатном небе зажигаются звезды.

Рыбаки — внимательные слушатели вечерней тишины. Они сидят при свете звезд, зорь, лунных ночей. Красные кружки плавают, словно утки. В красном созвездии вдруг показался белый кружок. Сигнал поклевки! Настораживается рыбак, весла на воду, гребет к месту «тревоги». И вот перламутровый судак трепещется на дне лодки.

В природе сентябрь — вечер года. Угасают краски обветшалых цветов на суходолах, а на водяных растениях до осени распускаются новые бутоны. Цветут стрелолист, розовые колоски водяной гречихи, белые зонтики сусака, ядовитого веха и омежника. Не любят рыбаки дудчатые стебли ядовитого веха. Они отравляют воду, и от этого гибнет рыба, в особенности караси.

Хорошо провести зорьку возле затихшей, ясной воды. Высоко над головой вереницами летят на юг журавли и гуси. Птицы улетают, а на реке еще распустились яркие лепестки надводных цветников. Зеленеют неувядаемо-сочные осоки, тростники и камыши. А на отаве по утрам уже серебрится иней. И все меньше становится водяных насекомых. Затонули на дно водяные травы и семена. Лучше видна насадка на крючке рыболовов. Оживляется клев рыбы.

Хорошо уже ловится по ночам налим. Он любит тьму и боится даже света луны. Донный полуночник все лето отлеживался в тени кустов, в глинистых ямах, под карягами у круто нависших берегов. И вот теперь проснулся лежебока, словно кто ему подсказал, что в осеннее равноденствие ночь стала длиннее дня.

В холодную, ненастную погоду еще сильнее будет налимий клев. В сентябре — лов удочкой окуней, плотвы, язей, лещей, а на кружки и спиннинги — судаков, сомов, шелесперов. Хорошо ловятся крупные голавли на земляную зеленую лягушку. С вечера косяки судаков поднимаются из ям и плывут против течения, а утром возвращаются обратно. Это нужно знать рыбакам, чтобы правильно выбрать место для лова.

Легче дышится на открытом воздухе. Любо наблюдать краски и слушать голоса живой природы. По лесным берегам можно собирать грибы, ягоды, цветы. Из десяти спортивных станций рыболовного общества Пестовская выделяется особенной красотой прибрежных пейзажей.

Когда рдеет огонь рябин...

Природа вся полна последней теплоты...

А. К. Толстой.

Наступают сухие и тихие дни первоосенья. Еще тенит густолистая сень берез, краснеют яркие осины, рдеет огонь румяных рябин. По всему лесу разносится звонкий переполох дроздов-рябинников. Встает ласковое солнце. В прозрачном воздухе светлее задумчивая даль лесов. Выше раздвинуты лазурные горизонты сентябрьской просини.

В климате Подмосковья повторяет раннюю весну теплое «бабье лето». Дупелиная погода. Ясных дней больше, чем в марте.

Невозмутим неподвижный воздух даже в открытом поле. Не шелохнется ни одна былинка, не качнется листок. Летит серебряная пряжа-паутина. Плывет, вьется, цепляется за кусты, травинки, жнивье. А в елках пахнуло ароматом рыжиков, хвои и смолы.

И вдруг... прелестная улыбка лета. По-весеннему ведут себя самые упрямые отщепенцы дикой флоры. Поздно цветут, распуская новые бутоны, лилово-розовый вереск и бело-розовая андромеда в борах, «золотые розги» желтоцвета и полынь на суходолах. До морозов стоят малиновые шапки хладостойкого татарника — чертополоха.

Красным бисером в борах рассыпалась брусника, в моховых болотах поспела клюква, созревают витаминные ягоды шиповника.

...Догорают цветы, вянет листва. Но как бы впитали в себя краски лета розовые и краснобокие яблоки.

Благодатны теплые осенние ночи. Прекрасны голубые дни «бабьего лета».

Сентябрьское утро полно прелести. Золотом подернулись пылающие верхи бульваров и парков. Трогательно звенят утренние концерты у скворечен. Это семейные спевки скворцов перед разлукой с родимыми гнездами.

Солнечные дни благоухают яблоками и цветами, блистают нарядной листвой.

Сентябрь в Останкине

Древний ряд дубов цветет...

А. Пушкин.

Живая история Москвы прекрасно сохранилась в этом легко обозримом зеленом музее природы и искусства. Радостное волнение охватывает человека здесь, «в тени хранительной дубравы»...

...У рощи синеет пруд. По воде скользят лодки, у берега застыл рыболов с удочкой. А напротив — вечный покой старины — дворец в дубах.

Людно у входа в тенистый парк. Широкая и прямая, как стрела, аллея высоких деревьев уходит далеко-далеко. Зеленый проспект! Конца не видно ему. Посетители словно читают живую книгу природы. Ведь в Останкине, как и в Кускове, вековые деревья являются памятниками древней природы Подмосковья.

Дубы — краса доисторических ландшафтов Подмосковья. Москва — северная граница распространения этих деревьев. И в Останкине «древний ряд дубов цветет». Западнее парка, за прудом, красуются три вековые дубовые рощи. Вот они, свидетели ушедших веков — великаны-дубы в возрасте полутораста — двухсот лет. Они поражают своим зеленым могуществом.

...Приятно побродить в этом заповеднике Останкинского дворца. Высятся еще и сейчас деревья, посаженные до начала постройки дворца. Рядом с дубами — до

десяти вековых лиственниц. Клены и ясени так же стары, как сам дворец.

Западнее древней церкви тенистая аллея лип тянется на четверть километра. Она уходит вдаль к горизонту, к голубому небу, виднеющемуся в просвете вершин. Деревья еще зелены, но уже роняют первые желтые листья.

Декоративный пейзаж Останкина прелестен в эти задумчивые дни сентября. Величава в дубах русская золотая осень. Тиха и покойна вода в зеленых берегах. Плавают листья. Ветвями склоняясь к пруду, нависли кроны деревьев.

А на берегу пруда примостился с палитрой художник. Охотник за пейзажной натурой зарисовывает уголок природы.

Дремотное зеркало пруда отражает осенний наряд рощи. Смолк песенный гомон птиц. Шуршит под ногами цветистая листва. Солнце «бабьего лета» играет в неувядаемо зеленых вершинах дубов.

Из всех подмосковных старинных усадеб особенное внимание любителей природы и искусствоведов привлекает ансамбль Останкина. Это — один из немногих в стране, целиком сохранившийся в неприкосновенности выдающийся исторический памятник русского архитектурно-паркового строительства.

Красивой легендой-былью овеян этот чудный дворец, связанный с именем талантливой крепостной актрисы Параши Жемчуговой, необычайная судьба которой нашла отражение в широко известной народной песне: «Вечор поздно из лесочка...»

Шумят величественные останкинские дубравы, среди которых сохраняется жемчужина русского зодчества — Останкинский дворец-музей. Нельзя без волнения глядеть на это изумительное художественное совершенство — результат великого созидательного труда народных мастеров.

Богатырская удочка

Один в году такой спортивный месяц, когда лучше всего ловить рыбу на спиннинг. Это — сентябрь.

Деревья гурьбой подступили к самому берегу, червонными вершинами заглядываются в синюю гладь реки. Легкая зыбь рябит зеркало плёса. Ломаными тенями шевелятся отражения густых ветвей. Скользят по воде тени снежных чаек. В синеющей высоте ходят редкие облака.

...Ясен день... Тихо светится вода. В лодке стоит рыбак. Он относит руки назад, размахивается и далеко забрасывает лесу. Слышится легкий всплеск. Удочка у рыбака не простая. Удилище с колечками, катушкой для лесы, и на конце блесна. Ловля на спиннинг — это самая интересная и увлекательная спортивная охота. Можно сказать — высший класс рыболовства.

У спиннингиста превосходно развиваются мышцы, глазомер, ловкость, меткость. Лов на эту богатырскую удочку составляет целый физкультурный комплекс. Периодически проводимые московским обществом «Рыболов-спортсмен» соревнования спиннингистов выливаются в массовые водные турниры.

Плавным и сильным движением спиннингист со всего размаху забрасывает леску с грузом и быстро вертит катушку. Леска наматывается, серебристая блесна вертится и создает полную иллюзию игры живой рыбки. Хищная щука гонится за блесной и хватает ее своей зубастой пастью.

Удилище гнется, леска натягивается струной, по руке счастливого рыбака как бы пробегает ток. Непередаваем этот волшебный миг уженья. Еще более волнующий момент — борьба с крупной рыбой. Она бьется, пытается уйти вглубь, и удильщиком овладевает азарт.

Этот спортивный моцион (сотни забросов до упаду, до изнеможения) венчают увесистые трофеи: шелесперы, щуки, сомы, окуни, судаки и северные лососи.

Не надо ни червей, ни мальков, ни живцов, ни опарыша, ни каши. В этом преимущество спиннинга перед всеми другими снастями. Он совмещает все способы лова: на донки, на кружки, на «дорожку», на «тюкалку» и перемет.

Но бывает и незадача. Непоправимая беда, если испортится катушка или удилище. Остроумная снасть перестает работать, и тогда на реке вам нечего больше делать. Ступайте домой. Но и такие огорчения не умаляют преимуществ спиннинга.

Спиннингисту пристало быть ихтиологом и фенологом. Знание повадок хищных рыб обеспечивает успех. Нужно также знать, какую блесну где и в какое время закидывать. Блесны бывают разные. Опытные рыболовы утверждают, что щуки, например, лучше попадаются на блесну марки «успех». Голавля и жереха скорее поймаешь на «трофимовку». Где выручит «байкал», где «дэвон». А повезет — клюнет и на немудрую «ложечку». Каждый спиннингист — искусный изобретатель, сам придумывает «конструкции» самодельных блесен.

На реке рыболова часто развлекают неожиданные события. Вон у отлогого берега под водой виднеется мраморно-зеленое бревно. Никогда не подумаешь, что это старуха-щука затаилась на дне отмели. Она спрятала зубастую пасть, еле шевелит жабрами, ждет. А голенастые кулички бродят по чистому песочку и не чуют беды. Свистунчики утомились на перелете, присели на бережок и рады дать крыльям отдых. Они идут вброд и меряют клювами воду. На чурку не обращают внимания.

Вдруг шумный всплеск взметнул каскад жемчужных брызг. Не все взлетели кулики. Одного — как не бывало. Щука проглотила оплошавшую птичку.

Чем жаднее рыба, тем охотнее она поддается на обман спиннингиста. Вода отцвела и посветлела. Игривая блесна ясно видна в прозрачных струях. Она соблазнительна для хищных рыб. В сентябре прожорливая щука жаднеет и хорошо ловится на спиннинг. По статистике опытных рыболовов, в подмосковных водоемах на одну поклевку в сентябре падает 70 забросов, вместо обычных 102.

Удалой спорт, богатырская удочка!

Осенняя краса цветников

Дни все короче. Холодным блеском мерцают во тьме звезды. А поутру искрится на траве серебряный иней. Всходит солнце и гасит белые следы ночи.

На виду еще остается память о лете: цветут клумбы, растут грибы, летают скворцы и грачи и даже запоздавшие ласточки.

В румяных листопадах еще краше бронзовая листва садов и парков. Лучи солнца пронизывают дорожки аллей и желтые листья, огоньками топазов вспыхивают в вершинах деревьев. По московским бульварам шагает тихая осень.

Никогда еще москвичи не видели столько цветов. Несравнимо с прошлыми годами великолепие зеленого зодчества. По центральным площадям Москвы будто разостланы необыкновенные ковры. Живая мозаика цветников еще по-летнему ласкает глаз любителей природы.

Особенно заметно выделяются декоративные причуды садоводства — вишнево-бархатные бессмертники-амаранты. Прохожим в диво эти мохнатые жгуты сросшихся лепестков. По колеру они похожи на цвет свекольной

ботвы, по форме напоминают темнокрасные метелки своеобразной тропической лебеды.

Прекрасный бессмертник-амарант завезен в Европу из Ост-Индии в 1596 году. Это яркое растение имеет свой особенный, неповторимый оттенок. Темновишневая лебеда до поздней осени оживляет пейзаж раздетых садов и парков. Бессмертнику и осень — весна. Сушеное растение сохраняет и форму, и свой амарантовый цвет. Отсюда и ботаническое название «амарантос» — непортящийся, неувядаемый.

Поэты, начиная с Гомера, воспевали амарантовый цвет бессмертия: он, как верный друг, приходит утешать, когда все цветы уже поблекли.

Бурьян Индии — это родственник замечательным вишневым и темномалиновым «петушьим гребешкам». Прелестные разновидности их красовались на московских цветочных выставках.

Только через 250 лет после вывоза из Ост-Индии «петушиные гребешки» стали такими крупными, как теперь.

В Главном Ботаническом саду выведено до трех тысяч сортов чудесных роз. С астрами и георгинами до морозов цветут полиантовые чайно-гибридные и штамбовые розы (на подвое шиповника). Первые розы Сирии попали во Францию в 1270 году, во времена IV крестового похода. Теперь их развелось свыше шести тысяч сортов.

Царица маргариток — астра прислана в Европу в 1723 году из древней столицы Китая — Пекина.

250 лет живет в Европе китайская гвоздика (пестрая). Завсегдатаи наших садов — яркопурпурные шары — кохии — это тоже дар Китая.

Ботанический сад передал на озеленение городов СССР миллион растений, в их числе 1 900 роз.

Заря-зарей пламенеет летом центральный цветник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Огромные клумбы красуются в скверах Большого театра, на площади Коммуны и площади Дзержинского, на Болотной площади, на Цветном бульваре.

Не перечесть, сколько вновь возникло уютных интерьеров садовой зелени. Клумбы и рабатки на миниатюрных московских двориках. Именно здесь необыкновенно ярко проявляется возрастающая любовь москвичей к цветам.

Под косыми лучами заходящего солнца горят желтые созвездия «золотых шаров». В сумерки на клумбах зажигаются костры цветов — багровые и синие лобелии, астры, георгины, красные факелы крупных канн. Неугасим вечерний огонь бегоний.

А за городом еще собирают грибы. После первого заморозка уцелели одиночки поздней флоры — красные луговые васильки, лекарственный донник, ромашки и поповник, золотарники, лилово-голубые колокольчики...

Из жнивья выглядывают «анютины глазки», «пастушья сумка», «чижев глаз». Сорнякам всегда весна.

ОКТЯБРЬ

Октябрь — первый суровый месяц холодного северо-восточного ветра — листобоя.

Просвечивается насквозь лес. Редеют вершины. Солнце сжигает, ветер срывает листву. В прах повергнута вся краса леса, что летом давала освежающую тень, зеленым шумом покоила слух. Только шорох и шелест лиственных ворохов под ногами подчеркивают таинственную тишину опустевшего леса.

В октябре сбор шиповника, калины, рябины, можжевельника, черемухи, клюквы, а также лекарственных растений — ландыша, красных «волчьих ягод» жимолости, «волчьего лыка», сизо-черного «вороньего глаза». В октябре, кроме ягод, собирают еще семена орешника, бере-

склета, клена, граба, бука, бузины, ольхи, ясеня. В ямы сажают саженцы.

Октябрь — «месячник сада».

Последние цветы покачиваются под ветром, будто все еще надеются на ласку солнца. И больше всех удивит поваленный листвой лилово-голубой колокольчик. Лежит в канаве и цветет... А уже время убирать с пасеки ульи в омшаник.

Видимо и невидимо, днем и ночью, стаями и в одиночку, от реки до реки, от куста к кусту, от поля до поля летят перелетные птицы севера до экватора, до Нила, до Ганга, до рисовых полей Индии и Бирмы.

Сентябрь пахнет яблоками, октябрь — капустой. Срубают поздние сорта. Исстари приметный «день-капустник» — 7 октября — последний срок третьей очереди грибов боровиков, листопадников. Позже всех, до 22 октября, растут хрупкие сыроежки. Барсук в норе. Линяет беляк. Покров день — 14 октября — последний сбор плодов и грибов: груздей, рыжиков и свинушек. Дни все короче, ночи длиннее и темнее. Улетают лесные голуби и вальдшнепы.

Вальдшнепы и белые грибы в раздетом лесу встречались москвичам до начала ноября. Редко, но бывало незапамятное грибное зазимье. Счастливые «странники» набирали в эту пору полные корзины молоденьких боровичков. Маститые сборщики помнят необыкновенный урожай грибной осени после сухого лета.

По народному календарю октябрь — месяц «грязник». Осенняя распутица, бездорожье на проселке. Ни колесу, ни полозу ходу нет. Одни охотники только ходят по чернотропу за зайцами. Им всюду путь.

30 октября — средний срок замерзания прудов Подмосковья. Но рыболовы еще неразлучны с реками и озерами. Хорошо на блесну ловятся окуни, на кружки — щуки и судаки, на донки — налимы.

В листопад

...блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, легкий шелест.

Ф. Тютчев.

Лес пожелтел. Грибникам и охотникам приятно ходить по нарядному чернолесью. Без ветра трепещут осины. Тих томный шелест берез. Вспыхнули оранжевые созвездия кленовых листьев. Изредка мелькнет под ногами сине-алая сыроежка. Назойливо напрашивается в корзину красный мухомор.

Выползла и клубком свернулась на пне змея: летом привыкла греться в жарких лучах. Но уже остыл свет, слабо греет солнце. Холодок ознобил змею. Заегозила гадюка и уползла под корни пня на зимний сон.

«Октябрь уж наступил...» Шорох падающих листьев пугает зайца. Трусит косой, погоня по пятам мерещится, кажется, что крадется из-за куста лиса или волк. Не лежится зайцу в чаще, бежит белоногий на вырубки, в хвойники, в овраги.

Далеко слышны шаги охотника. Шуршит рыхлый лесной ковер... Пылают костры листопада. Настала поздняя пора увядания и истомы в природе. «Неопалимая купина» осени. Только и тешит взоры немеркнущая краса — зеленеющий дремучий бор.

...Тихо в лесу. Охотник шагает, то скользя по опавшей хвое, то утопая в мягком бархате моховых кочек. Задумчив хвойный бор. Ухо улавливает тонкий обрывистый свист рябчиков. Весну вспоминают. В эту пору добычлива охота на этих лесных отшельников.

Туго набили зобы глухари, тетерева. Невидимо сидят, нахохлившись, сытые птицы в голубовато-синих ягодных кочках. Только собака найдет их убежище. Чует она тонкие черточки птичьих лапок на траве.

Умный пес осторожно ставит лапы, будто боится помять вянущие листья бронзового папоротника. За собакой идет охотник.

Пухлыми перинами полегли седые мхи, а по ним волнами переливаются зрелые ягоды красной клюквы. А на кочках — как на клумбах: черничник и брусничник, фиолетовая лизун-трава и голубика, пурпуровая толокнянка. Зардели стебли зверобоя и ивовые листочки иван-чая.

...Хлопают мощные крылья. Охотник всматривается в ягодник. Оттуда грузно поднимается огромная птица. Торчат лапы, вытянуты крапчатый хвост и толстая бородатая шея с зеленоватым отливом. Глухарь! Плавно лавирует птица между ветвей и уходит в хвойную синеву. Спокойно опускается ружье.

Запретная дичь! Сеттер укоризненно косится на охотника.

Стрелок ищет в лесу вальдшнепов...

Прилет их замечают не только охотники. «Валешни потянули!» — скажет колхозник, увидев в розовом сумраке апрельского вечера красно-бурую птицу.

А в октябре лесной красавец невидимкой улетает от нас, и не стаями, а в одиночку, так же, как кукушка или козодой. И тогда-то бывает интересна охота в припольных лесах и оврагах, где обычно отдыхают птицы. Любят они залетать в старые сады и парки.

Но вальдшнепов ищут не во всяком лесу. Молодые хвойные и лиственные поросли, припольные кустарники, опушки, перелески, молодой дубняк, склоны лесных оврагов — вот где найдешь «высыпки» вальдшнепов.

...А вечера! «Есть в светлости осенних вечеров умильная, таинственная прелесть!» Притихли рощи. В лесу играют краски листопада.

Не спеша бредешь под тихой сенью. Кругом задумчивая тишина. Только дятлы стучат и вкрадчиво посвистывают синицы. Бесшумно падают листья на поблекшую

траву. Сорвется кленовый лист и долго кружится в воздухе, будто место выбирает, куда лучше упасть.

Красавец сеттер ведет охотника по цветистым кустикам вереска. Впереди улепетывает вальдшнеп. Осенью птицы не таятся, надеются на крыло, порой и близко подпускают охотника. Осенний сытый и смирный вальдшнеп укрывается в пышных кустах папоротника. Но вот собака сделала стойку. Подняла голову, вытянула дрожащий хвост. Волнение собаки передается охотнику.

Ружье на вскидке. Смотри да смотри за взлетом птицы. Вальдшнеп мастерски лавирует между ветвей. Он умеет выпорхнуть из-под ног, взлететь вокруг ствола к вершине дерева и скрыться с глаз. Трудна стрельба в чаще. Иногда стреляешь, не видя цели. Но бывает и такое счастье... После выстрела услышишь, как что-то тяжелое упало в зашуршавшую листву. Подбежишь и поднимешь теплую птицу.

Но иногда приходится долго искать убитого вальдшнепа. Его трудно отличить от листа. Кофейно-красного цвета оперение сливается с опавшей листвой.

Рыжая метель

Вянет лес. Корни не подают больше сока, и солнце уже стало не нужно деревьям. Перекрашивается, желтеет зелень.

...От родимой ветки оторвался и полетел золотой лист. Падая, он долго кружится, норовит примоститься на шляпку гриба. И сборщики точно на палубе ходят под яркими парусами кленов. Под ногами шуршат цветистые вороха опавшей листвы. Кругом шорох и шелест. По лесу будто расхаживает и пугает зайцев таинственная невидимка.

Словно на маскараде стоит сизо-зеленый куст можжевельника. Уже не ловятся ни комары, ни мухи в пустые тенета паутины, а висят на них одни листочки. Облетает яркий наряд деревьев. Долой лист! Он обременит зимой ветви.

Немое беспокойство как бы таится в ленивой пышности лесной чащи. «Роняет лес багряный свой убор...» Радугами полегли широколистные травы. На карминном листе сборчатой манжетки сверкают непросохшие капли росы. И на белой вогнутой шляпке скрипицы застоялась дождевая вода. Белка, как кошка, лакает из грибной лунки. До отвала наелась игрунья орехов, желудей, грибов, семян еловых шишек и жадно запивает вольную еду.

Бессменный дворник леса — ветер-листобой разметал по полянам опавший лист. Шумными коврами устланы нехоженые тропинки лесных чащ. Веет рыжая метель.

В старину говорили: «Ложится лист наизнанку — к неурожаю»... Веками обедняло деревню утлое трехполье.

Темные люди думали, что все зависело от бога, от произвола погоды. Не то теперь. Передовая агротехника подняла культуру социалистического земледелия на высшую ступень. Наука учит побеждать природу. В колхозах осваивается могучий рычаг урожайности — травопольный севооборот. Полезащитной броней встают в степи «зеленые дружины» лесных кварталов.

По-иному нынче смотрят на листопад. Опавшая листва обогащает почву, предохраняет от промерзания. Гектар дубравы дает 520 килограммов ценнейшего лиственного перегноя!

При нужде в парках, садах и усадьбах опавшую листву сгребают в ямы, засыпают дерном, готовят удобрения для тяжелых глинистых почв. Перегной листвы вносится под яблони и в огородные гряды.

А вот и посеребрил инеем поблекшую траву утренний заморозок. И рачительные колхозники переворачивают

настил листвы, где собрался зимовать вредный клоп — черепашка. Она не выживет на изнанке листвы и не повредит весной лесные посевы.

Белый снег скоро завалит лес и скроет тайны зимовки зверей. Заметет барсучьи норы, спальни ежиков. И вот в октябре звери строят себе зимнее убежище. Об этом лесные жители заботятся еще в листопад.

...Шуршит, копается в листве дотошная «синяя птица» — сойка: то орехи, то жолуди, хитрая, подбирает под дубом, а может быть, и склевала вредную черепашку под листвой. Любит она и жирных хрущей.

Опавшим листом интересуются еще три потребителя. Лесной боярин — медведь подстилает листву в берлоге. Скопидом-барсук притопает в дубраву за желудями, поест и потешно пятится задом, толкает полосатый поросенок ворох сухой листвы, волочит, тащит в свою барсучью нору... Мягкую перину готовит для зимней спальни. У него в отнорках есть и кладовые. Копнешь — загремит что-то. Смотришь, а это сушеные лягушки, жуки и грибы. Мудро заготовлены запасы желудей. Барсук не роет корни дуба, только отъедается желудями. Спальня — в отдельной отнорке. Чистоплотный зверь! Почистит норы, утеплит листом и зароется на зимнюю спячку.

А ежик по-своему заготовляет подстилку. Кубарем катается по траве и накалывает листву на свои иглы. Охапкой встанет еж и понесет на себе листовой матрац в гнездо. Идет неправдоподобное чудище, узнать невозможно: копна-копной!

Иногда непонятное видишь на дереве: кто же так ухитрился на сухой сучок осины наколоть гриб? Высоко, человеку не достать рукой. Это догадливая белка так сушит грибы на зиму. А вот на пне, как на прилавке, разложены черные, красные грибы. Сметливый поросенок — барсук сушит и таскает их в отнорки. А на земле лежат свежие изъеденные шляпки без ножек. Видимо, грибка-

ми лакомились мыши и зайцы, они-то и оставили эти огрызки.

Разумно зимуют смышленые звери — бобры. Они с осени топят в воду ветки осины и ивы — запас корма на зиму. Изумительна остроумная архитектура плотин и бобровых «хаток» из оглоданных суков. Бобры зимуют в подводных норах.

Октябрь — месяц прощания птиц с родными гнездами. Отлет гусей, уток, вальдшнепов, лесных голубей и грачей. Октябрь — «месяц полных кладовых» (норы, дупла, гнезда). У охотников по зверю — «месяц первого поля».

Солнечной лаской баловало безоблачно-ясное лето. Вот и осень мирволит природе. Нагретая земля теплится, и серебряный иней не смеет приземлиться на траву. Солнце и дожди вместо инея и мороза.

За лесными голубями

Увлекательна охота на лесных голубей. В среднерусской полосе их три вида: вяхири, клинтухи (витютни) и горлинки.

Пролет диких голубей начинается в сентябре, а массовый отлет — в первой половине октября. Только горлинки улетают до наступления октябрьских холодов.

Подмосковный вяхирь — самый крупный и сильный дикий голубь. От своих сородичей он, помимо величины, отличается белыми пятнами на крыльях и шее. Недаром охотники зовут его «белогорлик». Вяхири любят изреженные леса вблизи полей и речек, родников и озер. Обычно привлекают их сухостойники — излюбленные места тока. В осенние дни голуби отдыхают здесь после кормежки.

Особенно привязан вяхирь к дубам. Он вьет гнездо в густом шатре кроны, — верное, надежное убежище от ястребов и соколов.

Клинтух немного меньше вяхиря и без белых перьев. Воркует он протяжно, тогда как вяхирь — обрывисто и громко.

Все лесные голуби кормятся вместе, а отлетают порознь, не смешиваясь.

Охотники отмечают, что в нашей области заметно размножились и вяхири, и клинтухи. Охота на них представляет большой спортивный интерес. Требуется тщательная разведка мест дневки и водопоя птиц.

Клинтухи стаями залетают в осенние дубравы лесопарков на восточной окраине Москвы. Летом они гнездятся даже вблизи новостроек Измайлова, Останкина, в парке усадьбы Терлецкой. Реже появляется на окраине Москвы крупный, белогорлый вяхирь.

Добычлива и увлекательна охота на лесных голубей в листопад. Нужно подстерегать птиц в дубах, где они лакомятся желудями. Для этого делается шалаш. Взлетает стая от выстрела, и чудится, словно ветер зашумел по лесу. Но охотник не должен теряться. Надо ждать. Опять прилетят. Такова голубиная повадка...

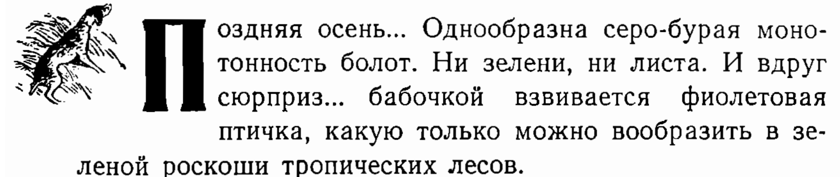
Тихо... Вдруг — снова гулкий шум крыльев. Уселись на ветви дерева, хлопочут лунно-голубые птицы, роняют на блеклую траву нежные перья.

Сытые голуби любят подремать на ласковом солнцепеке. Подолгу засиживаются они на высоких сушинах и разбитых грозой дубовых вершинах. Плотно закусили желудями голуби, слетали на водопой и вот смирно сидят, отдыхают... Краса «синие птицы»!

А в лазури развернулась еще одна синяя стая. Ищет она место, где бы ей сесть. Покружив в прозрачном воздухе, она опускается на вершины могучих деревьев дубравы...

Наши «колибри»

Не день, а час охоты тешит.
Охотничья поговорка.

Поздняя осень... Однообразна серо-бурая монотонность болот. Ни зелени, ни листа. И вдруг сюрприз... бабочкой взвивается фиолетовая птичка, какую только можно вообразить в зеленой роскоши тропических лесов.

Самая маленькая на земном шаре птичка колибри водится в тропиках. Всех ярких птичек-крошек насчитывается там множество видов. И у нас тоже есть свои «колибри». Птицеловам и охотникам хорошо известны две пернатые малютки.

В лапнике елок и сосен вертко юлит и почти по-комариному тонко посвистывает зеленоватая оливка с ржаво-золотистой коронкой на хохолке. Это — королек, а на языке птицеловов — гвоздик. Ростом он чуть побольше крупного жука или стрекозы — сверчковой медведки.

Полезная птичка. Сама весит 10 граммов, а за лето съедает до 4 миллионов личинок. Неутомима она в поисках вредителей и зимой.

Это любимец птицеловов, быстро приручается. Основоположник русской фенологии профессор Д. Кайгородов писал: «Птички... так привязались ко мне, что летали за мной из комнаты в комнату, а любимым их местом отдохновения была моя голова, на которую они очень часто садились...»

Осенью корольки залетают на утес Гельголанда в Балтийском море и через Северное море в Англию. Зимуют в Подмосковье.

Королек поет у нас и в морозы.

А вот другая прелестная пташка ютится в илистых кочковатых болотах. Она также доживает у нас допоздна. Это гаршнеп.

До чего же стойко переносят холода эти наши самые маленькие птички!

...Листопад. Ни цветка, ни звука! Идешь с собакой по безмолвному болоту. И как обрадует тебя одинокая реплика черного дрозда в темносинем небе. «Ги-гик!» — призывно-бодрым кличем нарушит он немую тишину безголосого дня. «Так-так», — прокудахчет сдвоенно и утвердительно дрозд-рябинник. А под ногами ил и кое-где вода с фиолетовым отливом. Точно такого же цвета лежит притулившийся за кочкой гаршнеп. У этой птички две узенькие фиолетовые косички по бокам и на спинке. Гаршнепа орнитологи называют кулик — «волосник».

Непостижимо, как это гаршнеп ухитряется не запачкать в жидком иле своего яркого наряда. Гаршнеп хорошо маскируется. Собака встала на стойке, дичь рядом, а где — не видишь.

Скомандуешь: «Вперед!» Собака шагнет... И гаршнеп взлетает. Ныряет он в воздухе, как листок, подбрасываемый порывами ветра.

Трудно стрелять по гаршнепу. Ветер точно лоскутик бросает легкую птичку. Цель мала и подвижна. Только опытный снайпер попадет в нее без промаха.

Лучший момент для выстрела — когда гаршнеп встанет на крыло, борясь с ветром.

Трясинистые болота с осокой, топкие берега рек и озер охотники называют «ржавцами». В этих местах осенью и находят высыпки гаршнепов.

В позднюю безморозную осень гаршнеп отлетает на юг. Но любители охоты с подружейными собаками, покончив с дупелями, бекасами и вальдшнепами, не складывают оружия до конца октября. В финале сезона приятно найти гаршнепов и потешиться на прощанье последней охотой по красной дичи.

«Не день, а час охоты тешит».

А потом антракт — до будущей осени.

До мороза

Еще густа листва. В разрывы низко бегущих облаков с утра проглядывает бездонная глубина чистейшей синевы. Октябрь уж на дворе, а все еще веселит глаз зеленеющий пейзаж Подмосковья. На припеке порой и пригревает солнышко, но сделаешь шаг в тень — сразу обвеет холодком.

Трава еще зелена, а уже по-осеннему порывистый ветер полощется в мятущихся ветвях. Раскачиваются верхушки тополей, ясеней и лип. Деревья словно силятся подняться на воздух и лететь за перелетными стаями журавлей и грачей.

По аллеям парков и садов, на лесных тропинках и просеках лежит шуршащая разноцветная листва. Тайфун листопада. А ласточки не унывают, вереницами собираются на тростниках, готовятся лететь на юг.

Тихая, теплая пора в октябре. Ясно высокое небо. Нежноголубыми просветами улыбается лазурь сквозь пену легких, светлых облаков. Дивно мягок ясный воздух. По утрам еще ярче после снега и дождя зазеленели газоны бульваров. Трава оживает, поднимается в рост. Новые бутоны распустили на клумбах флоксы, душистый табак, львиный зев. Неувядаемо цветут анютины глазки. Этой низкой травке — трехцветам-виолам всегда весна.

Еще зеленеет бисер ряски. Тихие воды не оживлены пока ни утиным, ни гусиным пролетом. И рыбы, как птицы, сплылись в стаи и опускаются зимовать на дно омутов.

Вянут выгоревшие на солнце косогоры. Только низменные отлогие берега все еще зеленеют. Шевелятся шелковистые отавы на лугах. Качаются раскидистые лиловатые метелки, однобокие колосья манника. «Птичью крупу» метельчатого манника любят клевать утки.

Сырые зерновки и каша манника сладки на вкус. Это зеленая манна туристов, охотников, рыбаков. Заночевал на берегу — разведи костер, вари сладкую кашу из манника. Особенно много его на Московском море. Из манника приготовляются диэтические супы для больных. Питательна и приятна на вкус диэтическая каша.

Заманчивая водная даль, осенняя краса леса, зеленотравные берега. Стеной дыбятся тростники. Длинные метелки откинулись в одну сторону, клонятся и качаются от ветра. А птичка сидит, как на качелях, и тростинка под ней не сгибается.

Свежи белые ромашки, синие полевые и красные луговые васильки, клевер-дятлина. Рядом с засохшими цепкими колючками ярко багровеют красно-лиловые пуховички репея, чертополоха. И вьется над ними, с глазками на крыльях, бабочка «мертвая голова». Одну ее не уважают пчеловоды. Ворует мед, и ничего не поделаешь. Пчелиная стража на летке услышит бабочкин голос, думает, это матка кричит; цепенеют очарованные обманщицей пчелки, всегда пропускают в улей.

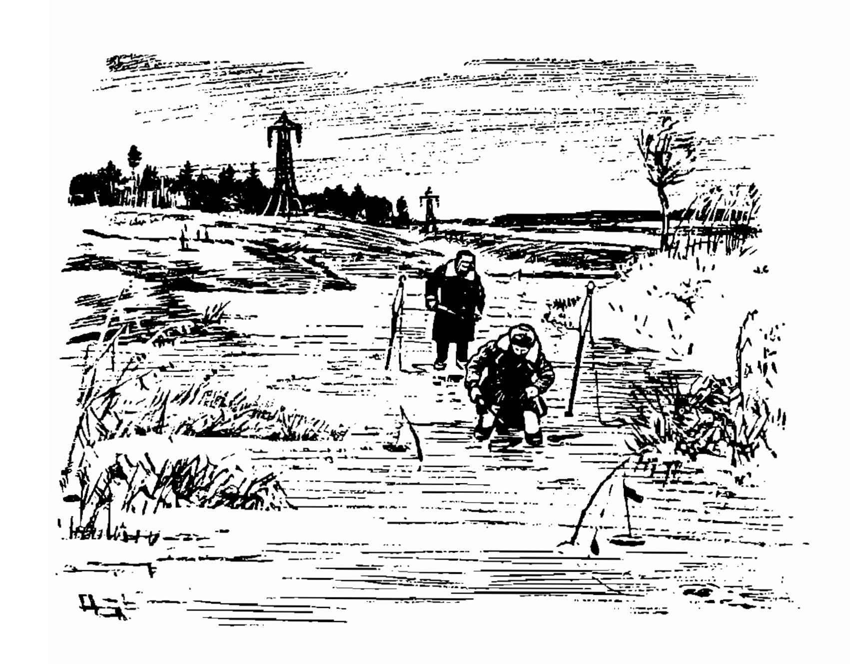
Идешь теперь по лесу и дивишься. На каждом шагу цветам не уступает по яркости окраски листва трав. Бронзовый богульник, пунцовый земляничник, яркокрасный черничник, фиолетовая голубика, пурпуровая толокнянка. Зардел даже стебель зверобоя, и узкие ивовые листья иван-чая красным-красны. Истлевает, меркнет лесная пестрота красок, но мухоморы, кажется, еще ярче краснеют среди блеклой травы.

А вот прихватит первый заморозок, разогреет воздух солнце, и с треском повалится, «потечет» лист. Зашевелится лес от шороха спадающей листвы.

Тусклым золотом отливают на берегу кудрявые вершины леса, и не так уж говорлив шорох сухих, выцветших листьев. Ниже клонит полинявшие былинки буйный ветер.

Солнце лета завяло в зазимье. Лучи охладели к цветам. Но густа еще весенняя обнова леса, не развеял ее ветер-листобой. Не суховейное лето, а уже осень настежь распахнула грибникам двери белоколонного березняка. Молодчики-боровички с приплодом то и дело выглядывают из-под намети червонного листопада и попадают в корзину.

Завсегдатаи лета — грачи — чернеют на свежей зелени отав и в вершинах ветел. Вольготна эта мягкая, безморозная тишь солнечного дня.

НОЯБРЬ

Долго на листьях лежит
Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
Ясность прозрачных небес...

А. Майков.

Короткие, тусклые деньки поздней осени. Света белого мало. Поздно рассветает, рано смеркается. Рассвет с сумерками как бы встречается посреди ненастного дня. Проглянет день, и уже темно. Пасмурно и туманно, а по ночам морозит. Хмурится мглистое, низкое небо. Весь день то снег, то дождь моросит. Плачут по солнцу оконные стекла.

Долго стоит пасмурное ненастье. Редко проглядывает холодный свет осеннего солнца.

...Монотонны и однообразны пустоши. Хмур осенний пейзаж. Задумчивы до снега равнины, прозрачны сизые дали, изумрудны зеленя озимых, беззвучны замолкшие рощи. В тиши лесов лишь изредка попискивают непоседы-синицы да стучит клювом украшенный красной шапочкой дятел.

Тускло и сумрачно подернуто туманом редколесье. Ни шороха, ни звука в лесу. Не закипает на ветру мятущийся трепет листвы.

Снегирная пора! Ноябрь — месяц прилетных зимних пернатых гостей. В Подмосковье и в средней полосе зимуют многие северные гости. Румяными яблочками рассядутся и часами не слетают с веток пухлые серо-красные с черными козырьками флегматики-снегири. Разноцветным пером щеголяют птицы-агрономы — щеглы. Любят их москвичи-птицеловы за весенние песни в мороз. На рябинах и шиповниках красуются нежнорозовые, с желтыми оторочками на хвостах хохлачи-свиристели, а на можжевельниках — яркомалиновые щуры.

Бесцветны небо и земля. Ни одной пороши. И вдруг — диво! Одно только дерево, кажется, все в снегу. Натуральный куст спелого хлопка. Вот оказия! Все ветки в вате, под масть зайцу-беляку. Ближе подойдешь и убедишься в обмане зрения. Это ива бредина, как всегда, распушилась белыми хлопьями, да так и стоит до зимы.

В ноябре полны кладовые зверей и птиц в норах и дуплах. Матерые и выводки прибылых волков собираются в разбойничьи стаи.

«Дохнул ноябрь осенним хладом...» Холодный ветер, студеные дни, хоть и без снега. По народному календарю ноябрь — месяц ветров, месяц сева лесных семян.

Ни снега, ни льда на проточных речках и быстротечных ручьях. Ноябрь — последний месяц живой воды.

Ноябрьские ночи — самые темные в году. В одиннадцати месяцах не бывает таких непроглядных ночей, как

по чернотропу. А небо — словно звездный шатер. Ясно видны Большая Медведица, Венера, Юпитер и Сатурн.

Беспросветная, глухая, стылая пора глубокой осени! Дни все короче, и все удлиняются и холодают ночи.

Ноябрь — сумерки года. Месяц перволедья, санного первопутка. Последний месяц осени. Начало спортивного сезона, подледного лова и пушной охоты по пороше.

До ледостава

Утки шумною станицей,
Гуси длинной вереницей...

Долго крепились и только в последней пятидневке октября полетели северные утки. Надвинулся, наконец, дружный вал великого перелета птиц. Кишат «птичьи базары» на Московском море.

Редко прорывается сквозь мутные облака яркое солнце. А под пасмурным небом, словно черное стекло, темна вода осени. На мелкой зыби, далеко видно, качаются какие-то поплавки, кажется, чернеют буроватые овальные кочки.

«Вся утка на стекле», — говорят охотники. Загляденье — эта качка утиной армады на чистоводье. Холод севера нагнал их из Заполярья. Полюбуйся, какая богатая коллекция птиц под Москвой: утки, гуси, лебеди разных пород отдыхают на перелете.

...Вон что-то белеет во мгле тумана. Плывут сугробы снега... Но откуда им взяться? Подплывешь ближе и разглядишь: лебеди-кликуны. Красивы сказочные птицы-великаны.

Удивительно, как необыкновенно быстро плавают ле-

беди по воде! И как всегда неразлучна птичья чета. Надолго запоминается их нежный, трогательный клич.

Стаями налетают к нам не видимые летом, смелые, непуганые птицы севера: черные утки, нырки, сауки, морянки, белобокие гоголи, лутки, чемги, синьги, крохали, турпаны. Редко, но умельца-гребца подпускают на выстрел.

Поздняя осень — лучшее время в году для интереснейшей охоты с подъезда. Вот когда непостижимо дивят утки: чего, кажется, ждать им среди закрайков льда и полыней? А нырки все еще плавают, не улетают. Как велика тяга птиц к северной родине! В гостях хорошо, а дома лучше.

На берегу и снег, и заморозки, а на дне реки тепло. Стаями полегли на глубине омутов лещи, язи, голавли, лини и караси.

...Хмурые, тяжелые облака сплошь заволакивают свинцовое небо. Темная река как ртутью налита в стенах камышей. Сиверко! Ветер, а на воде ни гребней, ни накатистых плескучих волн, ни белых пенистых барашков. Одна зыбучая рябь. Ряска и другие травы потонули на дно, за ними-то и окунаются утки.

Переломан и перепутан поблекший лес дремучих трав. Длинные кисти откинулись по ветру. Раскачиваются и кланяются охристо-ржавые, пятнистые камыши, вроде как приветствуют охотника.

Лодка упирается в бурьян. А за ним раскинулся широкий синий плес, весь усеянный черными точками. Сердце охотника радуется: как кучно плавают утиные стаи! В ноябре уткам, что июльские «петровки». Вода — родная стихия!

Лодка сворачивает и пришвартовывается под заслон камышей. Охотник подносит к глазам бинокль. Знаток определяет уток по окраске пера, кучности стаи, посадке на воде. В другое время года таких уток не увидишь под Москвой. Это бывает только накануне ледостава.

...Вон словно черный ворон на воде. Всегда он плавает особняком. Знай: это синьга. Нырнет, и долго ждешь, пока вынырнет сплошь вся черная большая утка. Поразительно, как долго она находится под водой.

А вот еще встреча: думается, опять синьга. Приглядишься, ан нет, не она. Черная кургузая утка вдруг повернулась боком, и сразу бросается в глаза «белое зеркальце» на крыле. Теперь безошибочно определишь, что это турпан.

А тут еще целая стайка черных уток. Одна приподнялась на лапках и бойко захлопала крыльями. Показалось белое брюшко. Ага! Значит, это не синьга. Все утки дружно, как по команде, надолго нырнули в воду. И вон, за пятьдесят шагов показывается одна, другая... Все нырки выныривают броском, всем корпусом. А эти всплывают медленно. Охотник твердо знает, что это утки-сауки. В лёт бить их удается только опытным стрелкам. Вихрем несутся быстрые птицы. Невероятно, как далеко надо выносить мушку вперед цели.

А вот что-то особенное, в своем роде щеголь с золотым капюшоном. Плавает порознь. Чемга! Ее не смешаешь с другими.

Селезень каркает, как ворона: «корр, корр». Голова коричневая, шея темнорыжая, грудь и бока черные, серое брюшко. Это нырок, называется еще и «голубая чернеть» или «красноголовый нырок».

А вот еще незнакомец. На первый взгляд кажется — вылитый кряковый селезень. А присмотришься — нет, хвост, оказывается, лежит на воде. Значит, это кургузая морская чернеть. Перо черное с проседью, вроде как у глухаря. От всех нырков отличают ее короткое и широкое туловище, толстая шея и, главное,—погруженный в воду хвост. В полете черно-седого нырка узнаешь и по коротким крыльям.

Еще чаще можно видеть особенных, светлых нырков.

Их всегда много у нас на пролете. На воде они кажутся совсем белыми. Это — лутки.

Отлетная пора ближе знакомит охотников с птицами севера. Вот единственная стая, над которой все время кружатся чайки. Это крохали. Они вдвое крупней гоголей. Но у них какой-то сонный вид и клюв всегда опущен.

Оригинальная утица! Погрузит клюв в воду и словно дремлет. А поднимет голову и начнет неуклюже заглатывать рыбку. А чайка налетит и отнимет у ротозея добычу.

Комично это получается: крохали, как наемные батраки, достают рыбок для шустрых ловкачей-чаек. Вороватые чайки так и дежурят, ждут... Рыбка бьется в утином клюве, а чайка хвать ее — и в воздух. Незадачливый крохаль ни с чем остался, и тут он уже с досады пьет воду. Попусту ныряет, купается, отряхивается и косится на летающих над ним настырных чаек. И всегда так: где вьются чайки, знай — там рыболовы-крохали.

В эту пору зазимья вместе с лебедями и нырками летят самые крупные, морские чайки.

Еще по-особенному ныряет другая стайка. Серые уточки вдвое меньше селезней, и выглядят они пегими на воде. А белощекий селезень с черно-фиолетовой головой меняется на глазах. Уплывает — скажешь, совсем черный, а повернулся зобом — и стал уже совсем яркобелый. Таковы утки-гоголи: селезни спереди белые, сзади черные, а уточки пегие.

...Хмурятся тусклые осенние деньки. Поблекли травы. Однообразны увядшие берега... Ни зелени, ни цветка. Но оживляют водный пейзаж красавцы селезни.

Утки, спрятав голову под крыло, спят на зыбком плесе. Баюкает, укачивает сонных птиц вода. На страже лишь один селезень. У него бархатно-зеленая голова, шоколадного цвета шея с белым «галстучком», просинь в

крыле и черные-пречерные витки хвоста. Красива птица на воде.

Заманчиво взять в эту пору такого нарядного красавчика. Что зайцы? Никуда они не денутся, всю зиму под руками. А утки последние улетают с полыньи. Любители-охотники непременно попытают счастья «по перу». Трудноват подъезд, но зато какая награда: после удачного выстрела поднимешь увесистую, оплывшую жиром крякву. До чего неузнаваема стала теперь отлетная кряква. Совсем не такая легкая на крыло, — отъелась, поправилась на вольных кормах.

Подкожный жир и пух как-то укорачивают утиную шею, она толще, голова ниже. И полет другой: кряква теперь чаще машет крылом, суетится в воздухе. Смотришь, крыло плохо действует — будто подбито. Не так быстро и не так легко, как летом, поднимается в воздух ожирелая, сытая кряква в канун ледостава. Но уж будьте покойны: на виду близко не подпустит.

Наедешь только в ветер, под шумок камыша. Следи да следи за ее взлетом. Уплывет за стенку травы, поднимется и летит низом. А поодаль взмоет «бобом», и глядишь — она уже вне выстрела.

Летом кряквы прячутся в траве, а теперь всем караваном кучно плавают на чистом просторе плеса. На виду подъезжать к ним в лодке — безнадежное дело.

Ботик охотника берет курс на черных уток. Это будет вернее. Уроженцы севера с людским коварством еще незнакомы.

Черные нырки отплывают, оглядываются на лодку: что, мол, это за невидаль? И не торопятся, все ныряют на ходу. Новичка берет азарт. Утки рядом и не взлетают. Скорей за ружье! Целится в кучу, думает, наверняка бьет.

Бах! Зарябила вода... и... ничего больше. А утки вынырнули и опять плавают, словно дразнят. Цель близка.

Еще выстрел по сидячим. И опять та же непонятная загадка. Утки невредимы. Вот чудеса! Так и бывает с начинающими охотниками. Расстреливаются все патроны, а заколдованные утки все ныряют и плавают. Что за оказия!

Даже выстрелов не пугаются.

Ни себя, ни ружье, ни качку лодки не вините напрасно. Дробь накрыла место, где были утки. Вода словно закипела... Только ваш свинец опоздал. Пока он летел, цель была уже под водой. Вот это быстрота! Раньше, чем настигнет дробь, нырки всегда ухитряются нырнуть в воду. Заряд опаздывает, шлепается по воде, а уток уже нет.

Всех начинающих охотников постоянно обманывают нырки, но с годами приходит опыт. Секрет удачной стрельбы по неуязвимым ныркам очень прост. В правый ствол вкладывается патрон без дроби, в левый — боевой заряд. Подъезжаешь в лодке или подходишь с берега к саукам, прицеливаешься и нажимаешь правый спуск. Это обман.

Звонко щелкнет выстрел, и мгновенно блеснет из дула огонек. Это и нужно. Словно по команде, нырнут утки в воду. Следи... вот показывается голова. Тут уж не зевай. Стреляй из левого ствола. Утке поздно нырять — заряд без промаха настигает утиную шею. И вот, глядишь, распластались на воде неподвижные крылья, всплывает и вся утка.

На Московском море весной и осенью можно видеть огромные стаи уток-шилохвостей.

Утки-кряквы ютятся в кустах, чирки — на мелководье, в затонах заводей, утки-гоголи, хохлатая чернедь — в дуплах, шилохвости любят широкие луговые просторы.

С длинной тонкой шеей и с острым черным хвостом, с золотисто-лиловым «зеркальцем» на крыле, селезень-ши-

ловкость особенно красив на воде. Так и кажется, что он вот-вот хочет взлететь. Такая у него стремительная, отличительная от всех других уток посадка на воде.

Дном Московского моря стали суходолы, поэтому на равнинном мелководье создаются интересные сообщества животных и растений, образуются гнездовые колонии птиц. Море, изменившее ландшафт подмосковной природы, становится птичьим заповедником.

По чернотропу

Задумчивы мглистые дали тихих осинников. Голубеют ясные стволы березок, высветляя перелески. Только зеленые пирамиды бархатных елок оживляют леса в эту пору. Скомкалась, свалилась вянущая трава, накрытая ковром опавшей листвы.

Влажно чернеют пласты зяби, и только яркая зелень озимых, стелющихся по склону, ласкает взор, — улыбка поздней осени.

Прошумела первая метель — увертюра зимы. Но снег скоро стаял, и вернулся чернотроп.

Листопад кончился. Распуганные шорохом листвы трусливые беляки из травянистых вырубок, ельников, с опушек и полевых оврагов снова вернулись в лесные чащи.

По чернотропу добычлива эта самая простая и тихая охота «на глазок». Не надо ни егерей, ни собак, не надо никуда торопиться — весь секрет удачи в зоркости, наблюдательности, выдержке. Надо только встать пораньше и попасть на рассвете в лес. В эти часы заяц таится на лежке и близко подпускает охотника.

Идешь и пристально всматриваешься в подернутое

туманом редколесье. Ни шороха, ни звука. Не трепещет на ветру метущаяся листва.

Еще ярче выделяются сейчас спелые кисти рябин, красные гроздья калины, оранжевые плоды диких роз — шиповника и сережки бересклета.

Из-под пороши снова на утеху глухарей и тетеревов выглянула бордовая клюква. На кочке мха, как на подушке, бисером рассыпана ягода. Подарок осени.

Грибы давно сошли, но еще крепко пахнет в овраге сыростью грибной... Поблек ржаво-вялый дерн. Свалялись войлоком спутанные космы потемневших бурьянов. Любят в полыни и чернобыльнике залечь на дневку пугливые зайцы — русаки.

Неслышными шагами входишь в темный ельник. Никаких следов. Приглядываешься по сторонам.

Вдруг забелело, словно глыбка снега. Как это она после дождя уцелела, не растаяла? Ба, да это вовсе не снег, а заяц притулился на дневку под елкой. Торчат только черные кончики ушей.

Лежит, дрожит трус, подняться ему страх. Понимает, что тут он, как бельмо на глазу. Все черно кругом, а он— белый.

Выцветает, белеет шкурка. Приготовился заяц к зиме, а она его подвела. Заглянула, словно на побывку, да и ушла до срока.

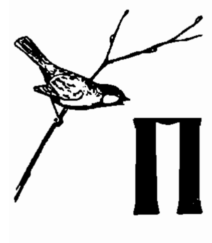
Увлекает охотников волнующая пора этой охоты «на глазок». Любо одному бродить по лесу. Внимание привлекает каждый пенек. Увидишь поваленную елку — насторожись. Беляки любят ложиться под вершинами вывороченных с корнями елок.

Бдительными глазами обшаривай травянистые кочки в кустах ивняка, на заросшем лесном болоте, валежник, бурелом. Загляни под хвойные балдахины невысоких разлапистых елочек. Заметишь зайца, обойди кругом: это

называется по-охотничьи — «обветрить зверя». Чует человека и не знает он, косой, куда бежать. Крепко тогда, как привязанный, лежит беляк.

В мягкую погоду бесшумны в лесу осторожные шаги охотника. Укатана и плотно лежит листва. Недавним снегом гладко примят лист. На настиле ясны печатные переступы копыт. Лось прошел.

Вплотную иногда подпустит беляк, чуть-чуть на него не ступишь. Поползет крадучись с лежки, оглянется — и со всех ног бросится наутек. Видная, яркая мишень. Успевай только прицелиться.

С гончими...

После листопада зайцы беляки возвращаются в любимые осинники. Туманное утро. Спозаранку гончатники входят в сизый лес.

Пора! Охотники спустили собак, а сами рассеялись, разошлись по лесу. Гончие ринулись в кусты, пошли в «широкий поиск, в глубокий полаз».

Тихо. Вдруг собаки голос подали: на след напали. Сигнал охотнику. Началось!

Заливисто зазвенел лай гончих. Собаки погнали, по-охотничьи — «помкнули». Но вот гон глохнет. Охотники по тону лая знают, что зайца перегнали в хвойный лес,— голоса уже не выделяются в бору.

Промелькнул беляк, просеку перемахнул прыжками. За ним по следу галопом собаки. Переливается музыка гона.

Где лучше встать на номер, где перехватить лаз зверя на гону? Залог успеха — в быстроте сообразительности, глазомере и находчивости. Как по живой карте, разби-

раешься в окружающем ландшафте. Учти, где погуще подлесок, где овражек, где просека, ложбинка, где полянка. Ориентируйся в обстановке, займи выгодную позицию.

Ураганом кружит гон по лесу. Альтам и басам гончего лая вторит многоголосое эхо леса.

Скорей, скорей! Опередить зайца!

Через кочки, завалы, бурелом перебегает охотник. Гон ближе. Не опоздать бы вот к тому хвойному мыску над оврагом. Скорей туда, где гуще подлесок! Там тропа — беличий «большак».

Увы, гон оборвался. Сразу стало тихо. Что-то случилось? Эту паузу охотники называют «скол». Значит, гончие потеряли след зверя и перестали подавать голос. Схитрил заяц, скинулся в сторону и залег. Перемолчка гончих длится несколько минут. Они добираются до «упалого» зверя. Заяц насторожился, сметнул еще раз и своим следом вернулся обратно. Косой хотел запутать гончих, но сам попал впросак — напоролся прямо на замолкших псов.

Взрыв лая. Зверь на виду. Вперед! Вперед! Злобно и неумолчно затрубила воющим басом гончая. Зычным эхом откликнулся лес. Отстают собаки. Свою досаду выжлец впопыхах выразил надрывным рыданием на весь лес.

Гон повернул. Охотник снялся, побежал наперерез. Заяц водит собак кругами. Выбрать заранее в лесу место, где именно пойдет заяц от собак, — это тонкое охотничье мастерство. Подстерегает стрелок зайца на поляне. Лай слышнее. Гон ближе. Зверь появляется внезапно, с самой неожиданной стороны. Белый комок мелькает за стволами елок. Светлым клубком выкатил беляк на поляну. Моментальная вскидка ружья, прицел по движущейся цели.

Удачный выстрел. «Дошел!» — кричит охотник, под-

нимая зайца за задние лапы. Подбежали гонцы, возбужденно визжат, виляют загнутыми хвостами.

Рог трубит сбор. Товарищи собираются и поздравляют счастливца «с полем». Оживленная беседа на привале, тактический разбор охоты.

Охотники переходят в другой лес.

Лесная свирель

Природа замерла, нахмурилась сурово;
Поблекнувшей листвой покрылася земля,
И холодом зимы повеял север снова
В раздетые леса, на темные поля...

И. Суриков.

Отзвучала на пролете птичья симфония осени. Сгорели и погасли холодные костры желтопламенных берез. Померкли краски листопада.

Отзвенел покинутый певчими птицами, раздетый ветром лес. Он утих под сизым пологом тумана. Комариный писк юлы-синички да стукоток дятловой кузни подчеркивают немое беззвучие.

Невозмутим дремучий бор. Кострелью ощетинилась навстречу ветру хвойная скала сосны. Само предзимье как бы остановилось в глубине еловых чащ. Последний покой умолкшей природы перед мятежным натиском ветра — снеговея.

Светло и просторно в лесу. В нем, как в пустом, всеми покинутом доме, установилась какая-то нежилая тишина. Не шевелится даже муравьиная куча. Трогательно это таинственное молчание тихой осени.

Глухая пора. Холод и ветер. То снег, то дождь — и вдруг, как весной, поют рябчики. Нашли время молчуны лета, когда веселиться. Это, так сказать, уже весенние грезы, мечты о гнезде. Натуралисты говорят: «рябчики

разбились на пары». Супруги определились и неразлучно будут ждать чаровницу-весну.

Протяжна и звучна песенка петушка. А курочка отвечает покороче — тихим чистым свистом.

После шумного листопада утихомиривается изморось. Во мгле легкого тумана как в котле стоит чуткий воздух завороженного леса. В такие дни ясно слышен каждый тихий звук. До чего же нежен серебряный свисточек рябчика! Словно кто-то протяжно дует в соломинку. Неунывающий певец утренней тишины дремучего леса. Поют рябчики после листопада по чернотропу и по пороше. Смолкают только в сугробах зимы.

Охотятся на рябчиков до глубокого снега, приноравливаясь к их довольно строгому режиму. С рассвета и до 10 часов рябчики кормятся, в полдень сытые парочки сидят в крепях. Потом снова вылетают на кормежку и пасутся до самых сумерек.

Рябчик, как и глухарь, любит затаенные чащи, хвойные потемки, заболоченные лесные низины, крутые овраги, ольховники возле ручьев.

Рябчик не выдерживает стойки легавых. И эти собаки бесполезны на охоте за этими хитрыми хохлатками.

...Изумительна защитная окраска у рябчика. Видишь, когда летит, а сядет — словно сольется с деревом. Настоящая невидимка. Ни одна птица не умеет так маскироваться. Мастак хохлач на всякие позы: прильнет брюшком, растянется на развилке ствола, скажешь — столбик, а то сожмется в бесформенный ком, и кажется — нарост, а вовсе не живая птица. Подойдешь близко — и не увидишь. Только и услышишь над головой: «фр-пр-пр...»

Но сколько бы развелось рябчиков, если бы у них не было одной слабости, которая с головой выдает обоих супругов. Они охотно отзываются на пищик. Правда, не каждому охотнику поддаются на обман. Не легко научиться подражать голосу птицы.

Безукоризненно воспроизвести интимную песенку рябчика может только искусный мастер. Страстный петушок отзывчив на верный тон пищика.

Но бывает так: охотник свистит по всем правилам, точно передает выразительный язык птицы. Петушок аккуратно откликается, но сам — ни с места. Не летит, упрямец. Тогда знай, что он сидит рядом с подружкой. Он не прочь, видимо, из птичьей солидарности перекликнуться на почтительном расстоянии, но не таков рябчик, чтобы оставил свою напарницу. Тут уж охотник не рассчитывай на коварство неверного друга.

Однако и в этом случае у охотника есть выход. Он идет на голос петушка и разгоняет пару. И тогда все пойдет своим чередом...

...Цокнула в испуге белка, и в тишину вкрался нежный свист. Тонкая, еле-еле улавливаемая трель льется в завороженную глухомань. Хрустально-чистую мелодию бережно доносит застывший покой воздуха: «тии-сииюитси...»

Тут-то и пригодится дудочка из кости или пера. На этих инструментах основана охота на рябчиков.

Услышишь гулко-глухие звуки — затаись под елкой, слушай. Засвистели рябчики — отвечай в пищик, да пореже. Петушок сам найдет тебя. Бегом, лётом спешит он с распустившимся хохолком на зов подруги.

Секрет ясен: надо точно подражать голосу рябчика. И тут охотнику полагается обладать тонким музыкальным слухом. Одна фальшивая нота — и... конец охоте. На этом обрывается «разговор» с рябчиком. Умолк — значит, понял обман и больше не отзовется. Рябчика не перехитришь.

Свист стих, беседа кончена, ступай дальше...

Чу! Кто-то еще пробуждает эту умиротворенную тишину лесного покоя. Словно надорванная струна, нежно вздыхает «мечтатель»-снегирь. Оглянешься и увидишь та-

кое, что не можешь оторвать взгляд. Румяными яблочками расселись нахохленные красные птички по неодетым веткам и не торопясь поют. Как оживляют они однообразный и бескрасочный пейзаж чернолесья.

Снег в воздухе — и снегири тут как тут. И опять знакомые с детства их задумчивые напевы в тиши леса.

Вот она и снегирная пора! В незыблемом покое звонко-морозного воздуха разносится умильно-тихая свирель леса.

Главный врач дерева

Стоят не шелохнясь и дуб и береза;
Лишь снег под ногами скрипит от мороза,
Лишь временно ворон, вспорхнув, прошумит,
И дятел дуплистую иву долбит.

К. Рылеев.

Зачастили в первозимок пороши и метели. В лесу шагу не шагнешь без лыж, а у опушек и подавно снег выше колена. Лыжникам — приволье.

Всяк день понемногу порошит.

...Ни звука, ни взлета. Тишина и покой в лесу. И вдруг будто весь лес наполнился учащенным, удаляющимся трезвоном: «трын... трын... трын...» И опять немая тишина. Проходит минута, и снова слышно: «кле-енк... кленк...» Заунывно и мечтательно... А эхо далеко повторяет частые переборы невидимой валторны.

Летом этот оригинальный звон теряется в хоре певчих птиц. Но осенью и зимой его никто не перебивает и не заглушает. Еще сильнее разносится он по лесу в тихий морозный день.

Кто же так протяжно трезвонит на весь лес? Это уважаемый лесоводами главный врач дерева — дятел, неутомимый исследователь ходов жука короеда. Большой,

черный, с красным хохолком на затылке. Ни синице, ни поползню, ни пищухе, ни славке, ни пеночке не достать в коре вредных насекомых. Лишь длинный, тонкий, гибкий язык дятла зазубринами проникает в щели древесины и достает скрытых «внутренних врагов» дерева: короеда, заболонника, усача, златку, въедливых древесниц, пахучих древоточиц.

Зимой и весной дятлу одинаково весело: на один мотив величает он яркий снег ноября, вьюги февраля, проталины марта и нежную зелень мая. Во все времена года этого обитателя лесопарков и лесов захватывает восторг и упоение.

Птицы без леса и лес без птиц не живут. «Малый червяк большой дуб точит» — говорит народная пословица. Наш «зеленый друг» — дерево тоже хворает, особенно в преклонном возрасте. Обычно историю болезни дерева можно определить по узким и длинным ходам личинок, гусениц, жуков короедов и др.

Частый, настойчивый стукоток звонко раздается в лесу. Словно кто-то молотком стучит по дереву. Это древолазы-дятлы простукивают стволы, как бы осведомляются о здоровье старых деревьев. Под корой и в древесине — нигде не утаится от дятлова клюва-долота злокозненный вредитель старинного парка.

Особенно опасен для лесов и парков еловый короед. В учебниках зоологии и энтомологии он называется «жук типографщик». Удивительно сложен лабиринт узорчатых, запутанных ходов короеда. Но дятел хорошо разбирается в «шрифтах» типографщика. Вот он примостился на коре и присматривается. Вдруг клювом: тук! — и хватает автора этих замысловатых начертаний. Заслуженный доктор-дятел проглотил короеда и в конце истории болезни поставил точку. Звоном и стуком дятел сигналит: выставляйте скворечни — гнезда защитников урожая полей, садов и огородов.

Волки

Тусклы и коротки дни поздней осени. Непроглядно темны длинные ночи. Хмурится низко нависшее небо. «Дохнул ноябрь осенним хладом...»

Только серому волку поздняя осень и зима не в диковинку. Привольно зверю разгуливать по безлюдным полям. В ноябре волки не живут в большом лесу, бегут стаями из чащ в травянистые болота, в мелколесья, в припольные овраги и ближе к деревне.

Волка ноги кормят. Иной раз за ночь отмахают звери километров пятьдесят. И все по дорогам, и все гуськом, след в след, друг за дружкой. Вразброд непуганые волки не пойдут никогда.

Волк хитер и кровожаден. Нежданно-негаданно нагрянет ночью в деревню, — берегись скот на плохо огороженном дворе! От волков особенно достается гусям. Сами себя выдают с головой. Уж очень чуткие ко всякому шороху. Раньше собак услышат хруст оледеневших луж под волчьей лапой. Враз поднимут тревогу и сами укажут, где их взять.

...В лощине задорно лают собаки. Деревня — под горой. За гумнами — глубокий овраг. На краю одиноко высится старая безлистая рябина. За рябиной — «лошадиный погост». Куда бы ни бежал голодный зверь, всегда свернет проведать овраг.

...Над голой рябиной высоко кружится угольно-черный ворон. В мглистом небе долго вьется вещая птица, настойчивым карканьем будит тишину отуманенного поля. Краток, но звучен обрывисто-гортанный клекот. Вороны, галки, сороки пируют на костях и оглашают на всю округу: харчевня открыта! Есть чем полакомиться. И волки слышат, понимают язык птиц. Но еще рано, нельзя за-

светло трогаться в путь. Первой звезды ждут волки, лежа на дневке в мшистом болоте.

Быстро убывает короткий ноябрьский день. Темнеет. Стелется дымчатая вуаль сумерек, затуманились окрестности. За околицей затихает птичья тризна.

Вечером вороны и галки тянут в деревню, сороки — в лес. А утром, наоборот: ворона — в лес, сорока — в деревню. Это верный ориентир заблудившемуся охотнику. По полету птиц, как по компасу, выйдешь из леса.

Мрачнеют дали, свистит ветер, качаются голые вершины леса. Последняя сорока торопливо выпорхнула из оврага и села на ель. Собаки бросились к гумнам. А болтунья вертится и без умолку стрекочет... И неспроста! Она-то видит, кого испугались собаки.

...Далеко в снежном поле показалась темная точка. Вот она становится все больше и больше, и вырастает фигура бегущей собаки. Да это волк! И вдруг их уже два, три, четыре. Как из земли вырастает стая. Семья охристо-ржавых седых волков гуськом трусит по дороге.

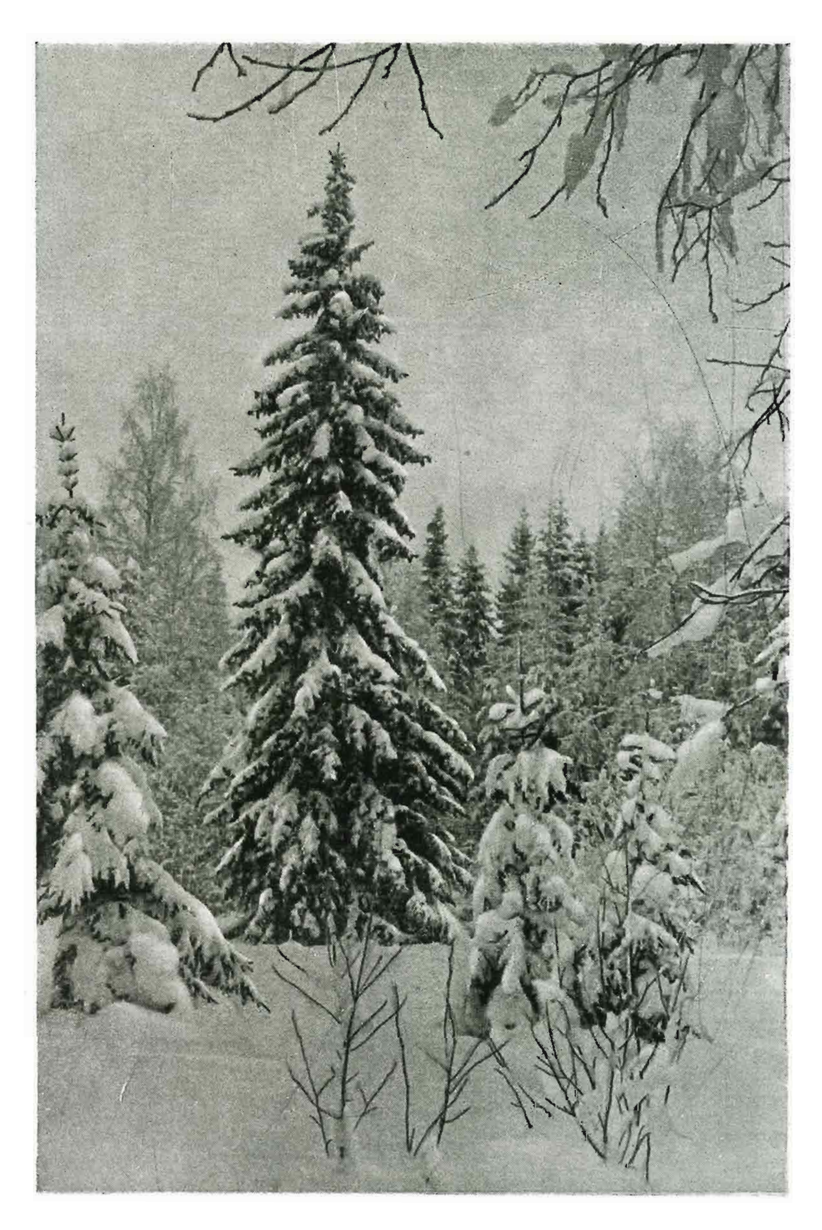
Осмотрительно ведет стаю старая волчиха. Прибылые и старше года — переярки следуют за ней по пятам. Идут след в след. Шествие замыкает матерый волк.

Сорочий крик насторожил волчицу. Она остановилась. Вмиг застыла вся колонна. Не по нутру волкам птичий переполох. Молодые навострили уши. А матерый волк поднял левое ухо и тут же опустил: сорока-пустомеля! Волчица повела носом по воздуху. Деревня близко. Дымком, овцами, телятами пахнет. Сорока, вертя хвостом, огляделась и со стрекотом снялась с ели. Вот она меньше, меньше — и черной мушкой скрылась над лесом.

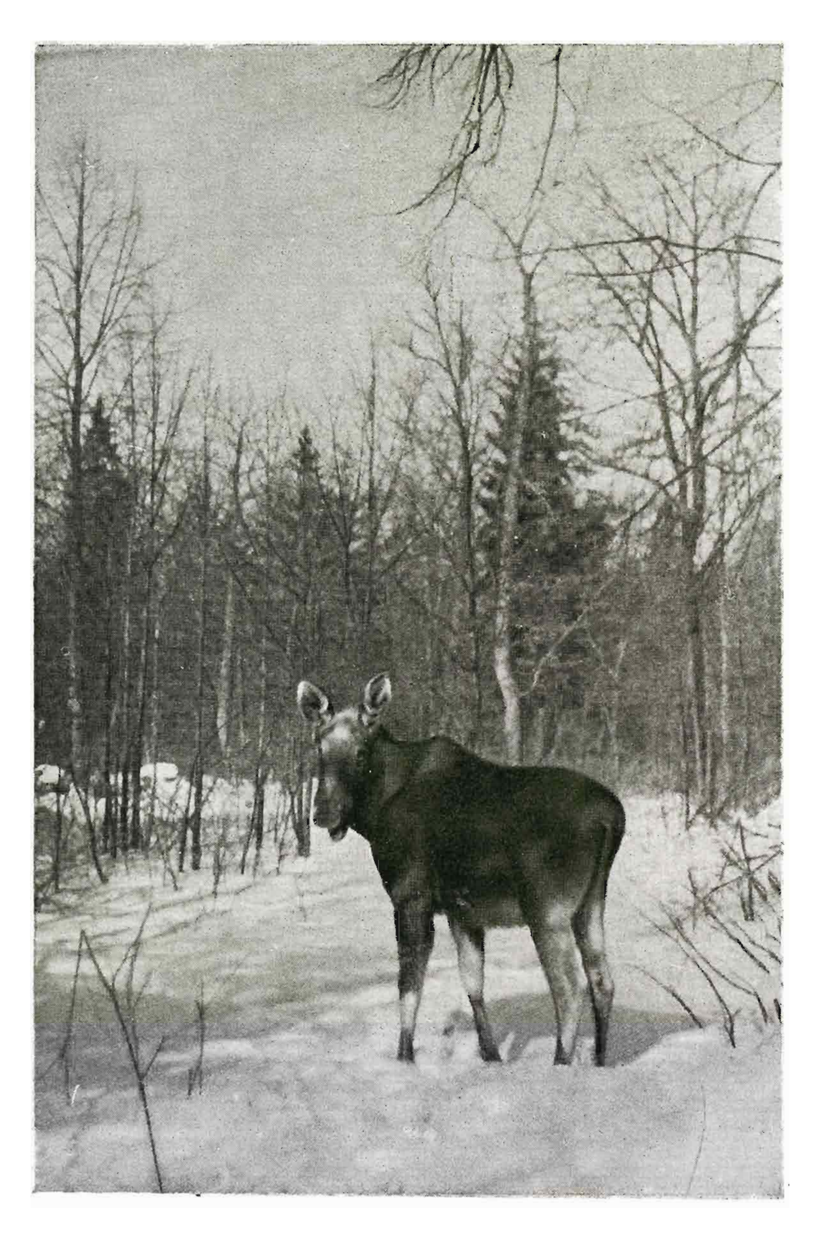
Волки той же мелкой рысью тронулись к рябине.

Уже завечерело. В деревне замелькали огоньки, застучали ведра у колодцев, захлопали калитки.

Стая спустилась в овраг. Послышалась возня. Хищники растаскивают кости.

В зимнем лесу.

В лосиных местах.

А по деревне поднялся собачий лай. Как раздражает волков эта перекличка недремлющих стражей! Волк не боится собак, но не выносит, не терпит лая.

Время идет к ночи. Глохнут звуки. Гаснут огни. Смолкают голоса. Деревня затихла.

Старый волк легко и плавно выпрыгнул из ямы и побежал к гумнам. Одним махом перепрыгнул через изгородь и сразу перешел на рысь. Вот скакун!

Быстро взбежал волк на пригорок и гордо встал. Грозен дикий предок псов!

Под горой нарастает лай. Сколько же в деревне собак? Все пугают волка, а он хоть бы что!..

Облака поредели, и луна осветила зверя. На шерсти засеребрился иней. А какая грация! Высок, подборист, мощная лобастая голова. По хребту как бы протянут черный ремень. Хвост опущен. Взъерошена шерсть на широкой негнущейся шее. По ледку пронеслась синяя тень. Луну закрыло облако, и сразу потемнело. Сверкают лишь злые огоньки. Волк зорко оглядывается, прислушивается к голосам псов, нюхает воздух.

Далеко за перелеском слышится басистый лай дородного барбоса. Волк жадно глядит на дорогу — не побежит ли близко глупая дворняжка, тогда она без звука вкатится прямо в волчью пасть. Бывало это на памяти старого хищника.

Вот и волчиха подвела к деревне волчат. Молодые, почуяв жилье, пятятся, хоронятся за стариков, поджимают хвосты. Боязно с непривычки.

Семейство тронулось под гору.

Погуляли этот раз волки в деревне. Но это была их последняя ночь разбоя. Уже приехал из общества егерь с командой охотников. В санях лежат флажки для оклада.

...Завтра облава.

На манок

Зачастили снегопады. Пороша за порошей. Растет снеговой покров. То-то радость следопытам и лыжникам! По белой тропе самая удачливая охота на лисиц.

Снег уже глубок, а наста в лесах не бывает. Звери тонут по уши в рыхлом сугробе. Вот почему из хвойных отъемов-островов лисица выбирается в поля, на охоту за мышами, по-охотничьи — «мышковать».

Еще с дороги далеко видно, как мышкует лисица. Бежит трусцой, словно плывет по полю. На солнце отливается ее огнисто-вишневая шубка. Вдруг, с полного карьера, застыла лиса бронзовой статуэткой, прислушалась... Где-то мышь пискнула. Вот лиса прыгнула, и свечкой встал кверху дымчатый султан распушенного хвоста. Скачок — и мышь в лапах кумушки.

Сколько грации у этой хитрой героини сказок, басен, песен и поговорок русского народа! Легки и пластичны прыжки лисицы. Вся, как на пружинах, не ходит, а танцует, бестия! Кажется, рада лиса холодному солнцу и сиянию снегов, и весело ей развлекаться потешной игрой с мышами.

Зимой лиса всегда вблизи деревень. Не страшится она проезжих: ведь люди ходят и ездят по дорогам по своему делу и не трогают зверей. Чаще по утрам далеко в поле увидишь мышкующую лисицу. Сумей только ее перехитрить. Спортсменам-любителям рекомендуется самый простой способ добычи лисиц — на манок-пищик.

Опытный охотник пискнет из засады по-мышиному, и кумушка притрусит, распушив свой хвост.

В спортивных охотничьих хозяйствах имеются обычно кумачовые флажки для оклада, есть и собаки-гонцы, не простые, а лисогоны. Но у большинства охотников всего этого нет. Куда более доступен и к тому же интере-

сен любительский способ охоты в одиночку, без специальной подготовки, без лошадей, собак и сложных приспособлений. Кроме ружья, пристрелянного крупной дробью, нужен самодельный манок-пищик, подражающий писку мыши. Пригодится и бинокль.

Поутру одевайся в белый балахон (желательно, чтобы были белые валенки, шапка и перчатки), залегай против ветра в канаву, овражек или бурьян — не ближе 600 шагов от места, где гуляет зверь, и дуй в пищик. Услышит лиса, повернет голову — замолчи... Больше подзывать нельзя. Разгадает обман.

Впереди стрелка должно быть открытое поле, без зарослей, кустов и оврагов. Тихая погода вовсе не годится. Заманивать лис можно и голосом зайца или рябчика. В безлесной местности этот способ может быть с успехом применен. Поля просторные — всё на виду.

ДЕКАБРЬ

Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои...
Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Н. Некрасов.

Серебрятся на солнце воздушно-пышные сугробы. Затихли капели предзимья, и водворилась торжественная тишина зимнего покоя. Только снег под шагами уходящего старика-года завел скрипучий разговор.

Первый холод!

Декабрь еще не самый холодный месяц, но частенько налетают выоги в сердито-буранную пору. Подходит к концу старый год. И в снежных вихрях, словно на свет-

лопушистых крыльях белой стаи голубей, мчится грядущий новый год.

Ровно стоит зимняя стужа. Низкие, хмурые облака дочиста рассеялись и перестали затенять сияние пышных сугробов.

За городом восхищают и пленительное великолепие лесных пейзажей, и манящая светлынь задумчивой дали. В кристально-фосфорических искрах блещут бахромчатые кружева заснеженного леса. Сияют начесы развесистых берез.

...Ходко скользят лыжи-скрипки. А навстречу лыжникам всеми цветами радуги сверкает яркий снег. Чистое, голубое небо... В лучистой короне солнца какой-то лиловый холодный огонь.

Залюбуешься волшебными переменами сияния дня!

Заходящее солнце по-особенному разливает нетленные краски на вечернем зимнем небе. Фисташковые огни желто-зеленого заката горят на западе. Восток перед сумерками становится розовый, как заря. А позже небо уже делается фиолетовым.

Сугробы укрывают начисто поля. А в снежном лесу— глухая тишь, и каждая реплика птичьего свиста внятна в утихомиренной чаще.

Ярко солнечное утро. Сверкает нежный розовый снег. Тихо, а остр колючий воздух. Всюду стоит морозный шорох. Далеко слышен скрипучий пробег саней. Песня полозьев. Над крышами клубятся белые столбы дыма.

А за околицей умиляют нежные голоса птиц. Из густого бурьяна доносятся чьи-то вздохи. Вот они налицо, яркоперые щеглы и снегири. Птицы сердито шелушат семена крапивы, лебеды, чертополоха. Теперь птахам холодно и голодно. Но ребята не забывают про своих пернатых друзей. Каждое утро они наполняют зерном кормушки. Охрана полезных птиц — благородная традиция советских школьников.

Лесная быль

Все поле в гребнистых волнах сугробов. Вдали лес — белокаменный сказочный замок. Четко вырисовываются строгие шпили елок. В глыбах белого мрамора застыл хвойный бор. Зачарованный волшебный чертог сказочного Берендея. Под мохнатыми белыми папахами оцепенели сонные деревья. Тишина и покой.

Лесная поляна чиста. Ни хвоинки, ни сучка. Солнечный луч горит на белой парче снега. В хвойных хоромах столпились молодые заснеженные елочки.

На рукаве еловой лапы уселся коренастый малиновый щур. Своей мелодичной песенкой он словно пробует разбудить зимний сон природы.

Что же это? Знать, звери и птицы тоже справляют Новый год! Высокая, строгая игольчатая красавица елка осыпана сверкающими звездочками. Блестки вспыхивают, как бенгальские огни. И сколько же на ней гостинцев! Снежная пастила, пряники. Как мониста, висят шоколадные шишки. На лапнике причудливые фигурки. А на коньке ели настоящая живая игрушка — краснoперый клест!

Лесные игрушки еще и поют: «цик... цок!» Не унывают в мороз клесты. А в сплетениях лапника все попискивает, юлит малюсенький оливковый королек.

Пепельная белка, распушив веером хвост, примостилась на лапнике. Бойкий зверек потешно держит шишку передними лапками и грациозно грызет семечки.

И вдруг тишину пронзил резкий крик. Уселась на елку голубокрылая, с хохолком сойка, родня вороне. Хищным глазом воровато заглядывает под козырьки снежной нависи. На все лады чужими голосами притворяется. А птичек и след простыл... Все знают, что это за птица.

Только под хвойным балдахином слышит сойку заяц, длинные уши прижимает плотнее к спине, косится и от испуга дрожит: как бы не увидела сплетница!

Но сойка, распустив голубые веера крыл, рванулась дальше в поисках птичек. У зайца на сердце отлегло. Зашевелился, поудобнее улегся и заснул.

Под вечер из чащи поползли синеющие тени. Попрятались белки и птицы. Беляк выпрыгнул из-под мшистого навеса и прыжками начал согревать озябшие ноги. Днем покойно было лежать зайцу под елкой. Синицы заглядывались на него, но никому свистуньи вести о косом не подали. Сойка — та непременно выдала бы зайца. Хуже нет вороватых глаз этой хохлатой доносчицы.

Ждал-ждал косой ночи, да не утерпел, встал с лежки и сразу оторопел: а вдруг заметит какой хищник? Тьма скрывает от хищных глаз, а следы-то — их не спрячешь, они на снегу остаются, всем рассказывают: куда побежал заяц.

Гончие собаки хоть лаем предупреждают, а волки неожиданно набрасываются, всей стаей охотятся на зайцев. Много их шляется по лесу. Приходится ухо востро держать. Главная защита зайца — ноги.

Один-то волк не страшен, не догонит, а от стаи никуда не уйдешь. Впрочем, «волков бояться, в лес не ходить». Без леса беляку все равно не обойтись. Побаивается, да на свои резвые ноги надеется.

Опасливо поковылял беляк, а темь — глаз коли. Одни березы ясно светятся в темноте. Но только нечего тут делать зайцу. Осины-кормилицы — те подальше, за полянкой.

Припустился заяц, снежный простор пересекает. Скорей, скорей, а то сова увидит. Еще наддал, прыжок-другой через лощинку с можжевельником и на полном ходу — трахтарарах! — валится бедный зайчик с размаху куда-то в ямку. А под ним вдруг столбом взметнулась

снежная пыль. Обдало холодом, запорошило глаза. Ой, страсти какие!

Заколотилось, застучало робкое заячье сердце. С перепугу ноги отнялись, из ямки нет мочи выбраться. А под ногами бьются чьи-то крылья, ходу не дают. Оседает перепуганный зверек в рыхлую снежную воронку, а из-под него с трепетом взлетела черная птица, больно задела бок коротким, но сильным клювом. Заяц и не рад, что рано поднялся. Лучше бы под елкой полежать, чем в такую кутерьму угодить. Что-то будет?

А из лунки с куриным кудахтаньем выпорхнула еще одна серая птица. Ба, да это тетерка! Встрепенулся заяц и прытко поскакал дальше. Ног не видать, как промелькнул через поляну. А у опушки стоял лось. Видел сохатый, какое было приключение с косым. Но смеяться лось не умеет. Только головой великан покачал, как бы отряхиваясь: «Чепуха какая!»

Остановился заяц у ивового куста среди поляны и тут только опомнился. Хорошо, что на своих наскочил. Сонных тетерок напугал.

Мирного соседа за вредную лису приняли бестолковые куры. Нашли кого пугаться. Никому вреда нет от кроткого зайчика — тише воды, ниже травы живет. И сам шороха листа боится. Страху от птиц навидался, думал — конец пришел.

Потихонечку заяц попрыгал дальше через поляну. Нагнув голову, обнюхивал снег: пора ему погрызть бы чего-нибудь. За день проголодался, да и ночью вот не дают покоя. Никак в себя не придешь!

Голод пронял зайца. Беляк встал, поднял передние лапы, осмотрелся. Ни звука. И, скрытый темнотой, потихоньку добрался до опушки. Присел дух перевести.

Ух, пронесло! А тут и до осин недалеко. Приятно закусить хрусткой, горьковатой на вкус корой.

Следы на снегу поведали следопыту лесную быль.

«Зимние подорожники»

Зима по первопутку еще малоснежна. Ветром сдувает снег, в поле и на пригорках, буграх и косогорах обнажается земля. На взметанной зяби чернеют плешины. Желтеют островки жнивья.

В это время непременно вблизи или на самых дорогах встречаются под Москвой прилетные стаи мелких пташек чуть побольше воробья. На лету они кажутся совсем белыми. Охотники, пешеходы невольно останавливаются полюбоваться на этих пернатых гостей. Это пилигримы Арктики, белые полярные воробьи — пуночки. О них-то и упоминали герои-папанинцы, рассказывая о фауне Северного полюса.

Птички кучно копошатся на дороге или садятся на торчащие из-под снега былинки и тихо раскачиваются. Кормятся они семенами сорняков, иначе сказать — занимаются в зимнее время прополкой. Бесплатные поденщики. Пуночки прилетают сюда с берегов Северного Ледовитого океана. Они появляются у нас с первыми порошами и постепенно продвигаются на юг. За зиму птички добираются до Крыма, а ранней весной улетают обратно на север.

Не ищите пуночек в лесу. Они привыкли к открытым просторам Арктики и, зимуя в наших полях, придерживаются проселочных дорог, гумен и ометов.

Если вспугнете, пуночки будут стремительно перебегать и порхать опять-таки по дороге. За эти характерные повадки их называют еще «снежные подорожники» или «зимние подорожники».

В подмосковных лесах и перелесках зимуют прилетевшие с далекого севера попутчики пуночек. В мороз поют красноперые клесты, малиновые гости тайги щуры, нежнорозовые свиристели, чечетки и другие птицы.

Несложны и отрывисты напевы всех этих зимних птичек. Но в снежном безмолвии полей и лесов их бодрые «арии» особенно трогательны и волнующи для охотников, натуралистов, любителей природы.

Пионеры и школьники «приваживают» в садах зимних птичек домиками и кормушками. Они наблюдают за пернатыми и ведут фенологические записи. Для учебы интересна эта живая книга природы.

Тетерев в лунке

Зимой у тетеревов два кормильца — можжевельник и береза. Зимний день короток, света мало. С утра почек и сережек поклюют — и под снег на отдых. Перед вечером снова кормятся на березках, а потом уж на всю ночь — в лунки, тугой зоб просиживать.

В студеную пору тетеревиные стаи обычно отдыхают и ночуют под снегом. Вот почему говорят: «тетереву зима — одна ночь».

Сложив крылья, тетерев падает с дерева в рыхлый сугроб и затем продвигается под снегом. Облюбовав место, делает лунку, клювом пробивает вверху отверстие и садится на всю ночь.

Длинные ходы под снегом днем — убежище от ястребов, ночью — от филинов и сов и главное — защита от морозов и метелей.

Увидел ястреб птиц на поляне, сейчас же спустится, а их уже нет. Куда девались? Походит-походит разбойник над самыми тетеревами и улетит ни с чем.

На месте тетеревиной ночевки всегда остаются две лунки: вход и через несколько шагов — выход. Издали увидишь ямки по разворошенному снегу.

Тетерева упорно сидят под снегом. Иной раз вылетит из-под самых лыж охотника, да еще обдаст вихрем снежной пыли. Случалось и лыжами наезжать на тетерева. В Завидовском охотничьем хозяйстве во время охоты на лисиц мы поймали тетерева руками из-под лыж.

Зимой тетерева близко подпускают охотников, и обычно их стреляют при взлете.

Велик лес, а ночует птичья стая из года в год в двух-трех излюбленных местах. Тетеревиную спальню надо искать на сечах-вырубках, некосях, на краю больших лесных полян, в редких ивовых кустарниках и на кочках, на лесных болотах и опушке березняка.

Зимой редко встретишь одного тетерева, обычно все птицы в сборе. А увидишь, куда летит одиночка, знай: в той стороне и вся стая.

На заиндевевших деревьях далеко видны угольно-черные косачи. Глядишь, стая слетела. С полчаса подожди, дай птицам обсидеться, задремать под снегом. Потом осторожно подъезжай на лыжах. Иногда даже лучше сойти с лыж. Но главное — умей издали различить тетеревиные ямки.

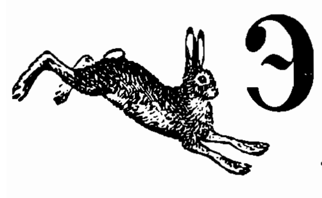
Входная ямка осыпана внутрь, похожа на след копыта. Выходная — разворошена. Увидишь две ямки — значит птиц нет. Заметишь одну — подходи осторожней.

Не стреляй, если птица закудахчет на взлете. Это птичья мать — тетерка. Выбирай черных, краснобровых косачей. При взлете черныш по-петушиному сам подскажет: «ко-ко-ко!»

Зимуют тетерева дружной стаей. Но в лунках чаще сидят поодиночке. Охотиться на тетеревов можно и без ружья. Их хорошо ловить с фонарем в темную ночь. Сачок, рыболовную наметку или кусок сети можно набрасывать на взлете.

Москвичи охотятся на тетеревов в соседних областях— в Подмосковье требуется особое разрешение.

По русачьему следу

Эх, да темной ноченькой не спится охотнику под выходной день. Глядишь, на счастье снег с вечера пошел. Любо зайчатнику. Стар он или молод — безразлично: пороша одинаково волнует юного и пожилого любителя.

...Утро. Наряден дремучий бор в обнове снегопада. Нежный налет пороши гасит яркость зелени на соснах и елях. Куда ни глянь — все сверкает, все искрится... И откуда-то из сплетения бахромчато-ажурных ветвей льется задумчиво-тихая музыка зимы. Это мечтательно вздыхают поутру нежные тихопевы-снегири.

Чист нетронутый покров ночной пороши. Охотнику легче определять свежие звериные следы.

Далеко по снежному гребню, весь на виду, несется дымчато-голубой русак. Залюбуешься хитрыми увертками косого. Вот он присел, оглядывается. И вдруг начал прыгать, следы петлять. Готов, кажется, взлететь. А прыжки его один за другим отпечатываются на снегу. Хоть не хотелось, а оставил заяц на пороше свою визитную карточку.

Не легка задача — подойти на выстрел к зайцу на лежке. Сбивчив почерк заячьих лап. След на след находит. Знай: когда начинает заяц хитроумные петли делать — значит спать собирается.

...Увертлив и хитер заяц по пути на лежку. Вот он прыгнул с наезженной дороги и пошел как бы напрямик. Ан, смотришь, нет следа. Это заяц с толку сбивает охотника. Пошел обратно своим следом. И так несколько раз. А вот опять прыгнул косой далеко вбок. Теперь не зевай охотник: скоро лежка.

И прыгнуть длинноухий старается не на чистое место, а в куст или на пучок травы, и обязательно сложатся

вместе лапы, чтобы незаметнее остался след. Замысловаты эти «шахматные ходы». Пока распутываешь их клубок, хрустом разбудишь и вспугнешь зайца. Тогда тебе шах и мат! Партия проиграна. Опускай ружье и выслеживай другого.

Чаще всего обманывают звери неопытных новичков. Но опытного следопыта не проведешь: в любых заячьих хитростях разберется. Однако и опытный охотник волнуется, когда чувствует, что близко заяц. Вот конечный следок на лежку. Но откуда выскочит русак, никак не определишь заранее. Это его заячья тайна!..

Что это? Две бурые, еле заметные кочки торчат впереди. А кругом ровное место. Понятно, глаз не сводишь с них, идешь напрямик. И вдруг видишь, как разъединились кочки, одна ожила и двинулась с места. Стрелой несется русак. Прядет ушами, глазами косит. Тут не зевай: целься по ушам. Охотник приложился, мушкой накрыл цель. Выстрел. Трофей есть!..

А кругом — сияющее безмолвие снежных просторов. От невидимой за бугром деревни доносится заливистый лай собак. День склоняется к вечеру. Пора и на ночлег. Ноги устали, но «своя ноша не тянет».

На лисицу с флажками

Серебряная головка мушки зарывается в вишнево-огнистый мех. Прицел точен. Указательный палец плавно нажимает спуск. Выстрел! И лисица падает на снег. Эту волнующую картину спит и видит каждый охотник.

Самая надежная охота на лисиц — это облава с флажками.

...Тихо и глухо. Весь лес в снегу. Живописна заснеженная просека. В дремучей глухомани почудятся и пуш-

кинское лукоморье, и чертог Берендея, и сонное царство Кащея. Сказки детства наяву.

— Стоп! — командует егерь.

На чистой пороше оттиснут четкий лисий след. Он лукаво извивается, змеится по сечам, полянам, перелескам.

Охотники стоят и шопотом обсуждают диспозиции оклада. А в это время безмятежно где-то лежит и дремлет «спящая красавица». Лисица свернулась калачиком под елочкой, уютно уткнув кончик мордочки в пышный дымчато-серый хвост. Ночью лиса помышковала на поле, закусила зайцем, а теперь отдыхает. Выбрала кустарниковое болото в хвойном молодняке. Где попышнее перина сухотравья, там и ее постель.

Охотники обошли крепь, подсчитали следы. Один вход лишний. Значит, лиса здесь.

Егери начали обносить оклад. Зацепляли шнур с красными флажками за кусты, за ветви, и не как-нибудь, а на уровне головы зверя, чтобы кумач висел повиднее и издали пугал лису.

Перехитрили осторожного зверя. Затянули оклад флажками. Отрезана лиса, не уйдет из «магического круга».

Полыхает на снегу кумачовая околица, непроходимый лисий рубикон.

А иногда бывалая лисица все-таки вырывается на свободу: ляжет и, дрожа от страха, ползком проползет под флажками границу оклада.

Оклад закончен, смеркается, пора и на ночлег. Кумушка взаперти.

Утром охотники обходят границу оклада. Выходного следа нет, — зверь в кругу. По непостижимым для новичка признакам егерь заранее определяет, откуда и куда гнать стронутого с лежки зверя.

Егерь расставляет стрелков по номерам, молодых и начинающих охотников инструктирует: не шевелиться,

не кашлять, не курить. При появлении зверя не горячиться, подпускать на верный выстрел.

Кажется, нигде не бывает такого молчания, как во время подготовки к облаве. Глухо в заснеженном лесу. Томительно долго тянется время на номере. Но вот где-то далеко возникли приглушенные, негромкие звуки.

Гон начался. Зверь стронут.

Редкие голоса загонщиков становятся все слышнее и слышнее. Лисица мечется, натыкается на преграду. Яркокрасные флажки висят, как высунутые языки. Страшно кумушке. Бежит туда, где тихо и нет флажков. А там засада.

Вот между кустов мелькнула рыжая голова с белой манишкой на шее. Золотом горит шерсть на резвой лисице. Красив зверь на бегу.

Лесную тишину рвануло короткое эхо выстрела. С веток взметнулся столб снежной пыли. В воздухе засверкали снежинки. На свежей пороше недвижимо лежит огненно-красная лиса.

— Гоп-гоп! — крикнул стрелок.

Дрожащие от волнения руки высоко поднимают зверя за передние лапы. Кончик хвоста щекочет щеку счастливца.

С «красным полем»!

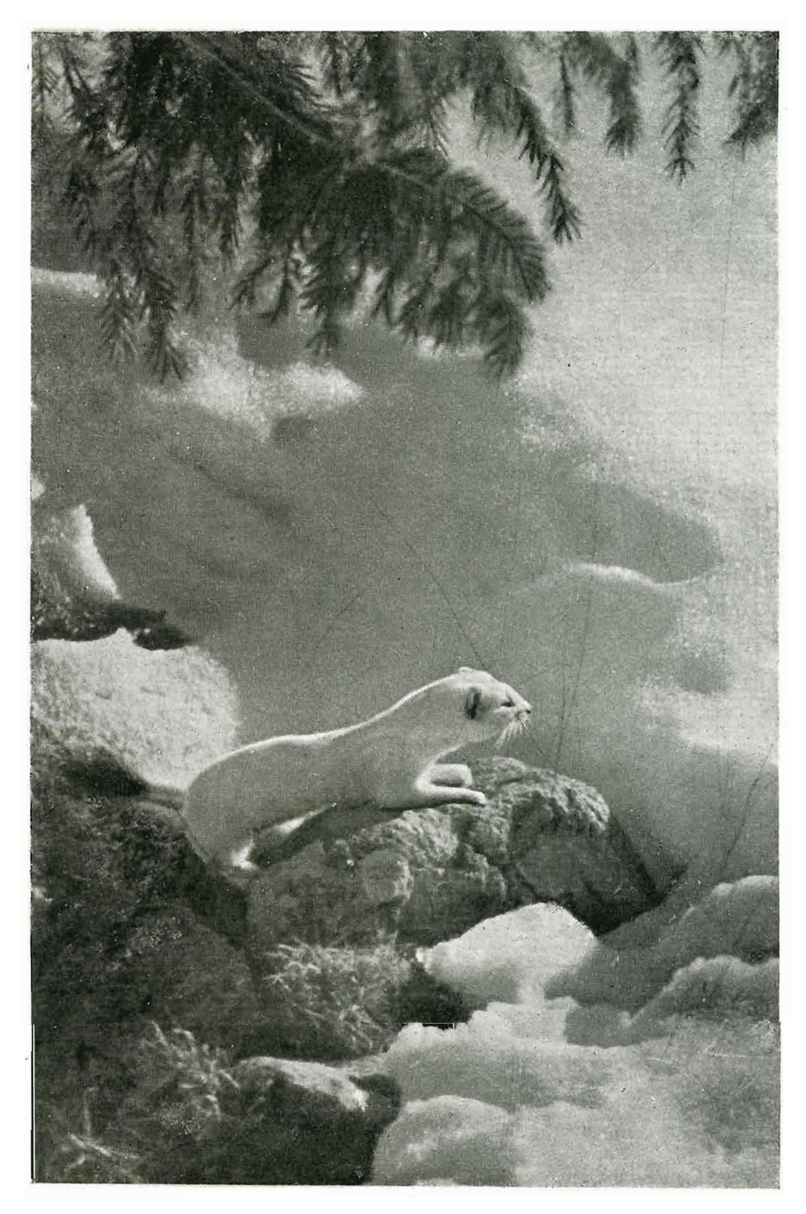

ЯНВАРЬ

Ночь темна, на небе тучи,
Белый снег кругом,
И разлит мороз трескучий
В воздухе ночном.

Н. Огарев.

Январь — году начало, зиме середина. Дни прибывают, светлеют. Солнце раньше встает над яркими полями сияющих снегов. Все выше поднимается светило над северным полушарием. Солнце заторопилось к весне, а сугробы пухнут от порош и метелей. Глубже снег, толще лед, морознее воздух. Глухозимье! Лютует стужа, румянит щеки конькобежцев, лыжников, охотников, рыболовов у проруби. И удивительно! Мороз бодрит единственное живое существо подо льдом — налима.

Горностай на охоте.

На пышном снегу.

Январь — весна усатой рыбы. С глуби поднялся налим, повеселел, идет на камушки, отмели. Пришла пора икру метать, дождался затворник холодной воды под самым толстым льдом.

Январь — месяц ярких звезд, белых троп, синих льдов. Лютая пора — «девятый вал» зимы. Трещат крепкие морозы, скрипит под ногами затвердевший снег. На окнах нежной кистью рисует дед Мороз свои ажурные узоры. Хризантемы инея распустились на стекле.

Завороженный чарами зимы затих дремучий лес. Распушились инеем деревья. За километр слышится хруст и шорох в лесу. Дед Мороз невидимкой ходит по звонкому снегу. Холодными льдинками мигают в небе далекие звезды.

В ясные январские ночи любители астрономии будут восхищаться особенной красотой ярких звезд в южной части неба.

Пышный сугроб светится фосфорическим блеском. Снег пушистый и мягкий. Вся лесная поляна словно плавится от луны в голубом сиянии морозной ночи. Ясно и тихо. Чу! Далеко слышен скрип саней. До чего же мелодично поют полозья русских саней-розвальней на проселочной дороге.

На бульварах и скверах снежными горками обвалены стволы деревьев. Зима — время хлопот в саду. Выползли мыши в сугроб. Снег теплее земли. Садоводы отаптывают пухлый снег под яблонями, разрушают норы грызунов. Еще лучше, когда поливают водой. Ледяная корка искусственного наста не пропускает мышей к корням.

Январь — вершина зимы. Прошло полсрока зимовки птиц, сонного покоя растений, снегового покрова. Все больше светлых часов. День прибавляется, но еще сильнее бывает стужа. Солнце на лето, зима на мороз.

Звездная пороша

Блеснул мороз, и рады мы
Проказам матушки-зимы...

А. Пушкин.

Тихо и морозно. Ушла последняя ночь полнолуния. Ясное утреннее небо, кажется, поднялось еще выше. Нежнорозовые полосы зари «раздвигают» горизонт, разгоняют прозрачно-легкие волокнистые облака. Просеки подмосковного леса светлеют, и вдруг высокие стволы и жемчужные шапки сосен воспламеняются алыми бликами. Сквозь колоннаду деревьев просвечивает восход солнца. Ни туч, ни облачка.

А в замедленном полете лениво падают шестигранные звездочки. Удивительно правильной формы иглистые, чистые кристаллики. Пышно лепятся и не давят одна другую сухие пушинки. Алмазными искрами блестят снежинки на вздутой пелене пухлого сугроба.

И так весь день сыплется и сыплется звездная пороша.

В сонной дреме безветрия, не шелохнувшись, стоят отягченные ели и сосны. Лишь в хвойных вершинах изредка слышатся звонкие голоса клестов. На свежий снег падают сбитые ими еловые шишки.

А на березах и ольхах без умолку щебечут по утрам бойкие чечетки. Красногрудки хватко цепляются лапками за тонкие ветви, трепещут крылышками, ловчатся клевать почки и усеивают снег березовыми семенами. Часами хозяйничают они в городских парках и у зимних дач, доверчиво подпускают людей под самое дерево. Любуйся, только не мешай клевать.

За компанию с чечетками в ольховниках Подмосковья зимуют чижи и тетерева. Недалек путь на лыжах до этого вольного птичьего зоопарка. А вот безлистая, но

густая вершина в серьгах. Это — ясень, и на нем снегирь. Он один пользуется семенами ясеня.

Нередко на рябинах зимуют дрозды. Северные гости — свиристели клюют ягоды целиком, а снегири — только косточки. Увидишь на снегу мякоть и кожицу рябины — знай: здесь кормились снегири.

Отошли поздние оттепели. Запели скрипки мороза. Захрустел под ногами снег, подернутый ледяной коркой. Первое утро настоящей зимы.

Лесные встречи

Снежное безмолвие... Ни взлета, ни шума. Цокает лишь бойкий красноперый клест на зелени еловой ветки.

Величаво возвышается на холмах старый бор. Пышнее и ярче, чем летом, кажется бархатная зелень. Как ласкает глаз она среди монотонной, однообразной белизны снегов. Чист и строг четкий рисунок устремленных ввысь пирамидальных елей.

А понизу зелеными шарами стелются карликовые кругляки можжевеловых кустов. В этих подлесках охотники всегда находят следы пиров. Зеленые и черные шишечки ягод можжевельника — любимая пища тетеревов, рябчиков, глухарей, свиристелей, щуров, дроздов. Даже лосей и лисиц привлекает можжевельник в голодное глухозимье.

...Охотники идут под старыми угрюмыми елями. Лайка, махая хвостом, кружится вокруг дерева. А следов никаких. На высоте двадцати метров виднеется беличье гнездо. Зверек прошел поверху. Собака волнуется, лает...

В гнезде зашевелилась чья-то пушистая спинка. Раз-

дался выстрел. Из гнезда с визгом метнулось что-то темное: куница! Зверек срывается с дерева и падает. Собака придавила ее лапой к земле.

Визжит и лайка: куница прокусила ей губу. Подбежал охотник, наступил на куницу, а та старается схватить его за ногу. У нее только прострелено ухо. Охотники связывают подранка, кладут в рюкзак и возвращаются на Петушковскую зообазу киностудии научно-популярных фильмов.

Хороших порош не было весь декабрь. Бесследно разгуливали волки. Бесснежье затрудняло окладные облавы.

В январе выпал большой снег. Из лесных районов приходили тревожные вести. Непуганые хищники осмелели и, оказывается, сами скопом устраивали гонные облавы на других зверей.

На другой день охотники вышли по пороше в угодья Талдомского охотничьего хозяйства, неся за плечами красные флажки для оклада волков. В лесу они увидели отпечатки круглых лап — в миниатюре как бы следы тигра... Смекнули охотники: это большие лесные кошки. Рыси прошли. Сосчитали кругляки на пороше: три зверя. Четвертый, как видно, отбился. С осени этот рысий выводок бродил вчетвером.

Разошлись охотники, «обрезали» круг. Выхода нет. И давай затягивать флажками. Живо обнесли красным частоколом окружность на два километра. Оклад готов. Один стал на номере, другой пошел загонять с тыла. С первого крика три зверя опрометью бросились бежать. Охотник ждал на номере и не дождался. Звери не показались. Что же случилось? Оказывается, рыси безбоязненно перемахнули с хода через флажки и... ушли.

Рысь — не волк, не страшится флажков. Ее надо умело направить обратно на свой след. Вот это и есть знаменитый способ псковского нагона.

На рассвете охотники опять направились в приметное звериное место. Перехватили старые следы и в изумлении «прочли» повесть о разыгравшейся лесной драме. Волки оттеснили трех рысей от крупного леса и погнались за ними по молодому березняку. Будь лес постарше, кошки, вскочив на толстые сукастые деревья, легко могли бы избежать погони. В частом лесу рысь прыгнет на дерево, сидит и смотрит вниз на лающих собак. Такова рысья повадка.

Идут охотники по гонным следам волков, соображают: редок и мелок березняк, плохи рысьи дела. На снегу видно: отбили волки одну кошку и погнались за ней: один — по следу, два — с флангов. Обжали с трех сторон, взяли в клещи и настигли. И вот развязка. Схвачена и растерзана рысь. Так говорил язык снега.

В санях на тетерева

Ясное тихое утро. Ни облачка на нежноголубом небе. А в морозном воздухе сверкают искры. Только на солнце видна эта «серебряная пыль» кристаллов.

Иней красиво опушил лес. Косматая изморозь накипает на деревьях. «Все ярко, все бело кругом».

Желанна для охотников такая тихая морозная погода. Сани с «обстрелянной» лошадью — прекрасная маскировка во время стрельбы с подъезда. Звери и птицы не пугаются подвод. Они привыкают к людям, которые часто ездят за сеном, за дровами, и доверчиво подпускают к себе. Поэтому москвичам-охотникам нужно иметь одежду местных жителей.

...Бесшумно и плавно, как лодка, плывут сани по ровной снежной целине. Искрометной парчой стелется

по редколесью сияющая равнина. Чистой светелкой потянулся мимо поляны березняк. От комлей и до самых вершин закурчавились деревья в узорах пушистого инея.

В морозной тишине беззвучна заиндевевшая роща. Лишь полозья поют, да изредка резко вскрикнет красновато-серая сойка. Неспроста крикнула горластая птица. Вон углом выходит в поле мысок березнячка. Всмотрись. На деревьях будто подвешены угольно-черные шары. Это стая тетеревов теребит березовую почку. Ветки словно кипят. Птицы торопятся, спешат наклеваться.

Какой держать курс? Ехать надо стороной, на виду у стаи и стараться не глядеть на птиц.

Березняк все ближе и ближе. Уже можно разглядеть причудливые позы птиц. Тетерева вытягивают шеи вбок, вверх и вниз, тянутся достать клювом березовые сережки и почки — любимое зимнее лакомство. Под ними пружинисто гнутся гибкие ветки. Вот черный косач срывается и звучно бьет крылом воздух.

До берез осталось метров пятьдесят. Птицы кормятся и не замечают, что сани подвигаются к ним все ближе и ближе. Велик соблазн! Можно и стрелять. Но охотники знают, что без риска к тетеревам можно подъезжать на расстояние тридцати пяти метров, а там птицы сами скажутся. Если бросили клевать, вытянули шеи и начали перебирать лапками, знай: сейчас сорвутся. Пора стрелять. Охотник взял на мушку черный бок косача, сидящего ниже других птиц. Раздался выстрел. Грузно, но бесшумно свалился тетерев в рыхлый снег. Остальные птицы, вытянув шеи, остались сидеть на березе. Снова выстрел. Взвился столб снежной пыли. Стая снялась. Косач с подбитым крылом «трепыхаясь» присел на снег, а подранок спикировал на полянку и тут же зарылся в сугроб.

Правильно сделал охотник, когда стрелял по нижнему петуху. Почему стая не снялась после первого вы-

стрела? Убитый тетерев, падая, не напугал остальных птиц, и они остались сидеть на дереве.

Сани остановились. Охотники подошли и положили на солому три иссиня-черных косача с красными бровями. Хорошее поле!

Нагон в поле

Зима установилась.

На снежные просторы Подмосковья вышли лыжники. Над застывшими водоемами разносятся гулкие удары рыбацкой пешни. Энтузиасты пробивают лунки для подледного лова. А в перелесках раздаются выстрелы охотников, искателей удачи на белой тропе.

Светает... Нежно алеет край неба. Пухло лежит свежий налет пороши. Лучисто зарумянился снег. Восходит солнце.

...Крутой бугор. Отсюда как на ладони видна окрестность. Вон из хвойного острова выбежала в поле лисица и вдруг встала как вкопанная. Слушает... Постояла и прыжками махнула в сторону. Сделала скачок, припала к сугробу — и мышь в лапах.

Игриво резвится кумушка и совсем не подозревает, что за ней пристально следят в бинокль охотники.

А в двух километрах от лисы по нетронутой целине снежного поля движутся сани, отрезая зверя от леса. Охотник в белом халате с капюшоном на ходу вываливается из саней, скрытно ползет по бурьяну и занимает «лаз» у изгороди. Белым мешком валится в снег другой стрелок и залегает в канаве. Сани движутся по намеченному маршруту и оставляют на снегу через каждые 100—200 шагов наскоро изготовленные чучела. Обычно это фартук, башлык, попона, рукавицы, мешок, шапка,

которыми накрываются короткие палки, воткнутые в сугроб. Зверь боится и далеко обходит эти чернеющие предметы.

Подвода заезжает далеко в тыл лисе, и там двое загонщиков уже без всяких предосторожностей слезают с саней и становятся на лыжи.

Раздолье чистого поля притупляет бдительность зверя. Глазом ведь не окинешь, как обширна эта белая снежная пелена. А загонщики вдвоем, лучше втроем издалека нагоняют лису. Они стараются не пугать зверя.

Все способы охотников-промысловиков по красоте и наглядности уступают прославленному псковскому методу — нагону в поле без флажков. Секрет егерей-псковичей основан на главной заповеди: гони стронутого зверя «не голкою (шумом), а уловкою». Предоставляй зверю спокойно идти по излюбленному пути — лазу и самому выходить из оклада.

Трусцой плывет пушистая лисица. Вот она направилась к лесу. А там показался человек. Увидела загонщика — повернула назад. Человек отвернулся, а лиса вдруг с полного карьера застыла на месте и — скок мордой в снег. Лиса, стало быть, не подозревает, что за ней следят люди, мышкует спокойно на ходу. А загонщики продолжают осторожно заходить с флангов.

Но вот зверь почувствовал опасность и норовит бежать в лес вдоль изгороди, где на номере лежит стрелок. Проходят короткие минуты. Как из-под снега, выросла перед стрелком лисица. Заманчивая цель! Но охотник не рискует стрелять — ждет, когда зверь подбежит ближе.

Вот лисица спокойно опустила мордочку, легко двинулась вперед.

Звук выстрела в поле короток и обрывист.

Счастлив охотник!

На гумне

Белая ночь. Тишина и льдистое сияние. В воздухе стоит морозный шорох.

...Полная луна. Ни тени, ни звука. Ясно и тихо-тихо. Искрится пушистый снег. Белизна сугробов отражает неясное мерцание редких звезд.

Пухло расстилается светлая даль полей до темной грани леса. По склону чернеет кайма можжевельника. Пышный холм снега издали кажется гигантской шапкой. Занесенные метелью кусты то сбегаются, то раздвигаются по лощине. Светло так, что видно, как мышь бежит по сугробу.

В такие ночи охотники устраивают засады на зайцев, лисиц, волков. А в северных областях — и на тощих медведей-«шатунов», поднявшихся раньше времени из берлог или не успевших залечь. Без жиру медведи не ложатся на зимнюю спячку.

Снег глубок, собака тонет в рыхлом сугробе. Лучше провести ночь на гумне. В сарае запах душистой ржаной соломы так стоек, что даже хитрая лисица не почует стрелка.

Без облавы, без собак, без флажков, без дальних лыжных переходов — засидки на ночной охоте интересны всем, а особенно юным охотникам.

Днем видишь только встревоженного зверя. Он сам нарывается на охотника, когда уходит от собак. А ночью непуганый заяц бежит к гумну, и за ним спокойно наблюдаешь из засады.

Милое дело — в сарае, соломенном омете или на стогу сена караулить по ночам зайцев.

...Мороз крепчает. На воротнике тулупа, на ресницах серебряный иней. Погреться бы, руками помахать, но нельзя — шорохом отпугнешь зверя. Таишься, как раз-

ведчик в дозоре. Сидишь, сидишь, и чего только не почудится в льдисто-голубом просторе ночного поля!

В лунную ночь, когда долго смотришь в одну точку, в глазах начинает двоиться, кусты — как живые, так и прыгают... А моргнешь — сразу все становится на свое место.

Собираешься на охоту — засветло осмотри место обстрела, старайся запомнить, где кочка, козырек сугроба, кустик бурьяна. Ночью кочку за зайца примешь...

Сидишь час-другой в валенках, укутанный тулупом. Хорошо осмотрелся, взял на учет все подозрительные затемнения на снегу. Ничто нигде не двигается. И вдруг...

...В опаловом свете луны по снегу скользнула короткая тень. Будто бы от облачка, а небо попрежнему ясно.

По серебристому полю катится колобок, похожий на завиток сизого дымка.

Голубовато-седой клубочек приближается. Набегает тень. Искры меркнут и вновь зажигаются на снегу.

И вот уже ясно видна фигура зайца. Бежит скачками. Ружье заходило. Охотник волнуется. Сердце бьет тревогу...

Но что такое? Русак сел, отпрыгнул вбок и покатил обратно в поле.

«Подшумел, — думаешь, — даром напугал зверя. Какая досада!»

А ты, стрелок, не унывай. Жди. Это только заячьи хитрости. Скоро он вернется.

Так и есть. Снова заяц прикатил и сел у привады. На задние лапы встал, оглядывается, прядет ушами. Интересно, сколько тут гостинцев! Торчат ивовые ветки, стоит снопик немолоченого овса. Растрясены пучки сена. Все это притягательные русачьи лакомства.

Ружье наизготовку, а где же цель? Загадочно пропала. Заяц тут, где-то рядом. А на мушке ружейного

ствола одни снежно-голубые миражи — неясно дрожат голубые светотени. Оказывается, только на прыжках виден силуэт зайца, а как приостановится, то сливается со снегом.

Но вот возле веток что-то заколебалось. Заяц здесь! Вот он, словно дымка, синеет на снегу.

Гром выстрела. Гулко взорвался голубой простор. Созвучно отозвалось снежное пространство. Загудел вдали бор.

Косой бросился наутёк. Его хорошо видно на бегу. Промах!

Увы, так часто бывает при обманчивом свете луны. Палят не в зайца, а в тень, которая виднее его.

Отличить зайца от его тени — в этом весь секрет ночной стрельбы. Луна слева — целься левее тени. Луна справа — выноси мушку правее. Где пятно светлее, там заяц. Опытный охотник, у которого достаточно наметанный глаз, не станет выцеливать более видную тень, а возьмет на мушку менее заметную, светлую фигуру самого зайца. Так на практике постигается искусство меткой стрельбы в ночное время.

Если увидите, что заяц на полном ходу пробегает приваду, осторожно привстаньте и свистните. Он мгновенно присядет. Тогда немедленно стреляйте. Так иногда делают охотники с гончими. Внезапный отрывистый свист останавливает напуганного зайца.

Начинающим охотникам полезно потренироваться на зимних засидках. На всю жизнь запомнятся эти обворожительные лунные вахты на гумнах. Глубок покой сонной природы. Необъятен простор снежного поля. В таинственном безмолвии лежат пышные сугробы. Сверкает снег, вспыхивают искры снежинок. А с высоты льет холодный свет «медвежье солнышко».

Незабываемы картины родного пейзажа.

Грамота следопыта

Зимнее утро. Солнца за лесом еще не видно, а белые макушки серебристых елок уже порозовели под масть снегирю. Яркие блики лучей скользят по верхушкам деревьев.

Хрустит снег под ногами лыжников.

А кругом-то какая красота! Глаза тешит блестящая ясность солнечного дня, хвойный бархат зелени и сияющая синева безоблачного неба.

Лыжня уводит в белый лес человека с ружьем. Взгляд охотника устремлен на белую страницу книги природы, по складам следов читает он ночную повесть жизни зайца.

Во все стороны по нетронутой целине разметались узорные сплетения заячьих следов. Отпечатков много, но следопыту нужен и важен только один, верный след, последний, наиболее свежий: только он ведет на лежку, где заяц затаился на день. «Тропить», подойти на выстрел — это тоже талант следопыта.

Снег, иней, оттепель, мороз — все меняет следы. Напряженно вглядываешься в тайны леса.

Не следует поддаваться на обман встречных, сдвоенных, поперечных следов. Лучше делать вид, будто идешь мимо. Шумят лыжи, заяц думает: пусть уйдет; умолкли — сразу вскакивает... Старайтесь не останавливаться на следу. А то может быть так: остановишься, начнешь рассматривать следы, а оглянешься... зайчик-то вон уже где мчится.

За спиной вскочил и наутёк...

Знай: заяц ложится мордой к ветру, чтоб дуло по шерсти, а не против.

Густо повалил снег. Погода — песня: «Как со вечера пороша выпадала хороша...»

Ночной снегопад. Метеорологам — проза, а охотникам — поэзия. Пороша — грамота следопыта.

С вечера снег пошел и перестал — значит, «длинная» пороша, долгоследица. Впереди ночь заячьей беготни. Много следов успеют набродить звери. И долго придется в них разбираться охотнику. Трудна задача и собаке.

Снег до рассвета — это уже «короткая» пороша, краткоследица. Тут уж каждый след свежий. Ближе следопыту идти к дневной лежке зверя.

А лучше нет пороши, как в оттепель. Снег мякнет, молчит, шаг не слышен. Ни звука на ходу. Не то, что в мороз: «хруст... хруст...» Больше риска шорохом шагов спугнуть зверя с лежки.

Какой восторг — «печатная пороша»! Проснешься затемно. С крыш падает капель. Скорей собираться. По такой пороше легче искать зайца.

На полынье

Скрипит под ногами твердый снежок. Хваткий морозец пощипывает лицо. Заметно пояснели дни. Наряднее, красочнее вспыхивают холодные огни заката. Обходит город дозором льдистая луна со свитой сапфировых звезд. Лунные тени, прозрачно-светлые опаловые блики на голубых снегах украшают московские «белые ночи».

Уткам кряквам сейчас место на Каспии или в далеких теплых странах. А вот около сотни их осталось на зиму на полыньях Истринского водохранилища.

Нарядный красавец в зимнем «брачном пере» — кряковый селезень плавает среди льда, рулит оранжево-красными лапками, чтобы течение не отнесло от родной стаи. Бдительный страж внимательно следит за любопытствующими воронами. Утки кряквы, спрятав голову

под крыло, чутко дремлют на воде. Иные жируют на разводье, опрокидываются кверху хвостами, достают клювами со дна семена трав, побеги растений. Мороз силится затянуть полынью тонким ледком, но живая вода уносит его течением.

Сметливые птицы — вороны издалека заметили чернеющие среди снегов истринские полыньи и слетелись сюда со всей округи. Еще бы, зимой вода бежит!

Разочарованные, собрались они у кромки льда. Недоступна сухопутным птицам утиная кормежка, а на снегу нечем поживиться.

С досады ворона каркает «во все воронье горло». Завидует вещунья кряквам: что-то вкусное достают утки с мелкого дна. Опрокинется головой в воду, а вынырнув, поднимает утиный нос кверху и жадно глотает. Вороватые птицы со всех сторон обхаживают полынью, не сводят с уток голодных глаз. Соблазнительно! Кормятся утки вволю, а к ним не пускает вода. Нет терпенья плутовке смотреть на чужую еду. Боком попрыгала завидущая птица к кромке льда, а дальше — стоп! — вода. И «стартует» ворона в воздух, низко кружится над кряквами, захлебывается негодующим карканьем и норовит еще клюнуть, налетчица. Охота, видно, и ей окунуться по-утиному, да не дано таких способностей вороньему роду.

Воды, накапливаемые в Истринском хранилище, сбрасываются плотиной. Потому-то стремительное течение не сковано ледоставом. Обильную пищу нашли на дне водоплавающие птицы и не захотели расставаться с обжитым за лето районом, не полетели на юг, изменили смельчаки-кряквы своим сородичам. Взяли, да и остались зимовать под Москвой, вопреки закону вечной птичьей тяги к великим перелетам. Утки-«отщепенцы» так и дождутся весны на полыньях Московского моря.

Это не первый случай утиной зимовки под Москвой.

Снежная сказка леса

И виден лес в тиши глубокой.
Луна мерцает сквозь дерев,
И тени длинные стволов
По снегу стелются. Далёко
В лесную глубь уходит взор...

Н. Огарев.

Все выше и выше солнце, дольше и ярче дни, больше света. Розовое утро встает раньше, закаты наступают позже. Что ни ночь, то тьма короче.

Терпимые для животных и растений холода стоят на перевале с зимы. А пороша все сыплется и сыплется с облаков-снеговеев. Что ни день, то завьюживает белокосая метель. На дорогах взметаются снежные вихри, и за санями увивается светлый шлейф поземки. В воздухе мечутся галки, вороны, бьют крылами, летят и никак не могут вырваться из снежного плена. Поля заботливо перепружены надежными плотинами. А по просторам степей ветрам и снегам тесно стало от лесных полос. Навстречу метелям и буранам гордо встают заградительные аллеи — зеленые редуты лесов.

«Снег — наше богатство», — говорит русская пословица. Радуются снегам колхозники. Накапливается влага для весеннего орошения полей.

Покрытые снежными кружевами деревья оцепенели в зимнем сне. Тайна жизни растения замкнута под корой. Секрет вечной зелени листа таится под недосягаемым для холода колпачком почки. В былинках сохраняют всхожесть и семена трав даже в сверхсильные морозы.

Глубок зимний сон природы. Теплится жизнь под сугробом. Попробуй разгреби в лесу снег до земли. Глазам откроется поразительное видение. На расчищенном месте, увидишь, лопушатся зеленые кустики брусничника, веточки черничника, все еще зеленеют круглые листья грушанки, хвоевидные султаны вереска, стелются лежа-

чие побеги лесного чая. Пахучая зелень багульника и сейчас торчит под соснами из снега.

Хмурятся потемки крылатых зонтиков — лап елочек. А ясная береза распустила светлые косы покрытых инеем ветвей, блестит на солнце нежнорозовой тонкой берестой. В пылу мороза она как бы таинственно нашептывает: «Придет весна! Придет весна!»

Последняя, самая крепкая стужа лютует обычно в конце января. На прощанье, перед сретенскими оттепелями дед Мороз показывает во всей красе зимнюю прелесть русской природы. Так же все занесено и опушено снегом, но другой, ликующий свет дня. Вот на пухлой пелене в развороshенные санями полозницы ложатся тени, и тогда дорога кажется вся голубой в малахитовых стенах хвойного бора. А над ним необыкновенно глубок бездонно-синий океан света. Лучистый шар солнца катится к западу, сгущается фиолетовое небо, и заря пурпурно-яркими красками ярче оттеняет блеск инея на деревьях.

Надвигается самое буранное время зимы: чаще всего метели завьюживают в первую декаду февраля. Вот когда на пороге «пора метелей злых и бурь».

Пороша печатает протокол событий январской ночи. Пробороздил сугроб долговязый лось. За ним проскакал беляк. Зайчишка притулился под елкой, ждет, не обломит ли великан-лось ветку осинки. А вот словно нежной кистью нарисована на снегу ажурная строчка — следы грациозных шагов пушистых лапок лисицы. Парочки следов наискось испятнали снег; это своим пышным мехом щегольнула под елкой куница. Хищница искала игривые побежки белок...

Сверкает снег, вспыхивают и гаснут искры-блестки. Таинственно немое безмолвие белого сумрака в сонном бору. Беззвучен прозрачный лунный воздух.

Хорош лес в зимнем уборе!

Беляк меняет адрес

Зима облепила хвойные деревья. В лесу лежат пышные сугробы. Как союзнику, рад снегу зайчишка-беляк — пугливый зверек. Тихо в заячьих покоях среди родных осинок и елочек.

На заячью беду не всюду одинаково можно бегать. На поляне скорей грубеет снег, а в чаще труднее прыгать по рыхлому сугробу. Глубже здесь вязнет лапа. А зайцу делать нечего там, где не растут осины. Надо адрес менять, другую квартиру искать.

...Смеркается. Заяц поднялся с дневной лежки, вылез из-под елки, встал на задние лапки, осмотрелся... Звезда подмигнула косому: «Пора!» А врагов-то — полный лес! Зайчик страшится ушастого филина, белой полярной совы, лисицы, волков. Но пуще всего пугливый заяц боится лесной кошки — того и гляди, с вершины, как с неба, рысь прыгнет на спину.

Послушал заяц, ушами поводил... Вдруг что-то звонко треснуло, точно выстрел из пистолета. Беляк так и присел, невидимкой затаился на снегу... Страх прошел. Сухое дерево покоробило морозом. Знаком зайцу этот мирный звук.

За день проголодался зайчик, скорей принялся за горькую осиновую корочку. А поверх снега торчат сухие купыри и метелки лесного тростника — вейника. Это тоже не плохое угощение. Попировал беляк и пустился вскачь, то вдоль, то поперек леса.

Запомнил заяц, с какой стороны днем глухо доносились дальние и вовсе не лесные звуки: «Тпру! Но-о! Пошел!» Ржали лошади, лаяли собаки. Потом все стихло. Это проехал санный обоз. Стало быть, там и дорога. И туда помчался заяц. Луна еще некстати дежурит до утра. Скорей бы поспеть на желанное место!

Беляк вымахнул на торную дорогу. Лапы не тонут. Нагнул голову, понюхал... Сено с возов натрусилось. Сколько здесь корма! Хватит на всю зиму. Вот находка! До отвала наелся заяц и заспешил домой, в лес. А с дороги сходит заяц не просто, а норовит подальше спрыгнуть в сторону, замаскировать след. И выбирает не чистое место, а где ближе к дороге лес. Сметку делает в куст или траву и всеми лапами.

В январское глухозимье беляки переселяются поближе к большим, торным дорогам. Хорошо здесь ночью зайцам. Можно побегать по морозцу, покормиться сеном, погрызть соленый ледок. А днем убежать недалеко в лес и лечь под елкой. Тепло, тихо и уютно. А на дороге и от лисицы легко уйти, и самые чуткие собаки теряют след. Зимой дорога выручает зайца. Три раза в году переселяется беляк: в октябре пугает трусишку шорох опавшей листвы, и он перебирается из осинников в хвойный лес, овраги и сечи; после листопада возвращается опять в осинник, в сухие лиственные мелколесья, а по сугробу — к большим дорогам.

Беляк лучше всех живущих у нас зайцев бегает по глубокому снегу. У него широкая лапа, как лыжа. Любит подбирать сенцо на дорогах. Питается веточным кормом, грызет осинки, ивняк, орешник, реже дубки, никогда не трогает черемуху. Кора ее для зайца — яд.

...Забрался под хвойный балдахин заяц, зарылся в снег, обернулся головой к следу. И заснул с открытыми глазами.

На пелене снега видны отпечатки прыжков: пара следков поперек хода и пара продольных, один за другим. Охотнику знаком этот почерк зверя.

«Смотри, вон куда я попрыгал», — говорила утром следопыту печатная письменность пороши. На снегу осталась визитная карточка с дневным адресом зверя-новосела.

Весна подо льдом

Под открытым небом — трескучий мороз, а для заядлых любителей все равно заманчивы и привлекательны поездки с пешней в ледяной забой. Неукротима охотничья страсть подледных рыболовов.

В Подмосковье есть где разгуляться ледорубам, мечтающим найти «золотое дно» зимних стоянок рыбы. На Московском море, на канале имени Москвы и на других обширных водоемах из года в год все больше распространяется старинный русский способ подледного лова на блесну.

...Тихо и темно подо льдом. Цепенеют рыбы в зимней спячке. Только в оттепели на мели кормятся и бродят чаще плотва и язь, реже елец и голавль.

Звери зарываются в норы, птицы — в дупла, сугробы; караси и лини — в ил. Сонно зимуют на дне угри Балтики. Один-единственный угрюмец — оригинал из семьи рыб — жизнерадостно оживляется в эту пору. Трескучий мороз по нутру налиму. Ему не до сна. Идет против течения в верховья рек на каменистые отмели, хрящеватые перекаты метать икру. Полузимье — весна налима.

Налим — это сородич морской трески. Нерест этой пресноводной рыбы начинается в январе. Косяки донных кочевников как бы вспоминают вековую старину своего трескового рода.

Гуртом трогаются ночные путешественники на верховые броды. Самая пора им метать на камешках икру. Мороз и холод — налим молод. Подо льдом голос холодной крови предков будит воспоминание о тепле и пище морского течения Гольфстрим — «печки Европы». Зачем было спать, когда есть тепло и корм.

Мелкий налим мечет до 200 тысяч икринок, крупный — до миллиона. В этом отношении он превосходит

всех речных рыб. До промыслового веса выживает только один процент налимьих мальков.

И по виду налим — вылитая треска. В проруби льда видно, как в окне... Лениво ползет по песку тупорылая толстая рыбина. В нерест у налима пропадает аппетит. В это время хищник миролюбив. Рыбная мелочь снует за ним по пятам. Ершики, плотва, окуньки блаженствуют: сыты налимьей икрой.

ФЕВРАЛЬ

Зима, лютуя, дошла до перевала! Летят светлые пушинки с низкого неба. Метет метелица. Погода не спорит с народными приметами: «Вьюги да метели под февраль полетели». Обычно первая декада февраля — самая метельная пора, смутное время сильных буранов. Чаще, чем когда-либо, облака пеленают солнце. «Февралю-батюшке — метели», — говорят в народе.

Последние холода!

По древнеславянскому календарю, февраль искони «лютень» — самый колюче-метельный, завершающий месяц зимы.

...В оковах льда, в пышной усыпальнице снегов почивает «спящая красавица» — природа Подмосковья.

Нетронутые холодным огнем яркого, но бессильного солнца покоятся на ветвях снежные нависи. Все осыпано инеем. Шелковистая вата снегов нежно румянеет в косом свете лучистого заката. От леса падает синеющая тень, и здесь сумеречно гаснет свет на буграх лилового свинца сугробов. Густокобальтовая синь неба. Сизо-зеленая хвоя елей и сосен.

Только в эту пору, на вершине зимы, бывает в природе этакий яркий контраст. Девственно чиста пышная пелена пухлых сугробов под васильковым небом дня. А к вечеру безоблачная ясность неба становится густо-фиолетовой, и на таком фоне несказанно красива в хрустальных кружевах инея ненаглядная белая береза.

Дороги и милы русскому сердцу родные картины зимней природы!

Крепкие морозы в феврале бывают только по ночам. А днем, в затишье, начинает слегка пригревать солнце. Недаром февраль, по-народному, двуликий месяц: и лютень, и бокогрей. Отзимовали наполовину залетные гости севера — птицы. Наступил серединный перевал у зимующих растений. В лесу первая клуша на гнезде — желтая самка клеста.

По глубокому снегу меняются места обитания птиц и зверей. Из редколесий тетеревиные стаи перелетают в чащи, где потише, ночуют под снегом. Глухари ютятся в хвойниках, у глухих оврагов и речек, в можжевельниках. Рябчики — реже в ельниках, чаще в ольховниках. Лисы — в хвойных островах, в чащах чернолесья. Русаки — у гумен, ближе к жилью, раскапывают зелень на озими, а зайцы беляки живут у больших, торных лесных дорог.

Докука быкам-лосям: сбрасывают рога, да не оба сразу. Голову набок перевешивает один уцелевший рог; идет сохатый и кланяется, чешется рогом о дерево.

Светел и чист зимний пейзаж Подмосковья. Лебяжий пух пороши кисеей занавешивает снежные дали горизонта, небо от земли не отличишь. За околицей неоглядно широко застыли белые волны гребнистого моря сугробов в сияющих полях.

По лесной дороге

Глубоки снега на полях и в лесах Подмосковья. Впереди еще много снегопадов. Сугробы обещают дружный разлив рек весной.

Щебечущими стайками атакуют дороги воробьи. Обгоняя друг друга, скачут вприпрыжку, точно резиновые мячики. Кучно копошатся на кормном месте. И тут же затевают забавные драки.

Великолепен зимний пейзаж. Иней и снег кругом — настоящая русская зима! В меру подбадривает морозец, без пылкого ожога и знойной колкости.

Сугробы нежат птиц — домоседов Подмосковья. Земля теперь холоднее снега. Мыши из норок переселились в сугробы.

Заботливые садоводы отаптывают рыхлый снег под яблонями.

А снег все идет. Мелькает, кружится и вьется светлопушистый снежок. Будто там, на заоблачных лугах, отцвели и осыпаются белые одуванчики.

Что может быть лучше утренней прогулки на лыжах по аллеям зимнего леса! Хорошо и на санях проехать по лесной дороге.

Заметно светлеет на дворе. Прибавляется день. Оживленнее становятся звери и птицы. Парами бегают зайцы и лисицы. У них февральские «свадьбы». Разбредаются и стаи волков. От прибылых летошних щенят и переярков

отделяются матерые волки. В биологии это называется «гон».

...Холодное пламя тихой зари рдеет на пышной целине сугробов. Румянится снег на пнях и вершинах. А небо! Только поднебесью севера свойственны такие разливы красок.

Глаз ласкает зеленый бархат игольчатой хвои. Веселит береста белоярких берез.

Лодкой плывут розвальни, бесшумно приминают свежий снег полозья. И вдруг прямо из снежных лунок поднялись с ночевки тетерева и черными шарами повисли на деревьях. Лесные куры оживленно теребят, клюют березовые сережки и мерзлую почку. Все кормятся, только один старый черныш, вожак стаи, постится, сидит на отлете. Косач занял наблюдательный пункт на ели. Дозорному не до еды. Зорок глаз под красными бровями, далеко видит вокруг. Неровен час, ястреб налетит. Постовому надо во-время подать сигнал воздушной тревоги.

А на ясной поляне развлекается хитрая кумушка лиса. Сыта уж, а мышкует охотница. Лисичка явно притворяется. Она будто ничего не замечает, а сама нет-нет, да и поднимет мордочку, взглянет на птиц. Сверкают ее быстрые глазенки...

А черныш настороженно следит за лисой и по-петушиному предостерегает стаю: «ко-ко-ко!» Вот она, притворная хищница. До чего же красив этот иссиня-черный лесной петух! Лирой приспущен хвост, выгнута спина, вытянута шея.

Таинственная тишь леса. Снежное безмолвие оживляют лишь трогательно-нежные реплики отрывистых свистов. Вот на лапнике елки оливково-желтый королек. Он прыгает с ветки на ветку. Но вдруг причудливо повиснет вниз головой, да еще тонко пискнет. И клевать стало быть, и петь ему охота.

Чудесны лесные картинки!

В лунную ночь

Какие теперь светлые, особенные ночи! В лесу хорошо заметна полозница санной дороги. Уходит вдаль ясная узкая тропка.

Смотришь и не поймешь сразу, откуда струится этот белесовато-молочный свет. Взглянешь на небо, а там мутное пятно луны. Тусклый свет еле пробивается сквозь толщу плывущих облаков.

Как призрачно при облачной погоде освещает невидимка-луна проселки Подмосковья! А вызвездится небо, и полный месяц, словно вылитый из серебра, выводит на снежный простор белую ночь.

Светло и тихо. Ни звука не слышно, только ухо улавливает отдаленный, невнятный шум.

Искрится пышная, легкая пороша. На синеющей снежной белизне отражается мерцание звезд. Спрячется месяц, и погаснут сияющие блестки, а выглянет—и снова алмазами вспыхивают бесчисленные искры снежинок.

Застывший воздух кажется недвижим. Не гаснет даже спичка. На широком поле прыгает синяя тень и слышится шорох. Это русак откапывает озими.

...На склоне оврага, словно белый дворец, дремлет заиндевевший остров хвойного леса. Косматая изморозь опушила деревья. Сквозь кусты лиса смотрит на зайца.

В синем небе, будто льдинки, мерцают звезды, а на белом инее радужно искрятся нежные пушинки.

Высоко над головой сияет ясно-ледяной шар луны. В такие ночи обычно устраивают засады на волков, лисиц и зайцев. Хорошо видно зверя и мушку на ружье.

Вся снежная равнина и лесные поляны светятся, как один огромный, беззвучный зеркальный зал. Очаровательны эти ночи полнолуния.

Солнечная долина

Восторги от созерцания природы выше, чем от искусства.

П. Чайковский.

Не сбросили еще снежных шапок высокие деревья в парках. Но в воздухе уже чувствуется дыхание весны.

Москвича зовет лесная даль. А лес — вот он, совсем близко!

Манит к себе высокая гряда Ленинских гор. Сиреневой мглой затуманена эта дальняя вышка, откуда открывается чудесная панорама великого города. Это самое интересное и достопримечательное звено в цепи зеленого кольца дубрав. Нет другого, более живописного пригорода для прогулок во все времена года.

Вековой нагорный лес по излучине Москвы-реки огибает столицу. Контрастно выделяются на фоне виднеющихся отсюда домов древние башни бывшего Новодевичьего монастыря. А рядом высятся старые липы, березы, тополи. Ярусами расположились они по склонам. Деревья амфитеатром ниспадают по крутогорью к реке. Светлые солнечные долинки, вдоль и поперек исслеженные лучистыми тропками лыжней.

Ближе к берегу, на вершинах лип и берез чернеют грачиные гнезда. Целая колония! Здесь сейчас тихо.

Не сыщешь поблизости таких пологих круч, влекущих к себе любителей горнолыжного спорта. Отсюда, как с высоты птичьего полета, сразу оглянешь почти всю древнюю матушку-Москву.

...Скорехонько мчится из города троллейбус. Он забирается все выше и выше... Мелькают станции. Летят, расступаются дома. Глазам открывается сверкающая снежная равнина. На склоне стоит озаренная прохлад-

ным пламенем солнца березовая роща. Лыжники и туристы едут дальше. Слева — поле, справа — лес.

Эти белоствольные березы служат лыжникам «воротами» слалома.

Троллейбус катит по опушке парка, мимо старых деревьев и останавливается у обрыва.

Ленинские горы! Пассажиры сходят с троллейбуса на бровку, оглядывают высокий шпиль Дворца науки и останавливаются над падью «горки слалома». Неоглядно широка даль. Москва лежит внизу и видна как на ладони. Чист и бездонно глубок купол сияющего неба. Ясен простор лазури и прозрачны зовущие дали прояснившихся горизонтов.

На взгорье полно зрителей. Дан лыжный старт. Легко одетый спортсмен встал на лыжи и понесся вниз.

На крутом повороте он поднял палки, присел и, выровняв бег, проскользнул ворота с красными флажками. Вот лыжник достиг впадины, выбросился на крутой утес и, как с трамплина, взлетел в воздух и исчез за снежной горкой.

Вдоль и поперек «горки слалома» проносятся мастера горнолыжного спорта. За ними вздымаются вихри снежной пыли. Сияет ясный день. Ослепительно сверкает снег, зеленеет на склоне высокая сосна.

Чудесно в нашей подмосковной «Солнечной долине» Ленинских гор.

Утесы, лесистые ущелья, стремнины, пологие и крутые скаты. Высокие березы примостились на самой круче обрыва. Богатая натура. Живописная декорация для съемок.

Инеем одеты московские парки, сады и загородные леса. В морозные часы утренней тишины красиво белеют ажурными кружевами инея дремлющие деревья.

У опушки, словно завороженная, стоит в сверкающей

прическе кудрявая березонька. Ее облепила стая красногрудых чечеток. Оживленно перекликаясь, они порхают по ветвям. С дерева сыплется бриллиантовая пыль искристого инея.

Два достопримечательных места украшают пригород столицы: березовая аллея в Сокольниках и березовая роща на Ленинских горах.

Исконно русское это дерево воспето в песнях и в стихах поэтов. «На бугре береза-свечка в лунных перьях серебра» (С. Есенин).

Багровеют лучистые закаты. В отсветах зорь румянятся нетронутые сугробы. На этом фоне красуется в нежно-прозрачном пурпуре закатных лучей, падающих на склоны Ленинских гор, заиндевевшая береза.

С лайкой в лесу

Охотник спозаранку спешит с лайкой в лес. Он старается зайти с южной стороны, где больше шишек.

Первая остановка — у большой ели. На суках — комья снега. Вниз головой виснут красные, зеленые и желтые клесты.

С макушки будто вспорхнул мотылек. Завертелось в воздухе легчайшее еловое семя. Скатываются вниз по лапнику шоколадные чешуйки. За ними сваливается огрызок шишки. Невидимо пируют белки.

Остроухая лайка бегает кругом, ныряет в сугробе — «ходит на вольтах». Хвост, голова, нос, уши, глаза — все в работе. Вот она остановилась, внюхалась в след, шумно вдохнула воздух, чихнула, мотнув головой. Волнует близость зверя. Чуткие ушки ловят шорохи. Вдруг рванулась к ели, смотрит вверх, становится на задние лапы,

а передними яростно царапает по коре — «проба на коготок». Проверяет пес свое чутье: тут ли белка? Затаившийся зверек не выдерживает, думает, уже лезут по стволу. Показалась белка! Вон она поскакала кверху. Лайка мерно, звонко, спокойно лает.

Собачий лай издали понятен охотнику. Стрелок спешит к цели.

Хруст лыж все ближе. С испугу белка цокает и, распушив хвост, взмывает ракетой на соседнее дерево.

Охотник опоздал. Не беда! От лайки белке все равно не уйти.

Охотник долго всматривается. Стучит обушком топора по дереву. Собака перебегает на сторону, где стоит хозяин. Она глаз не спускает с дерева. Лайка в этот момент кажется особенно красивой. Голова приподнята, уши насторожены, хвост изогнут.

Белка шевельнулась. Заметалась, залилась лайка. Снова стучит топор по стволу. Опять белка подскочила от шума и попала собаке на глаза. По лесу разносится частый, громкий лай. Охотник присмотрелся и увидел пепельно-дымчатый мех зверька. Выстрел! Белка падает на снег. Лайка стремительно бросается к добыче, но, услышав окрик «Назад!», замедляет движение.

Охотник снимает рюкзак и бережно кладет в него пушистого зверька. Тут же гладит собаку и вручает ей поощрительную премию.

И снова лайка махнула по елкам. Вслед за ней идет и любуется незаменимым помощником охотник.

* * *

Русская лайка — хорошая промысловая собака. У нее широкий лоб, слегка вытянутая мордочка и острые уши. Она идет на медведя, рысь, лису, куницу, соболя, облаивает глухарей, тетеревов и даже ищет в камышах уток.

Незаменима на охоте на белок. Лайка сметлива, небоязлива, исключительно послушна. У этой собаки сильное чутье.

Многие москвичи-любители по примеру северян-промысловиков завели породистых, чистокровных лаек.

Пернатые водолазы

Ширь и гладь. Ровно стелется белая пелена пышной пороши. Необъятны ледовые просторы Московского моря. Ни рытвин, ни кочек, ни ухабов. «Брега с недвижною рекою сравняло пухлой пеленою...»

На полыньях, отдушинах быстрых речек и горных ручьев, а иногда и у прорубей больших и малых водоемов дивит наблюдателей редкое явление природы.

На синей кромке льда сидит и поет в мороз кургузая птичка-чернобрюшка. Вдруг певица вспорхнула и спокойно погрузилась в воду! Думается, ну, конец... Утонула птичка! Словно серебристая рыбка, заблестела в воде. А поглядишь — оказывается, пузырится воздух на жирных густых перьях. Как в скафандре, ходит по дну пернатая водолазка.

И до чего же вольно эта птичка держится в воде! Ни нырять, ни плавать не умеет. А по дну бегает, как по суше. Крылья короткие, как весла, а ноги длинные с крепкими раздвоенными коготками. Клюв тонкий и прямой. Птица хорошо приспособилась к жизни в воде даже зимой. Смотришь, птичка склевала жука бокоплава. А тут подвернулась плотвичка, и с ней быстро справилась водолазка. Сухая вылетела из проруби фокусница, да еще с рыбкой в клюве. Присела на льду, закусила и опять поет. И как бодро! Сыта и весела. Потешный этот певчий пинг-

винчик! Птица — родня дрозду, водяной воробей — оляпка. Она коричневая или чернобурая, с белой опушкой у шеи. Как пингвин, охотится за рыбками, водяными насекомыми и личинками. Гнездится оляпка в норах близ воды. Водяной воробей встречается на широтах Москвы и Ленинграда.

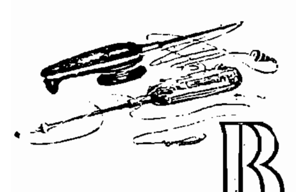
Очень часто можно у нас встретить и другого зимнего «водолаза». Рыболовы и дачники, наверное, видели летом, как над самой водой, словно камешек, маленькая птичка переметнется через речку и скроется в прибрежных кустах. Вот она сидит на ветке и смотрит в воду. Кажется, синеет на кусте чистый осколок лазури. Это иванок. Он, так же как и оляпка, ныряет за рыбой в проруби, отдушины и полыньи.

Недаром в орнитологии эта птичка так и называется: леденник-зимородок. Она необыкновенно нарядна. Крылья у взрослого самца зеленовато-голубого цвета. А спина, надхвостье и верхние перья короткого хвоста сияют синим отливом. Черный клюв длинный, прямой и острый, ноги красные, шейка белая. Менее ярка самка.

Этот наиболее известный, обыкновенный зимородок устраивает гнезда в берегах. Он распространен по всей Европе. Разновидности встречаются в Японии и Малайе. Есть еще два вида в Австралии: зимородок-великан и хохотун. Крик последнего похож на гортанный смех.

Крылья наших зимних купальщиков работают под водой, как весла.

В числе 47 видов редких залетных гостей очень оригинальны эти два зимних «водолаза» — зимородок и оляпка, напоминающие пингвинов Антарктики. Но морские пингвины не летают, а наши зимородок и оляпка летают и «ныряют», да еще вдобавок и поют... Любопытные птицы!

На зимнюю удочку

Водоемы Московского бассейна привлекают любителей подледного лова рыбы в прорубях. Страсть удильщика все превозмогает: ни мороз, ни метель не помеха. Подо льдом вода не охлаждается ниже четырех градусов, будь на зимнем берегу мороз хотя бы в 40 градусов. На дне нет ни ветра, ни мороза. И все-таки четыре градуса выше нуля — это зима подо льдом. Живые, но без движения и еды, зимуют стаями рыбы, едва шевеля плавниками на дне глубоких омутов.

Оцепеневший карась иногда вмерзает в лед, но, отогретый, оживает. То же самое происходит и с некоторыми другими рыбами. Удивляешься порой чудесному превращению. Принесешь из магазина окоченевшего зеркального карпа, бросишь в воду, чтобы оттаять, а придет хозяйка и глазам не верит: живой карп плавает... Вот диво!

Дремучее царство рыб цепенеет в зимней спячке. Не дремлют только одни хищники — окунь, щука, судак, налим. Вот на них-то даже в самые крепкие морозы охотятся неугомонные любители зимнего уженья на блесну, на живца, на малька, на «мормышку» с мотылем, на поплавковую удочку. На мелких местах около берега ловится плотва. Она гуляет. Не берет ее зимний сон. Ближе к весне попадаются язь и лещ.

Знатоки еще в феврале начинают ловить рыбу в прорубях летним способом — в «проводку» с предварительной прикормкой.

По льду удобно ходить без лыж. Но надо выбирать места. Можно попасть и на ненадежные участки. Особенно коварны льды там, где есть ключи.

Пусть страсть не притупляет осторожности: рыбак не на берегу.

Холод в меру. Большой снег прочно лежит уже почти два месяца. Устойчивая зима. Подледный лов оживляется после первой декады февраля.

На льду особенно прекрасно сияние снежной равнины. Ни рытвин, ни ухабов — ширь и гладь. Чисто и ровно стелется пышно-белая гладь пороши. Далеко видны спокойные фигуры мечтательных удильщиков на льду. С десяток, а то и больше лунок прорубит рыболов, пока наконец найдет подходящее место стоянки рыбы на донной зимовке.

И вот начинается священнодействие у проруби. В руках рыбака непрестанно подергивается короткая удочка — «кобылка»... Леска вдруг упруго натянулась. Резкий рывок кверху, и лицо рыбака озарено улыбкой: окунь выхвачен из лунки. Проходит время, и на льду появляются красноперые красавцы окуньки, мраморные щуки, перламутровые судаки, серебристая плотва.

Зимой рыба скопляется в глуби спокойных омутов. В таких местах — «зимовальных ямах» — будет удачнее лов из лунки, но только не при северном ветре. Особенно хорошо берет рыба в оттепель и в тихую погоду, когда мороз не больше 10 градусов. Солнце иногда мешает. В окно проруби вода освещается до дна. А рыбий глаз зорок даже подо льдом. Кстати заметить, рыба видит не только впереди, но почти все вокруг себя.

Рыболовам наперечет известны места, где лучше лов, и у каждого свои приметы. Московское общество «Рыболов-спортсмен» имеет десять станций. С перволедья их посещают тысячи удильщиков. Члены общества обеспечиваются ночлегом и инвентарем. Зимой здесь особенно приятно погреться за самоваром. По вечерам на станции открывается настоящий самодеятельный клуб любителей. Не переслушаешь охотничьих рассказов бывалых рыбаков о разных необыкновенных случаях хорошего лова.

Когда просыпаются белки...

Спадают морозы. Начинается потепление. Оттепель «сшибла рог зимы», так говорят в народе об этой поре.

Все выше всходит и дольше не заходит постепенно разгорающееся солнце. Оттепели разбудили в темном гнезде белку. Продремала затворница морозную зиму. В гнезде у нее и в мороз было до 20 градусов тепла. В стужу отшельница не спускалась за «кислыми» шишками, пробавлялась осенними запасами орехов, желудей, грибов, шишек. Чаще теперь белка гуляет по низу и резвится по верхушкам елок.

Дремучий бор зеленеет «зимой и летом одним цветом». Изящны рисунки хвойных пирамид. Строго устремлены ввысь четкие шпили елок. Мягко ласкают глаз теплые тона неувядаемой и в стужу нежнозеленой хвои.

В лучах февральского солнца хвоя блестит и кажется еще ярче, чем летом. Золотые связки шишек, подвешанные у самых коньков, увенчивают макушки елей.

...Чу! Отрывистое громкое цоканье разносится по лесу. Под опахалами потемистого лапника осторожно подшагнешь без лыж по крепкому насту и случайно подглядишь таежный секрет. Целый зверинец на одной сосне! По суковинкам вдогонку и вприпрыжку, цокая, скачут до десятка белок. До чего же прытки игруньи на воле! Оттепели, свету и солнцу безмерно рады теперь эти пепельно-голубые маленькие пушистые зверюшки.

Птичьим поскоком беличий следок дошел до елки и оборвался. Как на небо поднялась... Попробуй, найди ее без лайки. Трудно разглядеть затаившуюся белку в заснеженном хвойнике. Удобно искать ее в ветер, когда шевелятся макушки деревьев. Тогда белка сидит почти в полдерева, в неподвижной средней хвойной кроне. А сей-

час неизвестно, на какую елку смотреть. Не сразу угадаешь, куда делся зверек: поверху перемахнет и спрячется. Висит неподвижно хвост, точно хвойная ветка. Без собаки охотнику тут топор пригодится. Постучи о ствол, белка от шума поскачет выше и, гляди, навернется на глаза.

К концу зимы в лесу глубок сугроб. Лежат снега неподвижно, будто охраняют уснувшую природу.

А время придет — и чудесно снег обернется полой водой в апреле, зеленой травой в мае, грибами — летом. Сколько несметных богатств и чарующей красоты таится в снежных заносах зимнего леса!

Песня за работой

Светлеют лучистые дни на исходе зимы. Яснеет воздух, искрится нетронутая целина сугробов. Слепит глаза яркий блеск снега. А ухо ловит неожиданно звонкие голоса птичек. Как их возбуждает свет февральского дня!

В парке, как и в лесу, теперь уже новое, весеннее творчество птиц. Любимица птицеловов — синица-«большак» по утрам славословит нарастающую победу дня над ночью. Пернатый композитор сочиняет «величальную» песню весне. Забросила синица короткие зимние нотки.

Синица клюет и поет. Во время паузы слышны частые удары клюва: «тюк, тук, тюк». За час десятки деревьев облетит, тысячи веток осмотрит насекомоядка. Непоседа ловко цепляется за ветки, успевает обшарить все щелки и трещинки в коре. Клюет вредных насекомых: жучка, листогрыза, бисерную кучку бабочкиных яичек, листовертку.

Дрозд на высокой ноте поднимает голову, скворец еще и крылышками трепещет, будто сам себе дирижирует. А синице-певице некогда позировать, рассиживаться, манерничать. Она поет между дел на охоте.

...Заворковали голуби. Умильно зазвенели серебряные колокольчики овсянок.

Первой из всех зимующих птиц в средней полосе овсянка «запевает веснянку». Односложна и незамысловата, но трогательна на морозце, ее песня: «синь... зинь... синь... син...». Зимой она всегда в компании с воробьями. Никогда не заглядывает вглубь рощи, держится на опушках, в перелесках, чаще в полях.

Серебрист снежный простор. Яснолазурным фаянсом сияет необъятная ширь голубого неба. Сегодня оно, кажется, необычайно раздвинулось над полем. Ни облачка. Взошло яркое солнце. Чист и блестящ острый воздух студеного утра. Колкий морозец, а дышится легче, чем в жару пылкого июля.

До поры, до времени холоден пока солнечный луч. Но уже ярче сверкает он в зеркале сугробов. Февраль порусски месяц — бокогрей: снег остается на стволе дерева только с северной стороны. В природе весна света. Недаром в народе об этой поре года говорят: «Зима с летом встретились».

А в еловом лесу первая желтая клуша вывела зеленых цыплят. Во время насиживания она не сходила с гнезда. Кормил ее певучий красный петушок. С января занеслись клесты; по календарю биологов февраль — месяц бескормицы птиц. В эту пору в птичьи кормушки чаще засыпают семена сорняков, хлебные крошки.

Птицы — защитники зелени и урожая. Недаром пионерские организации и школьники проводят весенний День птиц. И уже сейчас лучше всего выставлять скворечники, чтоб они обветрились. Свежие стройки отпугивают птиц.

В лесу

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна.
Словно белою косынкой
Подвязалася сосна.

С. Есенин.

Пробушевала метель—и волшебно преобразился лес. Все стихло. Стоит завороженный чарами зимы молчаливый витязь в хвойной кольчуге. Грузные ветви елей тяжело клонятся книзу. Синичка сядет, а ветка не дрогнет.

На поляне особняком красуются крохотные елочки. Их совсем занесло; в причудливый наряд одела метель молодую поросль. Как хороши они теперь, как пригожи!

Вьюга посеребрила пышную прическу стройных сосен. Снизу — ни сучка, а на макушке — пышная снежная шапка.

У маленьких елочек, притулившихся под березой, змеится след лукавой лисицы. Кумушка, видно, направилась вглубь леса, сделала тычок, остановилась, потопталась в нерешительности и повернула назад: делать там нечего. На обратном пути забрала правее. А следом за ней зашагал охотник.

В эту пору лисицы избегают лесной глуши, больше бродят по опушкам. А еще чаще — по полям за мышами охотятся.

Охотники ошибочно подозревали, что именно лисицы и еноты повинны в убыли зайцев и тетеревов. Научные опыты опровергли это необоснованное утверждение. Действительная причина кроется в болезнях лесных животных. А лиса и енот — полезные звери. Кроме грызунов, они поедают змей, ящериц и насекомых.

Величава картина зимнего леса. В чащобе хмурятся

хвойные потемки. Таинственный сумрак окутывает даль. А впереди — словно светится вся — веселая береза. Всем своим жизнерадостным видом она как бы утверждает: придет весна, непременно придет! В солнечный день березовый ствол становится розовым, в пасмурный — белым, как снег. Даже во мраке безлунных ночей только и видишь одни березы во всем непроглядно-темном лесу.

Тишина и покой в лесу. Ни звука! Невольно воображение рисует картины, навеянные еще в детстве. Елочка в снегу у края поляны — точно белый медведь встал на дыбы и вытянул лапы. А робкая снегурочка, словно прячась от него, притаилась в глубине хвойника.

...Лес пронизали золотые лучи. Блики играют на снегу, на ветвях. Ярко светит солнце.

Скоро весна!

Да она уже тут, у тебя под лыжами. Разгреби снег — и увидишь зеленые ростки. Из-под перегноя листьев тянутся побеги подснежников. Так в незапамятные времена росли на равнинах по соседству с тающими ледниками эти цветы третичного периода. Такими они остались до наших дней. И нет им зимнего покоя, как лесным и луговым травам. Еще осенью готов запас корней, а в феврале образуются почки и бутоны.

В сугробе, как в парнике, чувствуют себя голубые перелески, красно-лиловые хохлатки, желтые и белые ветреницы, сине-розовые медуницы, желтый гусиный лук и чистяк. Весна у них еще под снегом.

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Павлович Зуев.

ВРЕМЕНА ГОДА.

* * *

Редактор П. Шемонаев.

Титул и рисунки в тексте художников Ф. Глебова и И. Бруни.

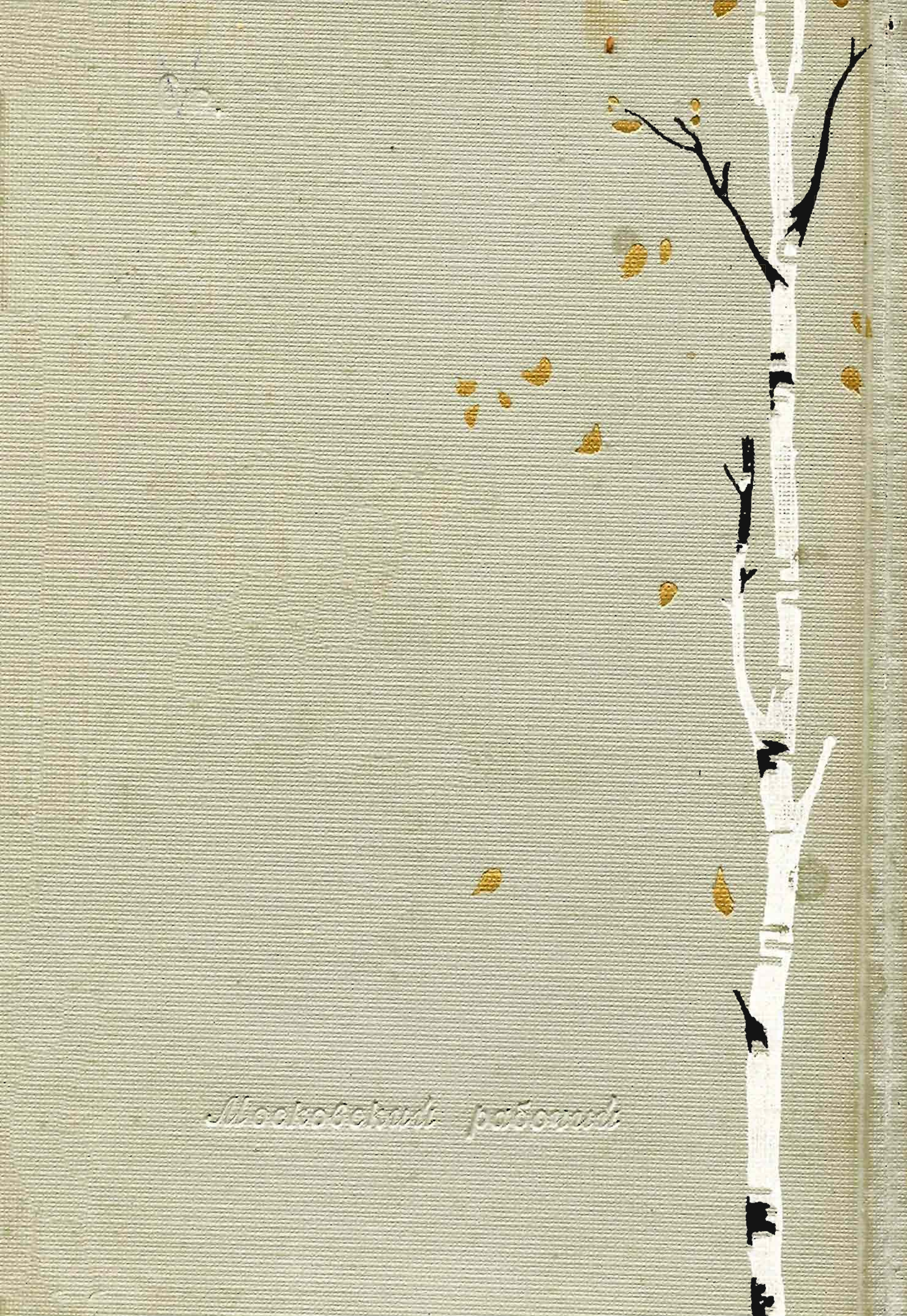
Переплет художника П. Зубченкова.

Технич. редактор Е. Яковлева.

Издательство «Московский рабочий», Москва, ул. Герцена, 24.

Л98136. Подписано к печати 5/III 1956 г. Формат бумаги 84×108 1/32.
Бум. л. 4,313. Печ. л. 13,12 + 1,02 (10 вклеек) = 14,14. Уч.-изд. л. 11,45.
В 1 печ. л. 57650 знаков. Тираж 90 000. Цена в переплете 6 руб.,
в обложке 4 руб. Зак. 215.

Типография изд-ва «Московский рабочий», Москва, Петровка, 17.

Московский рабочий